

18+

Андрей Ветер

Тропа

Андрей Ветер

Тропа

История безумного медведя

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Андрей Ветер, 2021

История воина из племени Лакота, избравшего путь шамана. Книга охватывает период от 1830-х до 1890-х годов и открывает читателю удивительный мир индейцев.

18+

ISBN 978-5-4485-7919-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

Тропа

От автора

Мато Уитко

(его собственные слова)

Медведь

Кража лошадей

Мато Уитко

(его собственные слова)

Водяной дух

Приезд

Рэндал Скотт

(из дневника)

Схватка

Мато Уитко

(его собственные слова)

Чужак

Крепость

Женщина

Мато Уитко

(его собственные слова)

Одиночки

Мато Уитко

(его собственные слова)

Охота

Красный Лось

Каменный юноша

Акичита Нажин

(рассказ в переводе Уинтропа Хейли)

Мато Уитко

(его собственные слова)

Встреча

Рэндал Скотт

(из дневника)

Семья

Акичита Нажин

(рассказ в переводе Уинтропа Хейли)

Мато Уитко

(его собственные слова)

Рандеву

Мато Уитко

(его собственные слова)

Бизоньи женщины

Рэндал Скотт

(из дневника)

Мато Уитко

(его собственные слова)

Бродяга

Мато Уитко

(его собственные слова)

Возвращение

Чёрное Платье

Татанка Ханска

(рассказ в переводе Уинтропа Хейли)

Трубка мира

Мато Уитко

(его собственные слова)

Рэндал Скотт

(из дневника)

Визитёры

Носители Ворон

Праздник

Акичита Нажин

(рассказ в переводе Уинтропа Хейли)

Мато Уитко

(его собственные слова)

Медвежий Бык

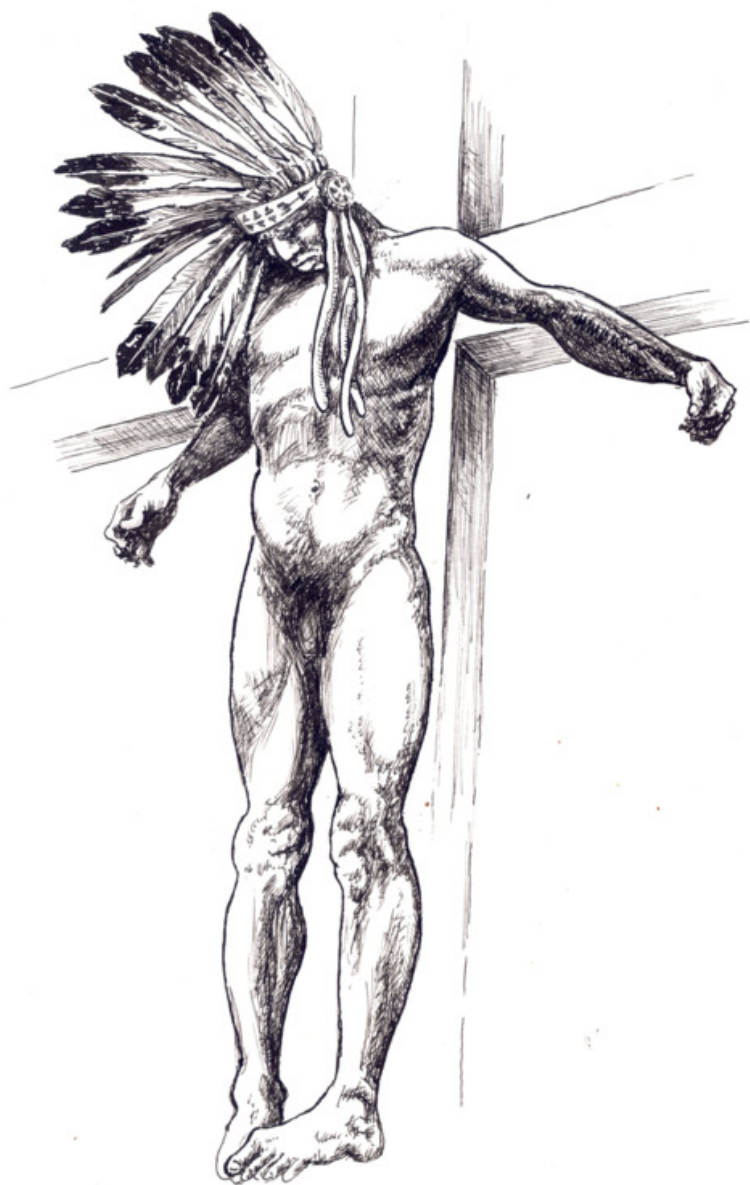
Приёмный сын

Акичита Нажин

(рассказ в переводе Уинтропа Хейли)

Уходящие за горизонт

Военные игры

От автора

В сентябре 1917 года редакция газеты, где я работал штатным репортёром, поручила мне найти какой-нибудь материал «поживее». Начальник отдела, которого все звали не иначе как Крыса, измождённый мужчина средних лет, с серым обвислым лицом и толстыми линзами на носу, внушительно сказал:

— Мне плевать, что ты откопаешь, приятель, но это должно быть аппетитно. Только помни, что никаких антивоенных материалов я не приму от тебя.

Последние слова он произнёс почти шёпотом. В редакции все боялись доносов. В связи со вступлением Америки в войну против Германии, правительство устроило настоящую истерию: преследовались все американцы германского происхождения, жестоко пресекались любые антивоенные высказывания.

— Поезжай в Сосновый Утёс, — порекомендовал мне Крыса, звучно сморкаясь в грязный носовой платок.

— В индейскую резервацию? Что я там забыл, чёрт возьми?

— Я слышал, что туда только что возвратился краснокожий, побывавший добровольцем на фронте. Ему оторвало ногу снарядом. Нам очень нужна информация такого рода. Если сумеешь раскрутить эту тему, это было бы очень полезно для газеты...

Более неинтересного задания я не получал никогда. Отправиться в гущу туземных лачуг и рыскать там в поисках мнимых национальных героев — что может быть хуже и бесперспективнее!

Но ехать пришлось, иначе я рисковал потерять работу. Единственным утешением был выделенный мне редакцией новенький автомобиль «Модель-Т» производства «Форд Мотор Компани» — ярко-синий, блестящий, словно только что облитый водой.

Я не подозревал, что эта поездка перевернёт всю мою жизнь и что мне посчастливится встретить там человека, который заставит меня смотреть на мир по-новому. Я ехал исполнять скучное поручение, а повстречался с Великой Тайной, олицетворением которой стал для меня тшедушный старик...

Но не буду забегать вперёд.

Мой давний товарищ Уинтроп Хейли, с которым мы вместе учились десять лет назад, но пошли разными дорогами, работал клерком в резервации Сосновый Утёс. Я связался с ним по телеграфу,

и он встретил меня на почтовой станции.

— Какая великолепная вещь! — воскликнул Хейли, поглаживая круто изогнутые крылья моего автомашины. — У нас тут никто ещё не видел такого чуда.

Вокруг горбились холмы, покрытые густыми сине-зелёными лесами.

— Вот чудо-то! Вот очарование! — вырвалось у меня. — Вот где истинная красота и величие!

Уинтроп только засмеялся в ответ:

— Знал бы ты, как здесь было раньше. Настоящий первобытный мир. А уж о тех временах, когда нас тут не было, и говорить не приходится.

— Кого «нас»? О ком ты говоришь?

В эту минуту из зарослей кустов с ужасным рёвом вывалился медведь. От неожиданности я надавил на тормоз. Автомобиль издал звук, похожий на кашель туберкулёзного больного, задёргался и остановился. Медведь поднялся на задние лапы, разинул огромную пасть, запах которой я остро почувствовал на расстоянии нескольких метров, и обрушился всей своей массой на передок машины. Нас основательно потрянуло.

— Боже! — прошептал сдавленно Уинтроп. — Это самка с детьми!

Я увидел, как из-за кустарника выглянули два лохматых медвежонка.

— Она порвёт нас на куски! — Хейли впился руками в кресло. — У тебя нет ружья?

— У меня есть только бумага и чернила!

— Тогда молись!

И тут чуть поодаль на дороге появился человек. Он был одет в старую клетчатую рубаху и обвислые штаны. Его седые волосы были коротко острижены, но по чертам лица я безошибочно определил в нём представителя индейской расы. На вид я дал бы ему лет восемьдесят-девяносто.

— Уходите! — закричал ему я. — Бегите отсюда скорее!

Но старик не обратил внимания на мои призывы. Он и не думал убегать. В течение нескольких секунд он смотрел на нас, чуть растопырив руки, словно ощупывая что-то в воздухе. Затем решительно шагнул в нашу сторону и произнёс несколько слов на непонятном мне языке.

Медведица, уже почти подошедшая к двери автомобиля, в последний раз ударила лапами по борту. Я услышал ужасный скрежет

её длинных когтей по металлу, и этот звук надолго оставил глубокие борозды страха в моей памяти. Однако уловив произнесённые индейцем слова, свирепое животное остановилось и замотало огромной головой. Громкое дыхание зверя колыhalo воздух едва ли сильнее, чем только что отзвучавший жуткий рёв. Мне казалось, что от этого дыхания стенки «Модели Т» содрогались.

Индеец неторопливо приблизился, вытянув перед собой руки.

— Он разговаривает с нею, — прошептал Уинтроп. — Он просит её оставить нас в покое.

— Как это просит? — с трудом выдавил из себя я.

— Просит...

Медведица задумалась, затем шагнула к нам и в течение некоторого времени смотрела на меня и Уинтропа в упор. Её горячее дыхание касалось моего лица. Затем она неохотно повернулась и увела за собой своих косматых отпрысков, косолапя и ворча себе под нос.

— Боже! — мне никак не удавалось унять дрожь в руках.

— Вот тебе и знакомство с девственной природой, дружище, — слабо засмеялся Хейли. — Добро пожаловать на территорию Соснового Утёса.

— Но как ему удалось? — указал я на старого индейца.

— Медведь с медведем всегда найдёт общий язык, — сказал мой товарищ и приветственно помахал рукой туземцу: — Здравствуй, Матó!

— Ты знаешь его?

— Разумеется. Это один из самых старых здешних жителей. Он знает столько историй о жизни племени, что с ним можно потерять счёт времени.

— Как ты назвал его? Матó? Что это означает?

— Медведь. На самом деле его зовут Матó Уиткó, то есть Безумный Медведь. Тебе повезёт, если ты найдёшь с ним общий язык.

— Общий язык? Он разве говорит по-английски?

— Весьма сносно, — кивнул Уинтроп.

Индеец несколько раз обошёл автомобиль, внимательно изучая его, иногда приседая и заглядывая под днище.

— Много интересного придумывают белые люди! — засмеялся он.

Затем он пожал руку Уитропу, а после того поздоровался со мной. От него пахло травами. Глядя на меня, он едва заметно улыбнулся.

— Да, да, — проговорили его губы, — всё так...

Всё время, пока я возился с автомобилем, пытаюсь завести его вращением вставленного спереди рычага, индеец молча наблюдал за мной. Я постоянно чувствовал на себе неотрывный взгляд старика.

Наконец машина завелась, и я занял моё место за рулём.

— Мато, поехали с нами, — предложил Хейли индейцу.

Старик забрался в автомобиль и устроился на заднем кресле.

— Я ждал этой встречи, — заговорил он, когда мы тронулись.

— Ждал? — переспросил Уинтроп.

— Во сне ко мне приходили Громовые Существа, — кивнул индеец. — Они сказали, что здесь появится белый человек, которому я должен буду рассказать о моей жизни. Ты и есть тот человек, — он бесцеремонно потыкал меня пальцем в спину. — Я никому не рассказывал о себе. Но Великая Тайна потребовала через своих посланцев, чтобы я поведал всё без утайки. Мне пора покинуть этот мир. Ничто не вечно на земле, даже горы...

Дальше мы ехали молча. При въезде в посёлок, состоявший из простеньких дощатых хижин, Хейли кивнул на сидевшего сзади индейца:

— Он тут один из самых сильных шаманов, дружище. Если он говорит, что должен рассказать что-то тебе, то так тому и быть. Ты сейчас не понимаешь, о чём речь, но позже поймёшь...

Когда заговорил Матó Уиткó я окончательно забыл о цели моей поездки и целиком отдался истории жизни Безумного Медведя — величайшего человека, повстречавшегося на моём пути. За его невзрачной внешностью скрывалась сила, о которой не смеют мечтать самые смелые умы. Стоило ему заговорить, я понял, что сделаю его главным персонажем моей книги.

— Я ждал тебя, — сказал он. — Я расскажу тебе о моём пути, о моих чувствах и о тайных знаниях. Ты должен поведать о них людям. Тебя послал сюда Вакáн Тáнка, ты не смеешь отказать. Всё, что задумано Творцом, должно претворяться в жизнь. Великая Тайна правит миром. Не нам решать, почему на каждого из нас возлагаются определённые задачи. Нам полагается выполнять нашу миссию, даже если мы не понимаем её смысла. В этом суть Великой Тайны...

Так родилась эта книга.

Некоторые главы романа представляют собой стенографические записи рассказа Мато Уитко. Я решил оставить их в подлинном виде, не внося никаких правок, даже когда старик перескакивал иногда с одного повествования на другое. Это придало книге весьма, как мне кажется, своеобразную форму. О кое-каких вещах Мато говорил очень скупно, но временами слова лились из него потоком, словно какая-то сила заставляла его произносить их. Когда он был немногословен, я брал на себя смелость добавлять кое-что в логическую схему событий,

так как я писал роман, а не просто фиксировал чьи-то воспоминания.

Мне посчастливилось также получить сильно истрёпанные страницы из расклеившейся тетради некоего Рэндала Стивена Скотта. Волею судьбы жалкие останки его дневника сохранились среди многочисленных реликвий Мато Уитко. Дневник, хоть и заметно подпорченный и подрастерявший немало листов, оказался для меня не менее ценным, чем воспоминания седовласых индейских старцев. Наличие этих пожелтевших бумаг позволило мне полностью восстановить хронологию некоторых событий.

А теперь, мой читатель, после этого пространныго, но необходимого вступления я приглашаю тебя в путешествие по Тропе, на которой множество человеческих судеб сплеталось в один узел, распадалось и снова сливалось воедино, дабы доказать себе и другим, что в мире есть только Бог и Его непоколебимые законы.

Мато Уитко

(его собственные слова)

Сейчас уже ничего нет. Жизнь Лакотов была раньше. Теперь мы сидим неподвижно и дожидаемся смерти. Не думай, что смерть пугает меня. Всё в этом мире умирает. Даже скалы разрушаются от времени. Из того, что мы видим вокруг себя, лишь Мать-Земля вечна и ещё Небо. Но тяжело на моём сердце от мысли, что я не умер раньше, а жизни уже нет. Пойми меня правильно. Я старик. Я потерял очень много, несмотря на то, что мои знания не позволяют мне думать так. Я знаю то, о чём большинство людей даже не догадывается. Но я тоскую и ничего не могу с этим поделать. Я не сумел сделать себя таким, каким был Красный Лось. Я оказался слишком привязан к моему народу и нашей жизни.

Наш мир славился свободой. Свобода ценилась выше всего. Но я понял это не сразу. Сегодня у наших детей рождаются дети. Старики поведают им о великих днях Лакотов, когда наш народ мог ходить и охотиться где угодно и нигде не было заборов, преграждавших путь. Но родившиеся сегодня уже не смогут понять этого.

Я помню время, когда мои люди жили далеко от белого человека, мы не встречали белых, хоть многие рассказывали про них.

Я *знаю*, что жизнь может быть не такой, как сейчас, но мои внуки, которые сейчас уже далеко не дети, не знают этого.

Среди нас не встречалось больных. Мы дышали чистым воздухом и ели свежее мясо, убивая дичь стрелами. Белые не загоняли нас в школы и не принуждали молиться тому, кого называли *своим Богом*. Окружающий мир, друг мой, был для нас тем, чем является для вас умная книга. Мы читали листья, траву, песок, камни. Звери и птицы делили с нами суровость и нежность Земли. Всякая живность доводилась нам родней. Белый человек так не думал. Он не понимал и не понимает, как дерево и река могут быть нашими родственниками. Весь мир, кроме него самого, казался ему населённым очень дикими существами: зверями и индейцами. Он стал истреблять нашу большую семью. Исчез бизон, лось, олень. Редким стал наш лес. Земля — мать всех народов, а белый пришелец вспорол ей живот и вгрызся в неё ради каких-то металлов. Белый человек считает себя хозяином земли, а не сыном. Но куда денется этот хозяин, когда земля умрёт от его

издевательств?

Сперва мы думали, что белые просто слабы и глупы, они не понимали языка зверей и не обращали внимания на шёпот ветра. Но оказалось, что они безумны. В их крови бежало слишком много злости, и она отравила белых людей. Мне жаль, что мы позволили им проникнуть в наш край. Но разве мы знали, что они не похожи на нас? Как могли мы догадаться, что чужеземцы выдумают свои законы, а не станут следовать вечному порядку Творца, который приходится отцом всем живым существам.

В моём сердце поселилась большая скорбь.

Мой друг, твоё племя велико, я видел ваши города, нет числа твоим братьям. Передай же им наши речи через твою бумагу. Мы многое поведали тебе. Сказанное слово не должно упасть на землю и превратиться в прах. Оно рождается для дела, взлетает птицей и парит над нами вечно, чтобы человек мог пользоваться им.

Когда мы уже не жили на свободе, Короткий Бык принёс Лакотам весть одного ясновидца о том, что прошлые времена вернуться, очистится земля от белого человека, вновь появятся стада лошадей и бизонов, вернуться наши погибшие воины... Многие поверили и начали Пляску Духов, как учил ясновидящий. Они не понимали, что он имел в виду не возвращение ушедших лет в том виде, как они запомнились индейцам, а предвещал наступление гармонии.

Тот ясновидец наставлял индейцев разных племён любить друг друга. Он говорил, что им нужно навсегда позабыть о военной тропе и только тогда наступит прекрасная жизнь. Он учил людей плясать по-новому — всем вместе, не отделяя мужчин от женщин и детей от взрослых. Он учил людей пляске мира, пляске единства. Но индейцы не сумели осознать его слов и восприняли их по-своему.

Я хорошо понимал ясновидца и его учение, так как я слышал об этом в дни моей молодости от Красного Лося. Я знаю, что его предсказание исполнится...

Большая Нога и многие другие пали от солдатских пуль, но разве этим можно остановить пророчество? Не представляю, как скоро оно сбудется, но это случится. Мир белых людей полон болезней, поэтому должен умереть. Но не война опрокинет его. Индейский народ долгие годы потратил на войну, это она сгубила нашу жизнь. Мы отступили от законов Дающего Жизнь, пролили слишком много чужой крови и теперь расплачиваемся...

Медведь

Он достиг тринадцати лет в тот год, но ему ещё не доводилось участвовать ни в одном военном походе (даже остаться при лошадях в засаде ему не предлагали), и он ни разу не подстрелил на охоте крупного зверя. Все называли его Мальчиком-Со-Звонким-Голосом, а он мечтал о торжественном и звучном имени, которое мужчины получали после отважного поступка на поле боя... Он знал, что заслуженные воины нередко брали себе в младшие товарищи кого-нибудь из подростков, чтобы обучать их искусству воина и охотника. У него же такого наставника не имелось.

Он сидел на большом валуне, покрытом у основания мягким мхом и ещё хранившем в себе тепло ушедшего солнца, и неподвижным взглядом смотрел на тихое селение клана Куропатки — его родной лагерь быстро растворялся в сумраке. Мальчик отошёл достаточно далеко от индейской деревушки, чтобы не слышать ничьих голосов, и теперь его окружала почти полная тишина. Он хотел побыть один...

Чёрная фигура появилась перед ним внезапно, будто ниоткуда, и от неожиданности у Мальчика сжалось сердце, пересохло горло. Вокруг сразу сделалось как-то особенно темно. Возможно, так ему показалось из-за накатившего страха, ведь человек подкрался незаметно, значит, был коварным и смертельно опасным врагом... И противостоять ему было нечем, так как Мальчик не взял с собой ни ножа, ни лука со стрелами.

— Не бойся, — низким голосом произнёс неизвестный, и Мальчик увидел его белые зубы прямо возле своего лица. Во тьме различались только белки его глаз и зубы (вероятно, вся его кожа была густо покрыта чёрной краской). Иногда какой-то невидимый лучик выхватывал из пространства два могучих кривых рога над головой чужака. Тот же отсвет дал зорким глазам Мальчика возможность в доли секунды различить и привязанную к голове мохнатую шкуру, к которой крепились эти рога.

— Не бойся, — повторил чёрный человек, — я не причиню тебе вреда. Я вижу, что ты сильно опечален. Я знаю твои мысли. Тебе кажется, что старшие воины незаслуженно обходят тебя вниманием... Я помогу...

— Кто ты? — спросил Мальчик, пытаясь подавить волнение, — и что за помощь можешь дать мне?

— Я не могу назваться моим настоящим именем. Для тебя я буду Медвежьим Быком. Я покровитель тех, кто должен проснуться, но сам пока не знает об этом. Однажды в тебе откроются большие силы, до тех же пор пройдёт много лет, и я буду твоим проводником на Тропе.

— Медвежий Бык? — воскликнул Мальчик, не в состоянии скрыть всколыхнувшийся суеверный страх. — Я не знаю тебя.

— Успокойся... В своё время ты узнаешь очень много. Но я пришёл не для разговоров... Возьми нож, — Мальчик увидел, как тускло блеснуло во мраке протянутое ему широкое лезвие, — и приготовься немедленно перейти от пустых мечтаний к действиям. Будь очень внимателен и повторяй мои движения...

Его слова оборвались.

Мальчик вздрогнул, услышав почти над самым ухом страшный трубный рёв. Он резко повернулся и прямо перед собой увидел громадные клыки. Зверь жарко дыхнул ему в лицо и прытко поднялся на задние лапы, мощно колыхнув мохнатым брюхом и сразу сделавшись неимоверно огромным. В груди Мальчика что-то лопнуло и разбрызгалось по всему телу ледяными иглами. Время остановилось. Мальчик позабыл о стиснутом в руке ноже, да и что он мог сделать, если бы даже помнил о широком лезвии? Против чёрного медведя не рискнул бы выступить в одиночку никто из самых опытных охотников. А тут всего лишь мальчик...

— Отбрось страх! — послышался голос Медвежьего Быка. — Если тебе суждено погибнуть, то уже поздно бояться. Отдай рукам всю силу своего тела и нанеси удар! Повторяй мои движения! Будь моей тенью сейчас!

В эту секунду Мальчику почудилось, что зрение его резко прояснилось: очертания окружающих предметов стали хорошо различимы, хотя ночь продолжала сгущаться. Он увидел, как чёрная фигура Медвежьего Быка стремительно скользнула под раскинутые лапы косматого животного, словно желая попасть в мощные объятия клыкастого великана. При этом Мальчик успел осознать, что движения Медвежьего Быка были похожи на движения плывущего под водой человека — они казались заторможенными. Мальчик сделал шаг следом, тоже плавно, словно перетекая из одной позы в другую. Вот его рука занеслась вправо, вот над головой застыла тяжёлая лапа с мерцающими когтями, вот лицо уткнулось в пахучую шерсть, щека почувствовала твёрдость медвежьего тела. Нож проткнул кожу с громким звуком и погрузился в мышечную ткань по самую рукоятку. И тут вдруг всё сделалось невероятно быстрым. Вооружённая рука

со скоростью молнии нанесла несколько ударов подряд. Мальчик мгновенно выпрыгнул из-под рассекающих воздух когтистых лапищ, отскочил в сторону и тут же вонзил лезвие зверю в горло, каким-то образом очутившись у него на загривке. Горячая кровь облила стиснутые пальцы. Он услышал, как его победный клич слился с рёвом медведя...

Мощное косматое тело тяжело рухнуло на землю, дёргая лапами. Мальчик, запыхавшись, опустился рядом и провёл по лицу липкой ладонью.

— Поблагодари его, — сказал Медвежий Бык, не позволяя ему отдышаться. — Отныне ты получаешь силу этого четвероногого брата и его имя. Выскажи ему уважение.

Мальчик, громко глотая воздух и слыша, как вздымается его грудь, встал на колени перед ещё подрагивающей тушей.

— Спасибо тебе, мой старший брат, за подаренные мне жизнь, мудрость, отвагу и силу. Прости, что мне пришлось пролить твою кровь. Я всегда буду хранить память о тебе.

Продолжая слегка дрожать от неутихшего возбуждения, но теперь уже совсем не испытывая страха, Мальчик левой рукой (поскольку она ближе к сердцу) зачерпнул медвежьей крови и обмазал ею свою грудь.

— Теперь отрежь его когти, позже ты смастеришь из них для себя ожерелье, — велел Медвежий Бык, — сними шкуру и отдай её своей младшей сестре (она ещё девственница). Печень и сердце высуши и вместе с перетёртой полыньёй носи в маленьком мешочке на поясе. Когда тебе будет угрожать опасность, этот амулет будет тяжелесть и тем самым предупреждать тебя... Череп медведя оставь на муравейнике, а когда маленькие братья начисто объедят его, ополосни череп водой и положи на тот камень, где ты сидел, когда я пришёл к тебе. Покрой камень красной охрой и молись ему как проявлению могущественного духа *Иньан*^[1]. Это будет место, где Медвежий Народ сможет давать тебе советы. Из верхней же части морды ты сделай маску и носи её на голове во время походов... А теперь я ухожу... Я часто буду появляться возле тебя, чтобы подсказывать и помогать, и ты будешь узнавать меня по сегодняшнему моему внешнему виду. Но этот облик только для тебя. Другие, перед кем я появляюсь, видят меня иначе... Я оставляю тебе нож, которым ты сразил медведя. Ты можешь гордиться таким оружием, но не давай его никому в руки и знай, что обо мне ты никому не должен говорить, иначе помощь моя прервётся. Тайна остаётся тайной, её не дозволяется открывать.

И чёрная фигура Медвежьего Быка, сделав пару шагов в сторону,

пропала.

Наутро отец Мальчика-Со-Звонким-Голосом послал глашатая объявить на всю деревню, что его сын совершил величайший подвиг и теперь будет называться Медведем. О тайном помощнике не было произнесено ни слова, хотя многие выпрашивали подробности схватки и с любопытством вытягивали шеи, чтобы разглядеть громадный нож, которым тринадцатилетний подросток свалил страшного зверя, — оружие, которого прежде у него не было.

[1] *И н ь а н* или *Т у н к а н* — дух, живущий в камнях и скалах. Его называют Живым Камнем и относят к категории Высших божеств.

Кража лошадей

Было раннее утро, когда Два Горба дотронулся до плеча Медведя и разбудил его.

— Что такое, отец? — хотел было спросить мальчик, но отец прикрыл его рот ладонью и многозначительно указал глазами на вход в палатку.

— Хочешь посмотреть на врага? — беззвучно шевельнул губами Два Горба.

Мальчик поспешил кивнуть в ответ и осторожно выбрался из-под шкуры, служившей одеялом. В руке отца он увидел тугой лук, сделанный из большого оленьего рога, и три стрелы. Глаза его вспыхнули, как угли под дуновением налетевшего ветра.

— Он пришёл отвязать лошадей, — жестами показал Два Горба, имея в виду прокравшегося в стойбище лазутчика.

Два Горба положил стрелу на тетиву и устроился возле куска кожи, служившего дверью. Подозвав сына к себе едва уловимым жестом, он слегка отогнул край кожи, и Медведь сразу приметил фигуру человека, осторожно продвигавшуюся к соседней палатке, возле которой стояли на привязи два красивых жеребца чёрной масти. Конокрад был совершенно наг и выкрашен с ног до головы белой глиной. Когда он останавливался, неподвижно скорчившись, он становился похожим на большой камень. Даже волосы его, застывшие под слоем глины, выглядели как высохшая трава.

— Это очень ловкий и хитрый воин, — отметил Два Горба. — Но мой слух достаточно острый, чтобы уловить даже его неслышные шаги.

Он натянул лук и глазами велел Медведю откинуть входной полог. Едва вход в палатку открылся, Два Горба быстро вскинул лук и отпустил тетиву. Она издала лёгкий, едва уловимый, фыркнувший звук и вытолкнула стрелу в сторону конокрада, придав ей стремительность и силу молнии. Человек дёрнулся от неожиданности и схватился за бок. Стрела воткнулась ему под ребро и вышла наконечником из груди, пробив, должно быть, сердце. Лазутчик замер, стоя на коленях, на несколько секунд, затем плавно повернул голову в ту сторону, откуда примчалась к нему внезапная смерть, и лёг на землю. Из раны быстро потекла кровь, алея на белой глине, которой был густо вымазан конокрад, впитываясь в трещинки, набухая в белых

крошках, утяжеляя сухие кусочки глины и отваливая их от тела.

Два Горба выскочил наружу, пригнувшись и оглядываясь, не видно ли других лазутчиков. Медведь поспешил за ним, схватив нож, подаренный ему Медвежьим Быком, и громко закричал, переполненный возбуждением. Его чувства хлестали через край, и мальчик не мог сдерживать их. Его боевой клич получился не очень выразительным, но Два Горба поддержал сына, издав душераздирающий вопль, от которого всколыхнулась вся деревня. Казалось, даже тянувшийся над сонной землёй ленивый туман дрогнул от военного клича умелого воина.

Чуть в стороне Медведь заметил две другие раскрашенные фигуры. Они поднялись с земли и бросились бежать прочь из лагеря.

— Отец! — воскликнул Медведь.

— Я вижу их, сын, — бросил Два Горба и пустил стрелу им вслед, однако обе фигуры исчезли в тумане.

Отовсюду появились заспанные люди. Мужчины бежали с топорами и луками в руках, женщины испуганно высовывали головы из палаток, но не решались выйти совсем, не понимая, что именно произошло.

Два Горба в нескольких словах объяснил подбежавшим к нему товарищам, что произошло, и пять юношей помчались к своим лошадям, чтобы погнаться за беглецами.

— Кто это? — спросил Медведь, присаживаясь возле застреленного конокрада и дёргая за кончик торчавшей из-под ребра стрелы.

— Псáлок[1]. Взгляни на его обувь, сын, это человек из Вороньего Племени. Дотронься до него. Это будет твоё первое прикосновение к врагу[2].

Мальчик уверенно приложил ладонь к Псалоку и ощутил ладонью шершавую поверхность глины.

— Я убил врага! — закричал довольным голосом Два Горба. — Мой сын Медведь первым дотронулся до поверженного Псáлока! Мой сын совершил подвиг! Люди, сегодня мы будем праздновать это событие! Я угощаю мясом антилопы, которую я убил вчера.

— Там есть следы крови, — подошёл, указывая рукой через плечо, Хвост Выдры. — Похоже, Два Горба, ты ранил ещё одного Псалока. Возможно, юноши настигнут его за пределами становища.

Хвост Выдры перевернул тело убитого врага и всмотрелся в его лицо. Рядом уже толпились женщины. Одна из них протиснулась сквозь собравшихся, держа в руке длинный нож, и, не произнося ни слова, быстро занесла руку над головой. Удар лезвия пришёлся

по плечу убитого и глубоко рассёк плоть. Кровь брызнула во все стороны.

— Это тебе за то, что твои люди убили прошлым летом моего сына! — выкрикнула индеанка и плюнула несколько раз на покойника.

Следом за этим на мертвеца обрушился целый град беспощадных ударов дубин и топоров. В считанные минуты тело Псалока превратилось в кровавую грудку мяса, лишь общими очертаниями напоминавшее человека.

— Посмотри на сына, Травка-Из-Воды, — обратился Два Горба к подбежавшей жене, — он только что дотронулся до Псалока, которого я убил.

— Это военный отряд? — спросила она.

— Нет, — успокоил её Два Горба, — они пришли за лошадьми. Но их поход не оказался удачным. Несколько наших юношей поскакали за ними, вскоре они вернутся и сообщат нам, большой ли отряд им удалось обнаружить и стоит ли его преследовать. Если нашим повезёт, они завалят ещё кого-нибудь...

Некоторое время спустя в деревню примчался Хвост Выдры с друзьями, задорно покрикивая и размахивая боевыми палицами, ошетилившимися острыми металлическими лезвиями. Позади лошадей тащились по земле привязанные верёвками два трупа. Всякий раз, когда убитые натывались на камни, их раскинутые руки безвольно подрагивали, а из расколотых черепов выплёскивалась кровь, густо разливаясь в пыли.

Вечером стойбище наполнилось барабанным боем и пронзительными песнями. Травка-Из-Воды, мать Медведя, танцевала, важно подняв подбородок, перед костром, разложенным посреди лагеря; в одной руке она держала над головой шест с привязанным к нему скальпом убитого Псалока, в другой — лук и щит мужа. За ней приплясывали две совсем юные девушки с такими же окровавленными трофеями, прицепленными к копьям. Следом двигались другие женщины, потряхивая прикрепленными к палкам отрубленными ногами и руками Псалоков. Шествие замыкала маленькая девочка с большущими чёрными глазами и широкой белой улыбкой на открытом лице; она весело перескакивала с ноги на ногу и стискивала обеими ручонками длинный, в запёкшейся крови, лоскут человеческой кожи с половыми органами одного из убитых врагов.

Два Горба, облачённый в длинную рубаху из оленьей кожи, которая была расшита иглами дикобраза на плечах и украшена вдоль рукавов

пучками вражеских волос, произнёс речь в честь своего сына.

— По такому знаменательному случаю я дарю самому бедному человеку в нашем становище одну лошадь, — заключил он, и эти слова были встречены воплями одобрения со стороны соплеменников.

Медведь тоже принял участие в пляске вокруг огня, выкрасив лицо в алый цвет.

— Когда ты отправишься в поход, я хочу пойти с тобой, — обратился он к отцу, когда празднество завершилось.

— Я думаю, что я подниму отряд через два дня. Молодые воины горят желанием показать Псáлокам, что Лакóты более ловко угоняют лошадей.

— Я пойду с вами, — твёрдо сказал Медведь.

— Теперь ты считаешься воином, так как дотронулся до врага. Я не имею права запретить тебе. Если ты готов, если ты полон решимости, то я включу тебе в отряд. Но не забудь, что тебе надо хорошенько подготовиться. Проверь стрелы и лук, крепко ли сидят наконечники, хорошо ли держится тетива. Не забудь взять у сестры запасную обувь для похода. Я видел, что она закончила ещё две пары мокасин для тебя, они будут очень кстати.

Глубокой ночью, когда шум в стойбище стих и из-за стен палатки доносилось только редкое переругивание собак, Медведь всё никак не мог уснуть. Справа от него тяжело дышали отец и мать, энергично совокупляясь под бизоньей шкурой. Иногда тёмное покрывало сползало, и взору мальчика представляли голые материнские бедра, между которыми двигались ягодицы отца; смазанная жиром енота кожа лоснилась в тусклом свете ползатухшего костра. Мальчик тихо улыбался. Его радовало, когда он видел, что родители счастливы и что на их лицах нет ни тени печали. Ему нравилось прислушиваться к звукам родительского соития и вдыхать их запах — запах возможной будущей жизни. Медведь знал, что в скором времени он и сам подрастёт настолько, что сможет сходить с хорошенькими девушками. Но чтобы они стали доступны, ему надо было привлечь их внимание своими выдающимися поступками. Ему нужны были подвиги, как можно больше подвигов.

Мысль о походе за лошадьми во вражеский стан не давала ему покоя до самого утра. Лишь ближе к рассвету он крепко заснул.

Следующий день прошёл в суе. Друзья, прознавшие о том, что Медведь отправится в рейд вместе со старшими воинами, пришли подбодрить его. Кое-кто открыто выражал зависть.

И вот наступило долгожданное утро, ночь перед которым Медведь

вновь провёл в нетерпеливой и изнурительной бессоннице.

С первыми проблесками света Два Горба поднял сына.

— Пора, — шепнул он, стараясь не будить остальных, но Трава-Из-Воды всё же проснулась и, не произнеся ни слова, бросилась к мужу, обнимая его и прижимаясь лицом к его мускулистой груди.

— Не бойся, — проговорил Два Горба, — всё будет хорошо.

Она кивнула в ответ и молчаливо вышла следом за мужем из палатки. Около входа из земли торчал высокий шест, на нём висел скальп, с которым танцевала Трава-Из-Воды. В сером предрассветном воздухе маячили очертания двадцати стройных длинноволосых человек. У каждого в руках были кожаные мешки и оружие.

— Все собрались? — спросил Два Горба.

Индейцы кивнули.

— Тогда в путь.

Они пошли из деревни быстрыми шагами. Тут и там виднелись около палаток фигуры женщин, с тревогой смотревших вслед удалявшемуся отряду. Все надеялись на благополучный исход рейда, но все знали, насколько велик риск погибнуть возле враждебного лагеря. Они ушли пешком, следуя давней традиции Лакотов не брать лошадей, если целью похода были чужие лошади, на которых отряду предстояло вернуться домой.

Медведь обернулся. Позади осталась деревня. Конусы палаток, ошетилившиеся на верхушке шестами, наполовину утопали в ползущем тумане; между шестами, торчавшими подобно усам гигантских насекомых, мирно поднимались ровные струйки дыма. Мальчик почувствовал нечто похожее на грусть. Прощай, детство! Прощайте, мальчишеские игры! Чем бы ни закончился этот поход, обратной дороги в мир детей уже не будет. С этого дня Медведь будет принадлежать миру воинов...

Совсем по-другому виделась теперь Медведю бескрайняя равнина, покрытая тонкими стеблями высокой жёлтой травы. Привычно взлетали в небо из травы птицы, проскальзывали тут и там уши койотов, но теперь степь наполняла мальчика напряжённым ожиданием.

Два дня отряд двигался спокойно, особенно не таясь. На третий день пути Два Горба усадил воинов в круг и раскурил трубку.

— Мы зашли на вражескую территорию. Псалоки могут быть повсюду. Начиная с сегодняшнего дня мы будем выставять дозорных вокруг наших стоянок. Костры не разводим. Днём спим, ночью передвигаемся...

Но далеко идти им не пришлось.

Уже вечером Убийца Волков торопливыми, но бесшумными шагами вернулся на стоянку с того места, откуда он наблюдал за окрестностями, и сообщил о приближении врагов.

— Кто они?

— Похожи на Псáлоков. Их вдвое больше нас, — сказал Убийца Волков.

— Это могут быть те самые, которые приходили к нам. Должно быть, кто-то торопится отомстить за того конокрада, которого я застрелил, — предположил Два Горба. — Надо проследить, где они остановятся.

— Ты хочешь, чтобы мы взяли их лошадей? — спросил Убийца Волков.

— Зачем искать их стойбище, когда они сами пришли к нам с лошадьми? Ночью мы сделаем то, что должны сделать.

На закате воины начали готовиться к ночным действиям, заплетая волосы и раскрашивая себя должным образом. Все, кто носил орлиные перья, сняли их, чтобы их белый цвет не привлекал к себе в ночной синеве внимание врага. Разведчики, покрытые волчьими шкурами ушли следить за Псалоками. Медведь приладил к поясу мешочек со священной смесью, которую ему велел сделать Медвежий Бык — порошок из высушенной печени и сердца убитого Шакехански и полынь.

— Приготовь краску, — сказал ему Два Горба.

Усевшись подле отца, Медведь достал кожаную коробку с бизоньим жиром и, зачерпнув его одной ладонью, насыпал сверху чёрный порошок. Тщательно перемешав их, он получил густую чёрную массу. Два Горба, неторопливо окуная пальцы в жирную краску, нанёс её на своё лицо, плотно вымазав ею свои щёки, нос, подбородок. Он никогда не раскрашивал лоб, отправляясь в бой или за лошадьми, но если ему удавалось сразить врага, то кровью убитого он покрывал свой лоб.

Медведь смазал с ладони остаток краски на лицо, не очень заботясь о том, как он будет выглядеть. Его больше волновало положение священного мешочка на поясе, ожерелье из медвежьих когтей и подаренного ему ножа.

Разведчики появились внезапно. Их лица смотрели из-под волчьих масок возбуждённо и строго, глаза горели.

— Лошади стоят вон в той лошине, — указал один из разведчиков рукой в мутную синеву вечера, — а сами Псалоки устроились чуть

выше на склоне.

— Значит, — заключил Два Горба, — мы должны отрезать их от табуна. Если мы сделаем это тихо, то Псалоки даже не проснутся. Сколько дозорных у них выставлено?

— Около лошадей сидят двое. Других мы не видели.

— Как только луна зайдёт за те облака, мы подкрадёмся к ним. Жёлтый Палец, ты приготовил рубашку? — Два Горба обернулся к высокому юноше, сидевшему справа от него.

— Да, вот она.

— Надевай её. Время пришло.

— Что это за рубаха? — шёпотом любопытствовал Медведь.

— Эту рубаху Жёлтый Палец украл однажды в стойбище Псалоков. Он всегда берёт её, отправляясь в Воронье Племя за лошадьми. Она пахнет Псалоками. Ни собаки, ни лошади не обращают внимания на него, так как думают, что Жёлтый Палец — Псалок. Да и враги, даже если у них очень острое обоняние, тоже не смогут учуять запаха чужого племени...

Два Горба дал знак, и все двинулись в сторону вражеской стоянки. Несмотря на то что Псалоки находились на своей территории, они вели себя осторожно, их костра не было видно. Но Медведь чувствовал запах дыма и улыбался этому запаху — огонь можно спрятать лишь от глаз, но не от чувствительных ноздрей Лакотов.

Бесчисленный мир насекомых наполнил стрекотанием воздух. Густые заросли кустарника близ холма, на котором расположились Псалоки, тревожно зашелестели под мягким порывом степного ветра. Медведь взглянул на отца, тот припал к земле и был абсолютно невидим в своей неподвижности. Низко над ним пролетела крупная сова и почти коснулась его головы широким крылом, но Два Горба не удостоил птицу вниманием. Его пронзительные глаза неотрывно смотрели вперёд. Медведю казалось, что его отец даже прекратил дышать; никогда мальчик не видел его таким, и сейчас он по-настоящему залюбовался отцом, на какое-то мгновение совершенно забыв о том, где и зачем он находится.

Где-то в стороне коротко промывчал олень, и ему откликнулся целый хор далёких волчьих голосов. Кустарник снова зашелестел. Впереди громко фыркнула лошадь. Два Горба приподнял руку с ножом и подал кому-то знак. Слева скользнула безмолвная тень Жёлтого Пальца, за ним двинулся кто-то в волчьей шкуре. Снова донёсся конский всхрап. Мальчик медленно пополз вперёд, осторожно перенося тело над сыпучими камешками. Отец посмотрел на него

и знаками сказал, чтобы Медведь оставался на месте и принимал лошадей, которых воины начнут выводить. Мальчик понимающе кивнул.

Через некоторое время Медведь остался в полном одиночестве. В нескольких десятках шагов от него сидели на склоне холма враги, он слышал их негромкие голоса, кто-то посмеивался, рассказывая какую-то историю. И тут мальчик почувствовал, как висевший у него на поясе священный мешочек заметно отяжелел, будто в него разом бросили пару тяжёлых камней. Сердце Медведя заколотилось вдсятеро сильнее, горячий стук передался в голову, и во рту мгновенно пересохло. Где-то рядом была опасность. Где-то очень близко...

Из-за кустарника выплыла тень. В свете луны, снова выкатившейся из-за тучи, Медведь разглядел незнакомого человека с зачёсанной надо лбом чёлкой, которая была густо смазана жиром. Псалок. Враг. Это мог быть один из дозорных, что сидел возле лошадей, либо кто-то из мужчин, спустившийся сверху и заподозривший неладное. Псалок вытащил из-за пояса боевую дубину с круглым каменным набалдашником и присел на корточки, всматриваясь в темноту, где топтались лошади. От мальчика его отделяло не более двух шагов. Медведь хорошо различал бахрому на просторной рубаше врага, согнутую в колене ногу, подошву мокапина, пришитый к плечу волчий хвост, цепкие пальцы на рукоятке дубины...

Псалок не заметил его и сделал полшага вперёд. Медведь приподнялся, стиснув рукоять большого ножа и глазами наметил место для удара — между лопатками, у самого основания шеи, на самой кромке расшитого иглами дикобраза воротника.

Снова подул ветер, и ветви кустарника зашевелились шумно. Их шелест позволил Медведю подняться на ноги так, что Псалок не услышал его. Мальчик сгруппировался, оттолкнулся напружинившимися ногами и, прикусив губу, чтобы не закричать от страха и нахлынувшей внезапно ярости, бросился на врага. Нож легко вошёл туда, куда метил Медведь, и перебил позвоночник, мускулистое тело под мальчиком сразу обмякло и тупо ткнулось головой в землю. Медведь сжался от вскипевших в нём противоречивых чувств, прижался грудью к неподвижному врагу и на всякий случай ударил Псалока под левую лопатку ещё пару раз. Враг, сильный и закалённый в боях враг, угрожавший всему отряду Лакотов, был мёртв.

Впереди показался во тьме Жёлтый Палец с двумя лошадьми. Увидев лежавшего на мёртвом теле Медведя, воин обвёл окружающее

пространство взглядом и кивком велел мальчику подняться. Медведь указал лезвием на голову Псалока и сделал движение, обозначающее срезанные с затылка волосы. Жёлтый Палец кивнул. За его спиной появился Два Горба, на его чёрном лице сверкнула хищная улыбка.

Один за другим выходили из густой синевы лошины Лакоты, ведя с собой по две лошади. На поясе одного из воинов Медведь приметил длинные волосы, с которых стекала кровь на кожаные ноговицы. Чуть позже он увидел второй снятый скальп — у другого юноши.

— Отрезай волосы Псалока, — жестами сказал Два Горба.

Мальчик наклонился над трупом, и в эту секунду одна из лошадей вдруг громко заржала, застучала передними ногами о землю. Со склона холма донеслись голоса, явно озадаченные тем, что ржание донеслось не с той стороны, где должен был стоять табун. Послышался вопрошающий крик, но Лакоты не ответили. Два Горба велел не мешкать и садиться верхом.

Вспрыгнув на коней, Лакоты погнали оставшийся табун прочь. На холме зашумели, захрустели ветви под ногами бегущих людей.

Медведь, так и не успев снять скальп с врага, оглянулся. Ему не хотелось упускать такую возможность, но опасность была слишком близка. Заставив лошадь покружить на месте, он ещё раз посмотрел на белевшую в темноте рубашку мёртвого Псалока. Убитый человек притягивал мальчика к себе, и Медведь не устоял.

Он спрыгнул с коня и склонился над распластанным телом. Мешочек на его поясе заметно отяжелел, но мальчик не обратил на это внимания. Вцепившись в затылок Псалока, он приподнял его голову и полоснул ножом, едва не задев свои собственные пальцы. Движение получилось слишком резким и косым, лезвие надрезало кусок кожи с волосами, но гораздо меньше, чем требовалось для полновесного скальпа.

— Уходи, — сказал кто-то в голове Медведя.

Медведь нащупал кромку волос на лбу мертвеца и поддел их ножом. Стараясь сдерживать нервную дрожь в руках, он аккуратно надрезал кожу по всему контуру волос и сильно потянул их на себя, острым лезвием обрывая кровеносные сосуды под кожей, и чувствуя горячую кровь на своих руках.

Прошло ещё мгновение, и совсем близко посыпались камешки под чьими-то быстрыми ногами. Медведь метнулся к лошади, но она кинулась в сторону. Он успел вцепиться её в хвост, рванул его на себя и запрыгнул на спину строптивого скакуна. Ударив коня пятками, Медведь издал победный клич и поднял над головой тяжёлый от крови

волосатый трофей. В следующую секунду жёсткое древко стрелы ударило мальчика в ягодицу. Он вскрикнул от неожиданности и погнал своего скакуна во всю прыть. За спиной пронзительно ругались.

— Ха! Мы здорово провели этих Псалоков! — воскликнул Два Горба, когда они сделали первую остановку.

Подъехав к сыну, он взял его за локоть:

— Что с тобой? Ты едва держишься...

— Стрела...

Его быстро сняли с коня и уложили на живот в высокую траву.

— Ничего страшного, — проговорил Вертящийся Енот, — стрела ударила его на излёте. Конечно, он потерял много крови, так как наконечник растеребил мышцу во время скачки. Но я справлюсь с этой раной.

— Не потеряйте скальп, — прошептал Медведь через плечо, не в силах поднять голову, — мой первый скальп, очень важный скальп...

[1] А б с а́ р о к а — племя языковой группы Сю, больше известное как Воронье Племя. Впрочем, слово «абсарока» не означает собственно ворону; большинство исследователей соглашается с тем, что это древнее слово указывает, скорее, на любого пернатого хищника.

[2] У большинства равнинных индейцев прикосновение к врагу считалось самой большой военной заслугой. Существовали строгие градации этого подвига: прикосновение к живому врагу, к мёртвому, первое прикосновение, второе, третье. Некоторые индейцы держали для совершения этого подвига специальные жезлы, но многие ударяли противника луком, копьём или просто рукой. Совершив это, воин обычно издавал победный клич, чтобы привлечь к себе внимание товарищей, которые должны были впоследствии засвидетельствовать его подвиг на сходке воинов.

Мато Уитко

(его собственные слова)

Я уже очень стар, но прекрасно помню мой первый выход на военную тропу. Я убил воина из Вороньего Племени и решил забрать его волосы. Я был настолько возбуждён, что срезал их не с затылка, как делалось обычно, но все целиком, даже длинные заплетённые косы были на том скальпе. Я снял всю кожу с головы того Псалока — от бровей до шеи. Это был богатый скальп, красивый. Сзади к волосам было привязано длинное орлиное перо, оно так и осталось на месте, только обломилось на кончике, когда я убивал Псалока и придавил его моим телом.

Больше никогда я не срезал волосы таким образом. В меня попала стрела из-за того, что я провозился долго возле мертвеца. Когда после продолжительной скачки мы сделали остановку, я упал без сил. Наконечник сильно расковырял рану, и из меня вытекло много крови.

Пока я лежал, я увидел стрекозу, которая зависла перед моим лицом. Она сказала:

— Ты должен быть внимателен к *голосу*. Если не обращать внимания на него, то тебе не помогут ни сила, ни ловкость. Во всём должна быть мера...

Вертящийся Енот хорошо обработал мою рану, и она быстро зажила. Я перестал хромать через несколько дней. Однако остаток пути до нашего селения я проделал на волокушах, которые соорудили специально для меня.

Мы были очень довольны тем походом. Празднование по поводу успешного рейда продолжалось несколько дней. Меня чествовали так, как никого никогда не чествовали на моей памяти. Это легко понять. Я совершал подвиг за подвигом, а мне было всего тринадцать зим.

Снятый скальп Псалока висел перед входом в нашу палатку очень долго...

Я ходил в походы часто, так как не мог устоять перед соблазном совершить новые подвиги. Я был молод и горяч. Меня обуревала жажда славы, желание занять самое видное место среди соплеменников. Мне нравилось танцевать под взглядами девушек, но всегда было мало их внимания, всегда оставалось неудовлетворение от похвал и почестей, которые оказывали мне друзья. Я ждал чего-то

большого.

Сегодня мне не доставляет удовольствия вспоминать о моих боевых заслугах. Что я делал тогда? Я воровал лошадей и убивал врагов. Убивал столько, сколько мог. На моём счету было столько смертей, что негде стало развешивать скальпы убитых врагов. Перед входом в мой дом стояло десять шестов, густо увешанных человеческими волосами. От обилия скальпов эти шесты стали похожи на неведомых животных. Затем я перестал срезать волосы врагов. Они ничего не давали мне.

Однажды я повёл отряд в очередной рейд за лошадьми. Мы подкрались к самому лагерю врагов. И вдруг до меня долетел шорох: кто-то находился очень близко от меня.

Мой священный мешочек (вотаве) всегда предупреждал меня об опасности, я привык к тому, что он подсказывал мне, и вёл себя достаточно уверенно во всех ситуациях. В этот раз он совсем не отяжелел, и я смело шагнул вперёд, держа наготове нож. Кто-то очень быстро поднялся из высокой травы. Мне хватило одного удара, чтобы убить человека. Это оказалась женщина с ребёнком на руках. Её платье было поднято до самых бёдер, и я понял, что она ходила по нужде. Я бы забрал её ребёнка себе, но он умер сразу, стукнувшись головой о землю.

С того раза я перестал срезать скальпы.

Я просто сказал моим спутникам, что зарезал женщину с младенцем. Они остались довольны и причислили её к общему числу убитых нашим отрядом врагов. Во время рейдов любой поверженный неприятель, будь то мужчина, женщина или ребёнок, считался достойным того, чтобы гордиться его смертью. Но в сердце моём что-то изменилось в тот день. Я потерял интерес к таким подвигам. В них не было мужества. Не знаю, почему я не думал об этом до того дня. Не знаю...

Больше я не отрезал никому голов. Если мне приходилось лишать кого-либо жизни, то лишь в бою. Я оставлял убитых нетронутыми. Любой из моих воинов мог забрать в качестве трофея волосы или всю голову сражённого мною врага. Но сам я ничего не брал, кроме оружия, если оно мне нравилось.

И всё же драться я любил, ведь я состязался силой с противником. Я не мог устоять перед возможностью проявить мою ловкость и доказать моё превосходство над всеми. Сейчас мне грустно думать об этом, но так было.

Однажды я облачился в женское платье, распустил волосы и вечером вошёл во вражеский стан. На спине я нёс охапку хвороста.

Никому из них даже в голову не пришло, что под самым носом у них находился я — первый из воинов рода Куропатки! Мне было очень смешно смотреть на врагов.

Темнело. Я бросил хворост возле какой-то палатки и направился к лошадям. Я приглядел самых красивых из тех, что были привязаны у входа в жилища. Когда в лагере стихло, я спокойно отвязал пять лошадок и повёл их за собой. Никто не обратил на меня внимания. Только один человек заподозрил неладное. Возможно, одна из тех лошадей принадлежала ему, поэтому он и подошёл ко мне быстрыми шагами. Как же вытянулось его лицо, когда он обнаружил, что я вовсе не женщина, а мужчина из чужого племени! Он хотел позвать своих друзей, но не успел. Я пронзил ножом его горло и сразу запрыгнул на коня. Убитого мужчину обнаружили, должно быть, не сразу, поэтому погоня пустилась по моим следам слишком поздно и я успел ускакать очень далеко.

Таких забавных случаев со мной произошло много. О них мне вспоминать куда приятнее, чем о простых убийствах из засады.

Все считали меня смелым. Но смелость означает постоянную борьбу со страхом. Я не был смелым, я был безбоязненным. С какого-то момента страх просто умер во мне. Я говорю о страхе смерти. Я понял, что в жизни можно многое обойти стороной, можно не познать любви к женщине, дружбы, можно не иметь удачи на охоте, но нельзя обойти стороной смерть. Когда я осознал это, я перестал бояться её.

Да, на моих руках много крови. Но что я мог поделать? Я был молод и мечтал лишь о славе, ради которой готов был рисковать собственной жизнью. Это глупо. Я знаю, что это глупо. Однако это свойственно большинству молодых людей. Так было всегда. Так будет всегда. Молодёжь живёт страстью и порывами, не внимая голосу разума. И от этого моё сердце сжимается.

Водяной дух

Утро не предвещало ничего доброго, потому что старый Клюв увидел во сне огромное речное чудовище, похожее на рыбу с рогами, и из-под жабр его валил дым.

— Оно стояло у нас на пути и громко чихало, — сообщил старик, задумчиво поморщившись. — Позади этого существа я видел деревянный дом, вокруг которого сидели люди со светлыми глазами.

— Бледнолицые?

— Да, племя Светлоглазых. Я не люблю их, так как я не понимаю слишком многого в их поведении. Иногда я даже думаю, что Бледнолицые вовсе не люди...

Клюв сокрушённо покачал головой, и привязанные к его уху четыре костяных колечка на длинных нитях негромко брякнули. Морщинистое лицо индейца обратилось к стоявшим вокруг него крепким юношам, и они увидели его открывшийся правый глаз. Обычно этот глаз был прикрыт широким веком, рассечённым в давние времена в схватке с Людьми-Из-Земляных-Домов, и казался мёртвым. Но сейчас он раскрылся, нижнее веко оттопырилось, показывая розовое нутро, и сделало правый глаз раза в полтора больше левого.

Некоторое время царило молчание. Молодые воины ждали решения старшего. На фоне сияющей белизны утреннего неба их застывшие фигуры смотрелись тёмными изваяниями, и лишь длинные волосы шевелились на ветру.

— Мы продолжим путь, — произнёс старик, подумав, и указал коричневой жилистой рукой в сторону не видимой ещё реки. — Чудовище ничего не сделало нам в моём сне. Но ваши глаза должны стать зорче, а слух и обоняние — острее.

Индейцы запрыгнули на лошадок, и через минуту все исчезли из виду. Лишь чёрное пятно золы на месте костра напоминало, что здесь были люди. Вскоре из-за кустарника, осторожно ступая мягкими лапами и пригнувшись к человеческим следам, появился крупный волк. Потоптавшись на месте, он вдруг проворно повернулся и затрусил обратно, повинаясь одному ему слышному голосу.

А отряд индейцев из рода Куропатки двигался по склонам пологих холмов, привычно задерживаясь перед тем, как показаться на гребне, чтобы не обнаружить себя на фоне небосвода, если поблизости окажется кто-то из врагов.

Первым скакал Медведь, пригнувшись к шее своего коня и что-то нашёптывая ему. Десять лет прошло с того дня, когда Медвежий Бык вручил ему нож и помог зарезать медведя. Теперь он был известным воином. Его кожаные ноговицы, как и спрятанная в сумке военная рубаха, были украшены длинными прядями волос, срезанными с врагов. На висевшем за спиной вместе с колчаном щите красовался рисунок чёрного медведя с длинными когтями.

Впереди засверкала на солнце широкая лента реки, обрамлённая густым лесом, когда Медведь остановил коня и тревожно помахал рукой тем, кто ехал позади. Всадники замерли, по-звериному наклонив головы. Клюв пристально посмотрел на остановившегося возле него круглолицего Смеётся-Молча. Старик не мог уже тягаться с молодыми остротой слуха и ждал от воина объяснений.

Они находились неподалёку от места слияния Лосиной и Бурной рек, где стояли, как рассказывали разведчики, жилища белых людей, огороженные деревянной стеной. Лакоты редко появлялись здесь, так как территория принадлежала враждебному племени Псалоков — Вороньих Людей, здесь же кочевали Хохе — Кипятящие Камни, считая эти земли своими. Лакоты пока лишь исследовали этот чудесный край, высылая военные и разведывательные отряды, подобные тому, который возглавлял старый Клюв.

— Шипит, — произнёс Медведь.

— Да, что-то шипит, — кивнули другие, — но очень далеко, стало быть, очень громко.

Тут один из индейцев издал возглас удивления и звонко шлёпнул себя по голым ягодицам, при этом длинная бахрома на его ноговицах заколыхалась. Все дружно проследили за его рукой.

Из-за далёкого поворота реки (в том месте её закрывали верхушки деревьев) двигался дым. Двигался прямо над рекой.

— Хо! — протянул Смеётся-Молча, вытягивая шею. — Дым плывёт по воде!

— Что за чудеса?

— Кто-то пустил по воде горящие деревья?

— Нет...

Так переговариваясь, отряд медленно направился к реке.

— Этот дым плывёт туда, где построены за деревянной стеной дома Светлоглазых.

— Бледнолицые наколдовали.

— Клюв не случайно видел сегодня чудовище, которое дымилось, — вспомнил Медведь.

— Да, — закивали остальные, не спуская глаз с поднимавшихся из-за зелёной чащи клубов...

Внезапно они увидели *это* и остановились, от изумления не в силах произнести ни звука. Внизу открывалось свободное от леса пространство, за которым просматривался огромный участок реки. По ней плыло, пытая и взбивая воду, нечто громадное с двумя высокими прямыми чёрными трубами, из которых валил густой дым.

— *Унктехи!* — воскликнул Клюв и разлепил своё изуродованное веко. — Водяной Дух!

— Я видел однажды, — произнёс медленно Три Пальца, впившись глазами в чудовище, — как Унктехи утянул под воду сразу восемь быков, но при этом сам не появился над водой и дым не пускал. Белая Выдра был тогда со мной. Он тоже видел.

— Те, кто живут на Священном Озере, говорят, что Водяной Дух телом похож на быка, но имеет хвост рыбы.

— Нет, — отрицательно покачал головой Клюв, — ты сам видишь, что на бизона он не похож, но рога у него есть.

В это мгновение дымящееся чудо несколько раз протяжно прогудело. Индейцы вздрогнули от неожиданности и переглянулись.

— Когда мы возвратимся в деревню, — заговорил Три Пальца, — и расскажем об этом, люди сложат о нас песню. Мы первые из нашего рода увидели Унктехи.

— Это не чудовище, — произнёс вдруг Медведь. — Я различаю на нём людей. Я думаю, что это большая лодка, о которой рассказывали наши южные братья с Плохой Реки. Они часто бывают там у Светлоглазых и торгуют с ними. Они говорили, что белые люди привозят много красивых вещей на большой лодке, которая плавает сама и пускает дым...

В ту же секунду лошади резко дёрнулись, испуганные раскатистым грохотом. Их хозяева тоже занервничали. И было с чего — плывущее чудовище окуталось белым облаком.

— Хей! Хей! — послышалось снизу, и вверх по лесистому склону с берега помчались всадники, которых индейцы из рода Куропатки, поглощённые невероятным зрелищем, не замечали до сих пор. Теперь они внезапно обнаружили не более чем в десяти метрах от себя Псалоков. Заклятые враги быстро приближались, то ныряя в глубокую тень, то вновь показываясь в ослепительных солнечных пятнах. Растерянность Лакотов была так велика, что лишь трое из них сообразили схватиться за колчаны. Но Псалоки тоже до настоящего момента, как было ясно по их лицам, не видели своих врагов.

Теперь же, не останавливая коней, они делали знаки руками, что не собирались драться. Они промчались мимо на ярко раскрашенных лошадях, то и дело поглядывая через плечо на громахающее водяное существо. Люди Куропатки в замешательстве крутили головами, то провожая взглядом скрывшихся между деревьями воинов из враждебного племени, то посматривая на окутанную сизым дымом реку.

Приезд

Стоя среди пассажиров на борту колёсного парохода «Ассинибойн», Рэндал Скотт с заметным нетерпением следил за приближением берега. Частокол и бастионы увеличивались на глазах, и у толпившихся на причале людей уже стали различимы лица. В очередной раз приветственно бухнула пушка, вызывая почтительный восторг у многочисленных дикарей, которые сновали возле самой воды. Оживление царило невероятное и на пароходе, и на суше.

Рэндал Скотт расправил плечи.

Вот она, долгожданная цель — форт Юнион, один из главных пунктов торговли Американской Пушной Компании, куда стремились многие, чтобы сбыть или получить товар. Семьдесят пять дней пути от Сент-Луиса на борту плавучей посуды, шутка ли!

Рэндал прошёл по скрипящим мосткам, с удовольствием слушая, как они прогибались под его весом. Наконец-то! Он вступал в мир, где никто не знал его, где ему, правда, всё в новинку, но это ничуть не страшило Рэндала. Зато дурная репутация, огромные денежные долги и до предела натянутые с законом отношения остались далеко позади, за бесчисленными изгибами быстрой реки. Отныне ничто не властвовало над ним, кроме Господина Великого Случая. А уж Рэндал Скотт не даст ему повернуться к себе спиной...

Скотт сбросил с плеча увесистую сумку, стряхнул пыль с сюртука и машинально проверил наличие пистолета за поясом и кошелька в нагрудном кармане. Вокруг сновали люди: охотники, торговцы, клерки, просто зеваки. Мелькала разномастная одежда: синие суконные костюмы шагали в обнимку с замшевыми куртками, за мягкой бахромой и кожаными шнурками поблёскивали начищенные медные пуговицы на чёрной фланели, среди расшитых мокасин то и дело встречались словно облитые лаком башмаки, надетые специально в этот торжественный день 24 июня 1833 года — долгожданный день прибытия в форт Юнион колёсного парохода. Народ пестрел живописными кучками повсюду, самые разные лица возникали перед Рэндалом. Здесь были любые типажи, какие только мог представить человеческий ум. Не было лишь женщин.

Внутри крепости располагались всевозможные конторы, магазины и склады. Возле конюшни и хлева громко и весело перекрикивались

люди в тёмных от пота рубашках, звонко стучал одинокий молоток. В центре укрепления возвышался флагшток, рядом стояли три конусообразные палатки, хозяева которых, очевидно, ушли на берег поглазеть на пароход и приобщиться к всеобщему возбуждению. Рэндал подтащил свою сумку к стоящей перед палатками пушке (ствол её смотрел в сторону главных ворот) и сладко потянулся.

— Здравствуй, жизнь! — пропел он и увидел высоко над собой чарующий лазурный простор. — Моё сердце сейчас кажется мне таким же щедрым и огромным, как небо над головой...

Нет, он не принадлежал к числу романтиков, не гипнотическая красота гор и озёр заманила его на Дальний Запад, но Рэндал Скотт, этот закоренелый циник тридцати пяти лет, не мог не ощутить всей прелести окружавшего его мира.

Люди, которых он увидел, сойдя с парохода и оставив позади монотонное шипение его машин, сразу показались ему существами особого сорта. С одной стороны, они широко улыбались и в улыбках их чувствовалось откровенное радушие. С другой стороны, лица их при этом оставались суровыми, всеми чертами своими выражая непоколебимую решимость переломить хребет всякому, кто осмелился бы вдруг встать на их пути.

Вечером подавляющее большинство населения форта потянулось в лавки и бары, где торговали спиртным. Надо сказать, что основные питейные заведения там представляли собой просто брезентовые навесы с парочкой грубо сколоченных столов под ними. Но даже там уютно светили керосиновые фонари, слышался смех, гудела мошकारа. А из-за дверей единственного настоящего салуна, где цены были чуть выше и обыкновенно размещались картёжники, доносилось пиликанье двух скрипок под аккомпанемент гармошки.

Рэндал успел приобрести у длинноволосого полукровки красивого чёрного жеребца и у того же метиса купил себе ночлег в индейской палатке, заваленной пахучими шкурами, предназначенными для продажи. Индейский лагерь вокруг форта Юнион был огромен. Он начинался от самого берега Миссури и тянулся далеко на равнины. В любом случае, стойбище насчитывало не менее полутора сотен жилищ. Конусы палаток светились изнутри красно-жёлтым огнём и, уходя вдаль, были похожи на рассыпавшиеся по земле звёзды. Слышалось индейское пение под монотонный стук бубна.

Рэндал сел за карточный стол и втянул носом плавающий вокруг головы густой табачный дым. Карточный стол мгновенно пробудил в нём дух шулера, который во время плаванья отсыпался после долгого

бегства от правосудия. Рэндал хрустнул пальцами. Он видел хитрый прищур партнёров по игре, их потрескавшиеся губы, могучие руки с рельефными венами. И ещё он чувствовал воздух, чужой воздух незнакомой страны, раскинувшейся за стенами крепости. Рэндал понимал, что играть нужно честно, по крайней мере, сегодня... Но передёрнул, и его тут же схватили за руку — играли люди зоркие, играли для удовольствия, а не ради обмана...

— Что я вижу? — прозвучал с французским акцентом густой бас.

Рэндал инстинктивно рванулся, пытаясь высвободить руку, резко вскочил на ноги и увидел мелькнувшую перед собой тень, которая на мгновение перекрыла свет керосиновой лампы и звонким ударом в скулу свалила его на спину. Падая, он задел ногами и опрокинул стол. Белыми мотыльками вспыхнули под лампой разлетевшиеся карты.

И тут грянул выстрел. Рэндал услышал его откуда-то из-под себя, не успев осознать, что это он сам выдернул из-за пояса «коллиер»^[1] и спустил курок. Пуля вжикнула под потолком, и помещение наполнилось едким дымом.

Дальше Рэндал смутно запомнил, как некая сила вынесла его из салуна в темноту ночи, оставив сизые пороховые клубы позади. Там грубо кричали, топали ногами, гремели стульями. В считанные секунды он оказался за пределами крепости среди индейских жилищ. Стремительно передвигаясь на полусогнутых ногах и оглядываясь, он добрался до своего ночлега, проворно схватил вещевую сумку и, взяв коня под уздцы, бегом повёл его прочь от частокола.

— Возле самого уха просвистела! — донеслись голоса. — Вот скунсова шкура!

— Кто он? С парохода?

— Я буду не я, если не заставлю его сожрать собственное дерьмо!

— Утром доберусь до этой свиньи и удавлю! Прибыю, как крысу, которой сегодня в сарае отрубил башку.

— Опять крысы завелись?

— Ещё какие! Не крысы, а просто буйволы, разорви их черти...^[2]

Несколько сидевших около частокола индейцев, озарённые отблесками костра, проводили Рэндала поднятыми бровями, но остались сидеть, скрестив ноги. Крики и суэта за спиной постепенно утихли, но Рэндал Скотт не останавливался.

Индийский лагерь около форта оказался невероятно огромен. Рэндал Скотт шёл по нему, как по настоящему городу. Отовсюду слышалась непонятная речь, кое-где стучали барабаны. Внезапно на пути у него оказались несколько индейцев и бородатый белый

человек в заношенной до дыр кожаной куртке. Они были полны спокойствия и курили длинную трубку. При появлении Рэндала они равнодушно посмотрели на него, но не двинулись с места. Он замедлил шаг и обошёл их стороной, не спуская глаз с бородача. Это был широколицый мужчина, очень старый и очень сильный, что было видно по его здоровенной жилистой шее, поднимавшейся из засаленного воротника, будто крепкий древесный столб.

— Если это ты устроил шум в крепости, — проговорил вдруг бородач, не поворачивая головы, — то мне нет до этого никакого дела. Можешь не опасаться ни моих кулаков, ни моего ружья. Покуда ты не наступишь на мои мозоли, я не трону тебя. Если хочешь перекусить, то присаживайся здесь.

— Благодарю.

— Не знаю, кто ты таков и куда направляешь стопы, — продолжал бородач, выразительно шевеля ноздрями, — но твёрдо знаю, что в такую безлунную ночь лучше оставаться среди людей. Если ты присоединишься к нашей трубке, незнакомец, то это придаст мне уверенности в том, что ты не намерен совершить никакой гнусности, сидя возле нашего костра...

— У меня и в мыслях не было...

— Трубка убедит меня сильнее, — ухмыльнулся бородач.

— В какую сторону мне лучше отправиться завтра? — поспешил спросить Рэндал после первой затяжки.

— В любую. Зависит от того, куда тебе надо.

— Мне никуда не надо.

— Тогда оставайся здесь.

Рэндал с сомнением оглянулся на крепостные стены и покачал головой.

— Ты никого не нашпиговал там кусками свинца? — любопытствовал бородач почти равнодушным тоном.

— Кажется, нет. Но за мной погнались.

— Здесь все за кем-нибудь гонятся. Ерундовая передряга, такая склока не стоит и пустякового разговора. Ха-ха! Помню, когда я впервые появился на Миссури лет тридцать тому назад, я умудрился в первый же день пристрелить вождя индейцев, в деревне которых нашёл приют. Вот это была переделка! И то я выкрутился, как видишь. Между прочим, вот этот парень, — бородач указал косматой головой на сидевшего справа от него худого индейца с татуированным подбородком, — мой сын и внук того вождя, которого я уложил. А пару лет спустя я взял в жёны осиротевшую дочь вождя, и она родила мне

сына, дочь, затем ещё троих сыновей. Этот младший. Ха-ха! Вот такие здесь извилистые тропы, дружище...

— Где же жена?

— Умерла, — развёл руками бородач. — Все когда-нибудь умирают. А на открытой природе это случается особенно часто. Здесь очень много когтей, клыков, ножей и прочей опасной дряни...

[1] Английский барабанный револьвер с кремневым замком системы Коллиера производства 1818 года был одним из первых образцов барабанного оружия личного пользования.

[2] Присутствие крыс доставляло огромные хлопоты обитателям торговых постов. Вот несколько записей из дневника форта Кларк, которые ярко свидетельствуют о постоянной борьбе с крысами: «Среда, 31 декабря 1834, общее число убитых крыс за этот месяц — 34... Понедельник, 5 января 1835, прошлой ночью было много крыс, убили сразу 18 тварей... Пятница, 31 июля 1835, общее число крыс, убитых в этом месяце, — 88». В журнале форта Скалистых Гор запись от 20 октября 1799 года гласит: «Крысы пожирают всё, до чего могут добраться». Генри Боллер, рассказывая о форте Кларк и его соседе форте Примо, сообщает: «Как форт, так как и сама деревня просто наводнены крысами, что доставляет огромное неудобство всем обитателям, краснокожим и белым» (из книги «Восемь лет на Дальнем Западе, 1858—1866»). В связи распространением крыс огромную ценность стали представлять кошки. Дневник форта Пьер, запись от 7 апреля 1846 года: «Прибыли Кэррон и Морин. Посланные с ними вещи все в полном порядке, за исключением двух кошек, которые утонули в *L'eau qui Court* по недосмотру людей. Я думаю, что с них следует содрать за это хорошую плату. Я также прошу вас выслать мне новых кошек при первой возможности». Принц Максимилиан, прибыв в форт Кларк, в первую очередь обратил внимание на огромное число крыс, населявших это место: «В форте имелось несколько кошек, но их явно было недостаточно, чтобы справиться с тамошними крысами. Эти животные (северные крысы) были столь многочисленны и беспокойны, что не нашлось бы ни одного вида провизии, который уберёгся бы от их прожорливости. Самым любимым их лакомством была кукуруза, ежедневно они поглощали до пяти бушелей зерна, то есть 250 фунтов... Крысы приплыли сюда на пароходах. До сих пор они не добрались до деревень племени Хидатса. Индейцы убили нескольких животных в открытой прерии по дороге из форта Кларк. С тех пор крысы не пытались дойти до Хидатсов. Но как знать, надолго ли индейцы отбили у них охоту».

Рэндал Скотт

(из дневника)

25 июня 1833

Когда-нибудь моя несдержанность погубит меня. Вчера я едва не застрелил банкомёта за игровым столом. Нелепо и глупо!

У меня опять нет крова над головой. Позади может объявиться погоня, хотя старик, с которым я разговорился ночью, убеждал меня, что мне не угрожает ровным счётом ничего, разве что пара добрых затрещин. И всё же я решил скрыться, так как отчётливо слышал слова одного из тех, кто припустился за мной. Он сказал, что отрубит мне голову, как вонючей крысе. Перспектива малоприятная, пусть даже слова про крысу были расхожей местной шуткой...

26 июня

Сегодня повстречал странного вида человека в большом фургоне. Он назвался Кейтом Мэлбрэдом. На вид ему лет сорок. Небольшого росточка, рыжеватый. Облачён в старую холщовую рубаху, давно полинявшую, и кожаные штанины на индейский манер (это когда одеты только ноги, а задницу и причинное место прикрывает скомканная набедренная повязка, то есть ягодицы остаются голыми и сверкают на солнце). Голову его украшает сильно испачканный цилиндр. К цилиндру сзади прицеплена длинная кожаная лента, расшитая бисером; она ниспадает почти до середины спины — на мой взгляд, бессмысленная и неудобная штука, как, впрочем, и любые другие украшения.

Кейт Мэлбрэд называет себя торговцем. В его повозке действительно полным-полно всяческого барахла. Тут порох, свинец, кремнёвые ударники, топоры, ножи, яркие ткани, рыболовные крючки, зеркала, бусы и даже коробка с перьями обыкновенного домашнего петуха. Он говорит, что года три уже выменивает у дикарей пушнину на эти товары. Здесь множество племён, и ни об одном из них я ничего раньше не слышал. Кейт умеет немного разговаривать на кое-каких диалектах, но чаще пользуется языком знаков, как он его называет.

Сегодня же мы переправились на пароме на противоположный берег. Кейт считает, что на той стороне, где стоит форт Юнион,

торговцу, как он, делать нечего, потому что краснокожие с того берега сами легко добираются до товаров белых людей. Мэлбрэда интересуют отдалённые племена, которых французские торговцы нарекли когда-то *Сю*[1]. С тех пор все так и называют этих дикарей, хотя никто не знает, что это означает. От него я узнал, что торговля на землях индейцев может вестись лишь с разрешения правительства, а продажа спиртного запрещена вообще[2]. Конечно, крепкие напитки всё равно попадают к индейцам, благодаря «вольным» торговцам, которые ищут места, где их не застукают правительственные агенты. Кейт Мэлбрэд как раз из таких.

Любопытно, что меня ожидает впереди? Похоже, спокойной жизни не предвидится, раз повсюду шныряют краснокожие.

30 июня 1833

Проезжали сквозь заброшенную индейскую деревню. На земле ясно выделялись круговые следы на местах, где раньше стояли жилища. Я подошёл вплотную к единственному оставленному каркасу индейского жилья. Множество составленных шестов образовывало конус, который был почти наполовину обложен дубовой корой. Кора кишела блохами. Посреди этого вигвама, как и на других местах, где стояли палатки, чернело кострище, обложенное камнями. Кейт назвал это очагом.

Позади этого конусообразного скелета возвышались три помоста футов в десять вышиной, где виднелись кособокие ящики из древесной коры. Вверх и вниз по брёвнам, на которых крепились помосты, струились бесчисленные муравьи. Мэлбрэд сказал, что в ящиках лежали покойники. Между этими погребальными сооружениями торчал высокий согнувшийся шест с большим кожаным свёртком наверху. Из него высывался пучок травы и свисали на длинных нитях непонятные мелкие предметы, которые покачивались при малейшем дуновении ветра и постукивали друг о друга. Возле шеста на земле полукругом лежало несколько стрел красного цвета и скелет собаки.

Кладбище произвело на меня тягостное впечатление. Особенно сильно повлияло то, что было непонятным и потому таинственным — странный свёрток и побрякушки возле него. Подкралось ощущение опасности. Я осознал, что это чужой мир, что законы его мне не известны, что договориться (в случае необходимости) с людьми, о которых я не имею даже малейшего представления, я не сумею.

Теперь мне весьма неуютно. Лучше бы я остался в форте и как-

нибудь уладил недоразумение в салуне, пусть даже мне пришлось выложить все деньги в качестве штрафа за нарушение порядка и отказаться от игры в карты на месяц и даже год.

2 июля

Опять проезжали мимо погребальных помостов, на которых виднелись человеческие кости. Вероятно, захоронения очень старые, плоть и одежда разложились или их склевали птицы. У основания шестов лежали пожелтевшие кости, возможно человеческие, которые упали с погребального ложа, но могли быть и останки животных, так как я видел несколько больших черепов, похоже лошадиных. Кейт уверяет, что дикари нередко забивают своих лошадей и подвешивают их головы на помосте. Кейт также утверждает, что краснокожие частенько закапывают покойников по пояс в землю, повернув их лицом на восток, и так оставляют их до разложения. Страшная дикость!

Создаётся впечатление, что эта страна переполнена могилами.

10 июля

Видел буйволов. Они брели по дальним холмам и были похожи на чёрные точки, набрызганные на склонах; эти точки сливались в пятна, а пятна — в единую тёмную массу. Никогда не представлял, что стада бывают столь многочисленны. Я предложил Кейту устроить охоту, но он ворчливо отказал мне, не желая распрягать своих мулов для этого дела, и сказал, что нам вдоволь хватит мяса подстреленной вчера антилопы. Он считает, что лучше пораньше добраться до цели и там уже поохотиться вместе с дикарями, если мне этого так уж хочется.

Должно быть, он прав. Просто меня одолевает нетерпение. Никогда не думал, что захочу потрогать руками всё, что увижу здесь. Взять для примера буйволов. Я твёрдо знаю, что не раз увижу охоту на этих исполинов и сам приму участие в ней. Но здешние просторы, безбрежность, приволье — всё вселяет в сердце восторг и жажду деятельности. Потому-то и хочется погнаться за быками, испытать азарт первобытного охотника в первобытной стране.

Удивительно, насколько близость природы способна менять восприятие мира! Ещё вчера я был отъявленным картёжником, пространство игрового стола заполняло меня целиком. Я не видел и не желал видеть ничего, кроме карт. Я был наполнен только картами. Не выигрыш интересовал меня, но игра, исключительно игра,

ожидание успеха или неудачи, постоянное напряжение, трепет. И вот несколько дней на просторной груди прерии вытравили эту любовь к картам, превратили её в пыль, и здешний непрекращающийся ветер развеял её! Я не могу в это поверить, но это так! Жажда играть исчезла.

Впрочем, нет, не исчезла. Надо быть честным перед самим собой. Просто я готов играть во что-то иное, совершенно новое для меня. Отныне мой игровой стол — прерия. Но что за расклад намечается здесь?

11 июля

День сегодня рассветал великолепно. Тянул прохладный ветерок, трава колыхалась умиротворённо. Как-то сразу забылись все неудобства дороги по шероховатым пригоркам и лесистым долинам. Вчера к вечеру мы добрались до речки, через которую никак не могли перебраться, долго двигаясь вдоль русла. Лошади с величайшим усилием переставляли ноги, вытаскивая копыта из заросшего корнями дна. В конце концов мы переправились на эту сторону и сразу стали лагерем.

Надо заметить, что Великие Равнины выглядят теперь совсем не так, как казались мне с борта парохода. Тогда я видел много зелени, что вполне естественно, ибо я поднимался по реке. Теперь же прерии представляют собой сплошной жёлтый ковёр. Высокая трава беспощадно выжжена солнцем. Отдельно стоящий тополь или рошица сразу бросаются в глаза, их зелёные кроны прекрасно видны на фоне жёлтой травы.

Кейт, по обыкновению, поднялся раньше меня и уже готовил кофе. Кофе он, как водится, делает на здешний манер, то есть жарит на сковороде как попало и варит на речной или дождевой воде в единственном нашем котелке. То есть котелков у него в фургоне насчитывается ещё штук шесть, а то и больше. Но он не прикасается к ним, приберегая эти блестящие посудины для торговли с дикарями.

[1] *S i o u x* — французское написание слова, взятого из диалекта Алгонкинов, и произносится оно как *Сю*. Во второй половине 1600-х годов племени Алгонкинов штата Висконсин, возглавляемые племенем Оттава, начали предпринимать активные попытки с целью изгнать Дакотов с земель, которые считали своими. Единственными союзниками Дакотов в те годы были Оджибвеи Верхнего Озера и индейцы-Айовы той территории, которая сегодня называется штатом Айова. Однако прошло время, и Оттавы сумели возбудить в Оджибвеях вражду к Дакотам. В дополнение к этому англичане установили свои торговые посты на берегах Гудзонова залива, где Ассинибойны и Кристи стали приобретать огнестрельное оружие и принялись наносить по Дакотам мощные удары с севера, в то время как Алгонкины и Иллинойсы нападали с юга. Дакоты начали своё переселение на запад. Устная традиция утверждает, что Айовы (до того, как сделаться союзниками Дакотов) тоже были изгнаны с берегов реки Миннесота. Вместе с Айовами на запад отправилось и племя Ото. Именно Оттавы первоначально называли их — *Надоуессуак*, то есть «враги». Отец Андрэ в «Отчётах иезуитов за 1676 год» относил название *Надоуесси-Маскоутен* (то есть Надоуесси, которые проживают в прерии) к племени Айовов. Большинство других иезуитов в 1660—1690 годах называли словом *Надоуесси-Маскоутен* как Отов, так и Айовов. В разговорной речи наименование *Надоуесси* сократилось до короткого *Сю*. Мало-помалу это название стали относить и к Дакотам, перебравшимся из Миннесоты в прерии и ставшим не только соседями Айовов, но и союзниками. Название *Сю* стало относиться к целой группе враждебных племён. Численность прерийных Дакотов неуклонно возрастала, и мало-помалу они стали безраздельными хозяевами огромной степи. Айовы, к которым французы первоначально прилепили имя *Сю*, ушли в тень, а название осталось за Дакотами. Через каких-нибудь пятьдесят лет никто из нового поколения белых переселенцев уже не называл Дакотов иначе как *Сю*.

[2] С июля 1832 года было строго запрещено иметь при себе, выезжая на территорию индейцев, спиртные напитки не только для продажи, но даже для личного пользования. Это было связано с тем, что индейцы приходили в крайне возбуждённое, практически неконтролируемое состояние из-за опьянения. Многие настолько

пристрастились к горячительным напиткам, что отказывались вести торговлю, если им не продавали спиртное, и готовы были нападать на торговцев, чтобы силой отобрать у них желанный хмельной товар.

Схватка

Индейцы спешили и опустились в высокую траву, разложив каждый возле себя сумки с головными уборами, краску в мешочках и зачехлённое оружие... Несколько минут назад возвратились высланные вперёд разведчики и сообщили о небольшом вражеском отряде. Люди Куропатки прикинули, когда противник окажется в непосредственной близости, и неторопливо начали готовиться к битве. Руки зачерпнули краску. Теперь их лица потеряют собственные черты, и злые духи не сумеют распознать их, если кто-то из воинов погибнет и они пожелают утащить погибших в подземную страну. Многие полностью покрывали свои лица густым слоем: кто синим, кто жёлтым, кто белым. Некоторые раскрашивали лицо пополам разными цветами. У каждого был свой собственный принцип, соответствовавший его внутреннему голосу. Грудь, живот, руки и ноги тоже покрывались узорами, согласно повелению духа-охранителя. Раскраска должна была не только пугать врага. Каждое новое лицо, наложенное поверх настоящего, обязательно хранило в себе скрытую силу, которая оберегала воина от вражеских стрел.

Медведь надел на голову маску своего защитника, клыки которой свисали низко над его бровями. Клевому медвежьему уху были приторочены два ястребиных пера. Лицо Медведя было сплошь покрыто синим цветом, кроме носа, губ и нижней челюсти...

Неожиданно для всех Клюв поднял руку вверх и сказал:

— Я сегодня умру. У наших врагов силы больше, чем у нас. У них есть *летающее железо* белых людей. Вы не старайтесь одолеть их, но я должен сразить их вожака. Сейчас я исполню мою похоронную песнь, а вы окурите меня дымом душистой травы.

— Почему ты думаешь, что у них есть летающее железо? — спросил удивленно Три Пальца.

— Я знаю, мне было видение, — тихо проговорил Клюв, не открывая глаз и не поднимая головы. — Только Медведь может принять участие в битве. Он ни разу во время нашего похода не оглянулся назад, поэтому ни один из коварных духов не смог зацепиться за его взгляд и последовать за ним. Он спал только под своим собственным покрывалом, и злой дух не просочился незаметно в тело ночью и не принёс ему чужой слабости, которая есть в каждом из нас. А некоторые из вас пользовались общей накидкой. И ещё...

У Медведя сильный охранитель. Я не знаю, кто это, но редкий боец получает такую защиту. Медведь может принять участие в этом бою. Остальные должны только пугать врага...

Прошло не более получаса, и индейцы, сдерживая лошадок, въехали на холм, держась в одну линию. Вражеский отряд должен был уже приблизиться к противоположному склону. Клюв издал гортанный возглас, и покрытые яркой краской всадники дружно перевалили через гребень холма. Метрах в ста от них неторопливо скакали Псалоки — Вороньи Люди. Как и Куропаток, их было десять человек, все крепко сложенные, уверенные в себе после удачного набега на чей-то лагерь. Они были облачены в торжественные наряды и выкрасили лица в чёрный цвет. Перед ними двигался табун голов в пятьдесят, и эти-то лошади помешали отряду Клюва совершить молниеносное нападение. Табун закружился на месте, испуганный громкими криками нападающих.

Клюв бешено колотил метавшихся вокруг него чужих лошадей и пробивался к всаднику в пышном головном уборе, длинный шлейф которого извивался почти у самой земли при каждом резком движении коня. Этот наездник с громким криком вскинул над головой обе руки, и на солнце вспыхнуло начищенное длинноствольное ружьё. Из-за спины вожака резво вылетел и вздыбил горячего коня воин, на голове которого сидело чучело сокола с расправленными крыльями. Он держал ружьё уже направленным на Куропаток, и через секунду громко прозвучал выстрел, разливая вокруг дикаря волны сизого дыма. Кто-то справа от Клюва охнул и тяжело накренился, едва удерживаясь верхом. Клюв мельком взглянул на раненого соплеменника и снова обратился взором к врагу в громадном уборе. Перед его глазами стояли руки в чёрной краске, жирные следы от которой отпечатывались на блестящем ружейном стволе, пока индеец подносил приклад к плечу. Мгновение растянулось в вечность. Вот бездонное жерло ствола поравнялось с глазами Клюва, теперь по инерции опустилось немного ниже. И вот опять мир взбесился, копыта оглушительно ударили по земле. В лицо Клюву брызнул огонь. Близкий выстрел ударил по ушам. В доли секунды панораму заволокло густым дымом. Клюв ощутил, как часть его тела словно отстала от него, словно потерялась. Затем под самым горлом стало жарко. Со стороны он увидел, что сидел на коне очень криво, сильно откинувшись назад и глядя вверх. И тогда Клюв пронзительно закричал. Этим безумным криком он, словно верёвкой, потащил себя из пучины смерти, стиснул рукой палицу с тремя лезвиями на конце и, едва прорвавшись сквозь

пороховой дым, очутился вплотную к жожаку Псалоков. Занесенное острое оружие стремительно опустилось на врага и тремя своими стальными зубами впилося в горячую плоть.

Медведь увидел, как Ключ воткнул могучую палицу в спину всадника с ружьём и, падая с коня, увлёк за собой врага с перебитым хребтом.

Из поднявшейся пыли вынырнул стройный человек чёрного цвета. Прилаженный к его голове рогатый скальп бизона тянулся шерстью вниз по спине и словно врастал в кожу человека. Всадник легко сидел на лоснящемся смоляном жеребце и гарцевал перед Медведем. В руке его было длинное копье с болтающимися прядями волос возле наконечника и множеством мелких шкурок, подвязанных вдоль древка. Всадник оглянулся, на сплошь чёрном лице его вспыхнули глаза и прорисовался белоснежный оскал зубов.

Медведь направил к нему своего коня, и Медвежий Бык, а это был он, довольно покачал головой, как делает это иногда настоящий косолапый зверь, открыв пасть и кивая своей мохнатой мордой. Затем всадник сорвался с места, сделавшись мутной тенью. Он наклонил рогатую голову так низко, что она слилась с головой вороного коня, и на мгновение Медведю, единственному человеку, кому был виден на поле боя чёрный всадник, почудилось, что его покровитель обратился в громадного быка.

Индеец вскинул лук, положил на тетиву стрелу, зажал зубами ещё три, чтобы не тратить время на поиски стрел в колчане, и помчался следом за всадником-тенью. Он увидел, как тот ткнул ближайшего из Псалоков своим длинным копьем и поскакал дальше. Медведь пустил стрелу, и свалил врага, которого наметил для него Медвежий Бык. А тот остановился возле мёртвого Ключа и ждал. Медведь осадил лошадь прямо на том месте, где топтался в траве призрачный конь. Легко подхватив тело старика, он положил его перед собой и помчался было в сторону своего отряда. Но чёрная тень снова исполнила перед ним свой таинственный танец. В траве блестело ружье мёртвого Псалока, и Медведь должен был взять его. Он подхватил оружие, не останавливая своего скакуна, сильно свесившись и придерживая рукой тело Ключа. За его спиной послышался предупредительный возглас. Медведь обернулся и совсем близко от себя увидел плечистого воина на пятнистой лошадке, шея и круп которой были сплошь покрыты красными отпечатками рук. Воин держал в одной руке копье, а в другой — небольшой шест, украшенный по всей длине перьями ястреба и чучелом совы на верхнем конце.

Медведь натянул тетиву и едва успел отпустить стрелу, как густая тень Медвежьего Быка ударила в сердце всадника с жезлом, и туда же вонзилась пущенная воином Куропатки стрела.

Продолжая устрашающе кричать, отряды разъехались в стороны. Медведь, изо всех сил напрягая горло, изрыгал проклятия в адрес своих врагов и угрожающе поднимал над собой подобранный ружье.

Со стороны Псалоков хлопнул ещё один выстрел, и Лакоты поскакали прочь.

Мато Уитко

(его собственные слова)

Ворона. Эту птицу почитали многие племена. Наши друзья Шайёлы наградили именами этих птиц один из народов, который жил севернее нас, в красивой стране, где много снежных гор. В этих людях действительно было что-то птичье. Мы называли это племя — Псалока.

С Вороньим Племенем мы враждовали давно. А в те годы война с ними была основным нашим делом, потому что мы каждый год проникали всё глубже в их страну. Нас, Лакотов, было гораздо больше, чем Псалоков, и мы нуждались в новых пастбищах для наших огромных табунов. Их воины славно бились с нами, если наши отряды не слишком превышали их числом. Они были достойными противниками.

Но когда Лакоты впервые появились в стране Псалоков, а это было очень-очень давно, то все наши погибли. Тридцать человек из общества Бешеных Псов остались лежать в чужом краю. Тогда многие наши отряды собрались вместе — Сеющие Возле Воды, Разрознённые, Дважды Кипящие — и отправились в страну Псалоков. Я слышал в детстве от стариков, что был жаркий бой. Наши сумели разгромить целый лагерь Псалоков и очень многих взяли в плен. С тех пор между нами постоянная война...

Да, они были умелыми бойцами, и мы помнили все схватки с ними. Вам, белым людям, это может показаться странным, но мы нередко вели счёт годам именно по важности, которую мы придавали тому или иному военному столкновению с Псалоками. То лето осталось в нашей памяти, как Год-Когда-Клюв-Храбро-Зарубил-Военного-Вождя-Псалоков. У других родовых групп шло своё исчисление времени, они праздновали свои победы и оплакивали свои потери. Но случались события, важные для всего нашего народа, для всех Лакотов. Тогда в календарь племени попадали гораздо более серьёзные случаи. Так появился Год-Когда-Множество-Людей-Скончалось-В-Судорогах, или Зима-Когда-Звёзды-Падали, или Зима-Когда-Уничтожена-Деревня-Змей. Это запомнилось многим, это потрясло многих.

Сегодня вокруг меня ничего не происходит. Один за другим умирают те, с кем я провёл долгую жизнь, и я должен класть их

в землю, как мне велят белые начальники в агентстве. Я не могу положить умерших высоко на помост, чтобы ветер, солнце и дождь превратили мёртвую плоть в ничто. И меня тоже, когда в последний раз закроются мои полуслепые глаза, заколотят в деревянный ящик, опустят в яму и придавят камнем. И я не могу ничего поделывать. Я стар и слаб. Но раньше меня наполняла сила. Я готов был драться без отдыха.

В день смерти Клюва нас всех охватила печаль, сердца наши сжимались от отчаяния.

Клюв был наставником многих юношей нашего отряда, поэтому они упрямо твердили, чтобы мы везли тело погибшего к нашей деревне. Если бы Клюв скончался в лагере, то родственники обязательно облачили бы его в богато расшитую рубаху, завернули бы в шкуры и подвесили бы на высоких шестах. Но погибших в сражении, если путь домой не близок, принято хоронить там, где они умерли. Поэтому Хромой Волк и Красная Куница, как самые старшие среди нас, приняли решение оставить его здесь. Мы лишь перевезли его тело к крутому склону лесистой горы и там соорудили небольшой настил из веток, закрепив его на раскидистом дереве, которое нависало могучим стволом над каменистой ложиной. Мы густо выкрасили лицо и руки Клюва красной охрой. На помосте по обе стороны тела уложили всё его оружие. Щит закрепили около головы. У основания дерева мы установили небольшой навес, под которым могли бы устроиться родственники, когда приедут оплакивать его. После этого мы перерезали горло коню, на котором Клюв сидел во время боя, и положили его на землю под самым помостом. Я зачерпнул набежавшей крови и обмазал ею корни дерева. Три Пальца насыпал вокруг дерева табак.

Затем мы уехали. Самым последним двигался Смеётся-Молча и приглядывал за Синей Рукой, которого мы уложили на волокуши, так как во время боя пуля пробила ему бедро.

Два раза поднималось после этого солнце, и вдруг мы увидели большую повозку с двумя белыми людьми, которые сидели на ней, высоко взобравшись на какие-то мешки и ящики. Те немногие Бледнолицые, что появлялись в наших краях, обычно пользовались вьючными лошадьми. А повозка была для нас невидалью.

Да, мы редко встречали Светлоглазых в те годы. Мы больше слышали о них. Но один раз я видел белых торговцев, когда ездил на юг к нашим родственникам, которые кочевали в районе Реки Раковин. Там, где её воды вливались в Бурную Реку, стояла бревенчатая

крепость, куда Лакоты приезжали иногда торговать.

Теперь люди с белой кожей появились в нашей стране. Мы удивились, увидев тех двоих. Кровь сразу вскипела в нас. Нам никогда ещё не доводилось сражаться с белыми людьми, потому что они не мешали нам. Но в этот раз мы схватились за луки и дубинки. Мы жаждали мести. Клюв запретил нам драться с теми Псалоками, но никто не сказал, что мы не могли убить Светлоглазых.

Мои друзья распаляли себя громкими криками и заставляли коней вертеться на месте, передавая им своё возбуждение. Хромой Волк воздел руки к плывущим над нами облакам и затянул песню храброго.

Я вскинул ладонь к длинным клыкам моей медвежьей маски и проткнул ими кожу на тыльной стороне руки.

— О, брат мой Медведь, сделай так, чтобы летящее железо Светлоглазых не причинило нам вреда. Мы потеряли хорошего человека. Мы уже не сможем называться победителями, когда возвратимся в деревню. Помоги нам, брат мой! — такие слова говорил я, пока медвежьи клыки распарывали мне руку.

Тут вперёд бросился Три Пальца. Он низко пригнулся к шее своей лошади, и белые люди не могли попасть в него. Но они сразу застрелили его пони. Мне казалось, что они не хотели воевать, они смотрелись растерянными. Один из них носил высокую шляпу с длинной красивой лентой позади, он что-то кричал нам. Но мы уже начали бой. Мы уже летели бок о бок с Духом Смерти.

Красная Куница заехал со стороны и тремя стрелами убил человека в высокой шляпе. Второй Бледнолицый в это время что-то делал со своим оружием. Я остановился прямо перед ним и уже натянул тетиву, но белого человека внезапно загородила чёрная рогатая тень Медвежьего Быка.

— Остановись! Ты должен спасти этого Светлоглазого! — крикнул мне мой покровитель.

Чужак

Ближайший к фургону всадник был облачён в перьевой головной убор, похожий на колышущуюся корону. Надетый на руку круглый щит был с красной окантовкой из купленного или украденного где-то сукна и трепетал привязанными к нему орлиными перьями. Рядом с ним скакал индеец, поверх головы которого лежала медвежья морда, и клыки её нависали прямо над глазами дикаря. Следом за ними разворачивались веером другие длинноволосые наездники. Рэндал Скотт успел заметить, что у некоторых с плеч на грудь спускались лисьи шкуры, лапки которых были ярко разукрашены, а на лисьих мордочках болтались пучки вороньих перьев.

— Не стреляй! — крикнул Кейт Мэлбрэд, быстро взглянув на Рэндала, и вскинул обе руки вверх, показывая краснокожим пустые ладони. — Это Воины Лисицы[1], с ними лучше по-хорошему...

В тот же миг с пугающим свистом над самой головой Рэндала проскользнули две стрелы. Через секунду ещё одна гулко воткнулась в борт фургона. Краем глаза Скотт заметил, как она мелко задрожала оперением, впившись острым наконечником в пыльную доску. Намерения дикарей не оставляли сомнений, равно как и времени на раздумывание. И Рэндал выстрелил в самого близкого всадника, который свесился на бок своей гривастой размалёванной кобылки, прячась от пуль. Лошадь кувыркнулась, вытянув при падении шею и сломав её, издала жуткий храп и забила ногами по воздуху. В густых клубах жёлтой пыли от брыкающейся лошади проворно отскочил на четвереньках индеец, роняя на бегу перьевой убор.

Тут откуда-то сзади вынырнул всадник, густо покрытый жирной белой краской, истошно закричал что-то и молниеносно выпустил в растерянного Кейта три стрелы. Они воткнулись рядом вдоль позвоночника, одна под другой, словно на цирковом представлении.

Поднявшаяся стена пыли, пронизанная солнцем, наполнилась мечущимися тенью людей и лошадей. Раскраска на телах дикарей и пёстрые украшения слились в сплошной громадный цветной мазок. Из этой мелькающей яркой массы внезапно вылепилась фигура с медвежьей мордой на голове. На доли секунды Рэндалу показалось, что перед ним возник настоящий медведь, натянувший тугой лук. Наконечник стрелы замер в нескольких десятках сантиметров от груди белого человека.

Рэндал почувствовал, как древко стрелы распарывает воздух и сильно ударяет его в грудь... Он покачнулся, но устоял на ногах... Что-то произошло... Стрела оставалась на тетиве... Мгновенное видение собственной смерти отхлынуло, глухота, законопатившая уши, перешла в свист и снова превратилась в привычный шум — топали лошади, невероятно громко кричали люди... Медвежья маска держала лук натянутым, но не выпускала стрелу... Что-то происходило. Было похоже на то, что дикарь растерялся. Он будто слушал кого-то и не мог поверить тому, что слышал...

За его спиной и по обе стороны фургона столпились взбудораженные соплеменники, размахивая дубинами и щитами. Медвежья маска вдруг резко опустила лук и повернулась к ним. Раздражённым голосом этот индеец закричал на остальных и стал взмахивать рукой, словно отгоняя всадников прочь. Они ответили возмущенными выкриками. Кто-то поднял копьё с ворохом волос возле наконечника. Но человек в медвежьей маске вздыбил своего коня и решительно двинулся на негодующих воинов.

— Хйа! Хиа! — повторял он, то и дело бросая через плечо горящие взгляды на белого человека.

Индеец, под которым Рэндал подстрелил кобылу, уже забрал себе лошадей из повозки и, явно недовольный поведением медвежьей маски, опустился над телом Кейта Мэлбрэда. Двух взмахов тяжёлой дубины с вделанными в неё острыми лезвиями хватило ему, чтобы отсечь покойнику голову. С торжествующим воплем индеец схватил её за рыжие вихры и, подскакав вплотную к Скотту, злобно потряс страшным трофеем. Кровь стекала по поднятой руке дикаря и капала с покрытого пылью локтя на его лоснящуюся от жира мускулистую грудь.

Несколько дикарей уже возились в коробах, сложенных в фургоне, выбрасывали наружу цветные тряпки, перебирали стеклянные бусы, то и дело издавая восторженные крики.

Рэндал закрыл глаза...

Внезапно индейцы помчались прочь. На одном из них красовалась высокая шляпа Кейта с болтающейся лентой, расшитой бисером. Последним скакал человек в маске медведя. Перед тем как скрыться за холмом, он остановился и долгим взглядом посмотрел на Рэндала. Его лошадка нетерпеливо топталась на месте, поднимая ленивую пыль. Затем он сорвался с места и скрылся.

Рэндал без сил свалился на вспоротые мешки. Сознание готово было покинуть его. Небо вздувалось над ним, то втягивая белоснежные

облака в какую-то воронку, то опуская их к самому лицу Скотта. Временами небосвод становился непроглядно чёрным, и тогда от белизны облаков начинало резать глаза, но через несколько секунд лазурь возвращалась и мир становился привычным. Оседающая пыль пахла лошадьми.

Ночью он присыпал обезглавленное тело Кейта Мэлбрэда сухой землёй и устроился под одеялом возле колеса фургона. Совсем близко от него громадной тенью вздымался крутой утёс, от которого веяло могильным холодом. Спать Рэндал не мог, напряжение было слишком велико. Тогда он извлёк из вещевой сумки толстую тетрадь в кожаном переплёте, расстегнул застёжку на тонком ремешке и принялся судорожно излагать события предыдущего дня. Красноватые отблески слабенького костра плавали по его усталому лицу.

Ближе к рассвету в мутном сером воздухе проявилась отдалённая тень всадника. На голове различалась могучая морда медведя. Завидев страшного гостя, Рэндал напрягся всем телом. Что могло означать возвращение странного дикаря?

Рэндал Скотт закрыл тетрадь и поднялся.

— Что тебе нужно? — воскликнул он, вытянув перед собой руку, в которой лежала тетрадь.

Дикарь насторожился. Бледнолицый направлял на него свой таинственный предмет и, похоже, выкрикивал заклинания. Возможно, это был маленький квадратный щит? Всякий щит несёт в себе охранительную силу, и у каждого воина щит отличается от других. Щит Светлоглазого странен, но в непонятных вещах живёт особая сила — против неё часто бессильны самые опытные шаманы. Щит Светлоглазого странен. Волшебство его уходит корнями в неведомое, поэтому, быть может, Медвежий Бык заступился за белого человека.

Индеец тряхнул головой. Он отберёт охранительный предмет Светлоглазого, а тогда и убивать чужеземца не надо — сам помрёт без своего амулета. Сделав такой вывод, Медведь вскинул руки к светлеющему небу и, не взяв оружия, погнал коня на Рэндала Скотта.

— Я не боюсь тебя! Смотри! Я не боюсь тебя! — выкрикивал он на своём языке, приближаясь к Бледнолицему. Его ладони демонстративно смотрели в стороны. Подскакав вплотную к Рэндалу и объехав его два раза по кругу, Медведь резко наклонился и вырвал из пальцев Скотта тетрадь. В следующее мгновение он ударил коня пятками и понёсся обратно, по-прежнему расставив руки, но теперь в одной из них была стиснута таинственная вещь Светлоглазого.

Рэндал разразился проклятиями. Поведение дикаря

не укладывалось в его голове. Он готов был драться, готов был умереть, готов был долго и нудно объясняться знаками. Но он не собирался быть предметом насмешек размалёванных туземцев.

— Будь ты проклят, чучело вонючее! — горлопанил Скотт. — Попадись ты мне когда-нибудь ещё, я тебе ружьё в задницу запихну! Я тебе собственное дерьмо скормлю! Я тебе вместо медвежьей морды мешок на голову натяну и вздёрну на ближайшем дереве!

Он стоял в одиночестве посреди бесконечной гористой местности, через которую ему предстояло идти пешком, идти неизвестно куда. Он был чужим, ничего не знал и всего опасался теперь. Он мог бы просить заступничества у Создателя, но он не верил в Бога, он привык полагаться лишь на себя, на собственные силы. Бог для него оставался красивым, но вымыслом, а окружающий мир всегда ощущался очень ясно и нередко болезненно.

— И это всё лишь потому, что мои дурные руки не умеют вовремя сдержаться! Обязательно нужно смухлевать во время игры! — Рэндал отчаянно ударил мыском башмака по земле и поднял целый фонтан пыли. Он представил себя в гуще шумной толпы на городской площади, где уютно гомонят лавочники и цокают женские каблочки. Да, не ведомо человеку, куда может забросить его судьба...

На третий день пути, таща на спине громадный тюк с провизией, Рэндал понял, что силы его истощились. Из мешка пришлось высыпать большую часть содержимого, но и то небольшое, что осталось на его пыльном дне, тянуло к земле. Сперва он старался идти по следам фургона, на котором он приехал с Кейтом. Однако следы колёс утерялись к вечеру первого дня пути. Теперь он брёл наугад. Ноги то и дело цеплялись за камни и корешки, жаркий воздух сплетал перед глазами сложные узоры, пересохшее горло казалось вздувшимся и слипшимся.

Вечером, рухнув на землю, он обнаружил в полуметре от себя два неподвижных тела, в каждом торчало по несколько длинных стрел. Вокруг были разбросаны мелкие предметы: мешочки, сумки, куски кожи, деревянные миски, ложки. Немного поодаль Рэндал различил в траве крупную собаку с разможжённым черепом.

— Дьявольщина! — Он поморщился, чувствуя подкатывающую тошноту. Кровь на расчленённой плоти и на земле вокруг уже засохла, но было видно, что убийство произошло совсем недавно. Поблизости прыгало несколько ворон, но стервятники ещё не спустились, чтобы приступить к пиршеству.

Скотт тяжело поднялся, буквально слыша, как гудели уставшие

ноги и как по ним тончайшими нитями струился огонь.

— Нужно убраться отсюда...

Он с огромным трудом доковылял до тёмного бора на склоне длинного зелёного холма и упал на траву в умирающую вечернюю тень гигантских сосен, которые величаво плавали густыми верхушками в оранжевой краске безоблачного заката.

Ночью ему пригрезились чьи-то негромкие голоса и приглушённый конский топот, но усталость не позволила ему поднять голову и проверить, сон ли это. Утром он увидел свежие следы копыт на влажном берегу тоненького ручейка, журчавшего в десятке метров от места его ночлега.

— Значит, не сон... Повезло тебе, мистер Рэндал Скотт... А может, не повезло вовсе? Разрази меня гром, если попасть сейчас под нож краснокожим тварям — это не худший выход из моего положения. По крайней мере, не придётся больше мучиться и страдать от неизвестности...

Он склонился над прозрачной водой, и на него повеяло прохладой. Ручей был настолько чист, что вода просто не различалась, лишь случайная веточка, скользившая над неглубоким песчаным дном, слегка колыхала поверхность потока, отчего вокруг её плывущей тени образовывались призрачные световые пятна. Рэндал окунулся в воду всей головой и с наслаждением испытал её ледяное прикосновение.

— Нет, всё-таки это чертовски приятная штука — жизнь. И держу пари, что я соглашусь ещё немного побродить по здешним пустырям, будь они прокляты! — Он запихнул в рот пресное печение и со вкусом стал жевать его.

И в этот момент, когда блаженство разлилось по всему его существу, Рэндала будто толкнуло что-то. Он резко обернулся и обомлел. Примерно в миле от него по склону холма, поросшего редким лесом, спускались вереницей десятка полтора всадников. И они не были индейцами. На них различалась грубая кожаная одежда. Все держали в руках длинные винтовки, уперев их прикладами в колени или сёдла. Рядом со всадниками шли на поводу навьюченные лошади.

— Белые люди! — вырвалось у Рэндала, и он закричал во всё горло.

— Белые люди! — расплылось эхо в хрустальном воздухе.

Они были немало удивлены появлением человека без лошади в столь отдалённых местах.

— Кейт Мэлбрэд? — переспрашивали охотники, покачивая густыми бородами. — Нет, не знаем... Не наш... Людей много... Страна

огромная...

— В какую сторону вы теперь поедете? — поинтересовался Скотт Рэндал, успокоившись.

— В ту же, куда и прежде направлялись, приятель. Ты нас с пути не собьёшь. Ха-ха! У нас полно пушного товара, так что дорога наша лежит прямёхонько в торговый пост.

[1] Воинское общество Лисицы встречалось во многих племенах равнин. Лакоты говорили, что название этого общества произошло потому, что его члены вели себя столь же хитро и ловко в бою, как лисица в привычных для неё условиях. Одним из отличительных знаков Воинов Лисицы была лисья шкура с вырезом посередине, куда человек продевал голову. Шкура надевалась таким образом, что хвост и задние лапки висели на спине человека, а мордочка лежала на груди индейца. Стандартным головным убором Воинов Лисицы были стоящие в один ряд перья, которые подобно гребню тянулись через всю голову и опускались на спину.

Крепость

В форте Мак-Кензи, куда его доставили трапперы, Рэндал застрял основательно. Он был не из робкого десятка, но недолгое путешествие в компании Мэлбрэда отбило у него всякую охоту бродить по стране, которая успела показаться ему столь негостеприимной. Впрочем, тяги к путешествиям он не испытывал никогда, поэтому, имея некоторые денежные сбережения, с удовольствием проводил время в форте.

Первые дни он старался ничем не обременять себя, показывая обитателям деревянного укрепления, что он здорово устал от недавних кровавых приключений, которые, вне всякого сомнения, не были ему приятны. Однако вскоре он стал браться за кое-какую работу, чтобы его не зачислили в разряд лежебок, каковых никто не жаловал.

За два месяца он свyksя с жизнью укреплённого поста. Земля вокруг постепенно переставала казаться ему пустынной и страшной. Повсюду сновали зверушки, хлопали крыльями птицы, из-за кустов то и дело выныривали тощие койоты, вдали величаво покачивали рогами олени, мелькали в высокой траве спины и уши волков. Но самым впечатляющим зрелищем было огромное стадо бизонов, которое ему довелось наблюдать однажды. Рэндал много раз видел быков с борта парохода, когда те пытались переплыть реку или спускались к воде напиться, видел он и большое стадо, пока ехал в фургоне Кейта Мэлбрэда. Но он и представить не мог, что бизоны могли быть столь многочисленны. Они лениво перетекали через холмы безбрежным тёмно-коричневым ковром, заполонив всё пространство вокруг форта. От вида этой бесконечной лавины горбатых животных у Рэндала перехватило дыхание.

Индейцев тоже оказалось вокруг гораздо больше, чем ему представлялось раньше. Места вовсе не были пустынными. Небольшие группы туземцев регулярно прибывали к стенам форта, и множество палаток постоянно находилось возле бревенчатых стен укреплённого торгового поста.

С приближением осени дикари начали понемногу разъезжаться, завершив товарообмен с белыми купцами. Возле стен укрепления осталось не более двадцати палаток Черноногих[1], но милях в трёх-пяти от форта ещё стояли большие деревни, скрытые отвесными скалами и густым лесом.

Рэндал поднялся очень рано в тот день. Воздух был серым

и мутным, как запотевшее стекло. Зачерпнув холодной воды из деревянной кадки, Рэндал Скотт ополоснул лицо и, фыркая, обтёр шею. Возле стены лежали друг на друге покрытые брезентом тюки со шкурками. За частоколом вырисовывались верхушки индейских палаток, торчали вверх, словно гигантские усы, расходящиеся под углом шести, служившие каркасом для жилищ. В предраассветной мгле лес на поднимавшихся вокруг холмах казался непроглядным. Из трубы избы за спиной Рэндала тянулся голубоватый дым.

Внезапно в тишине, которую, казалось, ничто не посмеет растревожить, разлился звук, не похожий ни на что. Несколько секунд он висел почти неподвижно, словно протяжный монотонный вой, затем заколыхался и вдруг как-то сразу превратился в бесконечное множество голосов, которые лавиной хлынули в долину.

Рэндал кинулся к прорубленной в стене бойнице и увидел далёкие фигурки всадников. Их было несколько сотен. Их прыгающие очертания становились яснее с каждым мгновением. Подскочивший к соседней бойнице метис по кличке Том-Барсук криво усмехнулся.

— Ассинибойны! — воскликнул он и поспешил за пистолетами.

— *Levez-vous, il faut nous battre!* Поднимайтесь, нам придётся сражаться! — заколотил рукой в оконную раму другой траппер.

Из бревенчатого строения, надвери которого была растянута лохматая шкура, выбежал мужчина лет пятидесяти в невероятно поношенных и грязных штанах и завертел головой.

— Барон, краснокожие здесь! — гаркнул ему в лицо Том-Барсук. — Нынче вы вдоволь навоюетесь!

Черноногие начали выбегать из палаток, растерянно оглядываясь. Они ещё не пробудились окончательно, и движения их были слишком вялыми. Весь вчерашний вечер они провели в шумном пьянстве, накупив у торговцев изрядное количество спиртного. Они плясали до глубокой ночи, изображая в танце военные столкновения с врагами и подсчитывая свои прикосновения к противнику. Теперь на них внезапно обрушился настоящий бой[2].

После недолгого раздумья Черноногие ныряли обратно в свои жилища за оружием. Их было слишком мало, чтобы противостоять нападавшим, но ничего другого не оставалось. Ассинибойны шумно приближались. Самые прыткие из них уже домчались до стоянки Черноногих и теперь шныряли между огромными конусами жилищ, пуская стрелы в мягкие стены. Два Ассинибойна резво спрыгнули с коней и набросились на одну из палаток, словно на живое существо, вонзая лезвия ножей в натянутую кожу. Из деревянных домов к стенам

укрепления спешили охотники с ружьями наперевес. После первых выстрелов сцену боя заволокло густым дымом.

— Послушайте, они не нас атакуют, а только Черноногих! — крикнул Митчел, опуская длинное ружьё. — Перестаньте стрелять!

— Знать бы, что им через минуту в голову стукнет.

— Надо бы Черноногих пустить к нам, не то их всех переколотят...

— Ещё чего! Тогда от этой орды спасения не будет. Взгляните, сколько их! Человек триста...

Ветер отнёс пороховой дым в сторону, и между палатками стали различимы неподвижные тела пяти женщин и нескольких детишек. Пышно оперённые всадники носились кругами вокруг мертвецов, уваливая от пущенных в них стрел. Черноногие подбегали к частоколу и звали белых людей на помощь.

— Я пойду подсоблю, — прокряхтел старый Джон Эмерсон, неторопливо надевая мокасины, и бросил в просторную кожаную сумку пули, в то время как молодёжь приседала под бревенчатыми стенами.

— Сейчас зададим им перца, — ухмыляясь, произнёс с сильным немецким акцентом барон Браунсберг[3], шагнул к частоколу и прижал приклад к плечу.

Грянул выстрел, и оружие, сильно дёрнувшись, отшвырнуло его на два шага назад.

— *Mais je te trouve fatigué et un peu pâle, mon ami!* Я нахожу, что у тебя усталый и бледный вид, мой друг! — весело загоготал за спиной свалившегося барона бородатый канадец.

— Похоже, я всыпал двойную порцию пороха, — прокартавил Браунсберг.

— Не ввязывайтесь, друзья, это не наша драка, — недовольно сказал Митчел. Он стоял на широко расставленных ногах, по-хозяйски уперев руки в пояс и оттопырив локти.

Но десять охотников всё же проскользнули в приоткрытые ворота и, добежав до окраины индейского лагеря и став полукругом, дали дружный залп по вертлявым Ассинибойнам. Те отхлынули назад, многие сильно свесившись с лошадей, получив ранения. Появление на военной сцене белых людей, вооружённых карабинами, смутило нападающих. Черноногие издали торжествующий вопль и заметно приободрились. После двух-трёх залпов по дикарям трапперы рассыпались по лагерю Черноногих. Их перепачканные жиром и пропитанные потом грубые кожаные куртки с длинной бахромой бурыми пятнами сновали между голыми фигурами индейцев.

Ассинибойны отступили на несколько сот метров и оттуда выкрикивали ругательства. Многие из них выезжали вперед и на всем скаку подхватывали с земли тела убитых сородичей.

Золотистый луч солнца прорезал голубизну утреннего воздуха, пробившись сквозь кроны деревьев, и упал на заостренные верхушки индейских палаток. День вступил в свои права. Через минуту над лесом появился весь солнечный диск, залив сиянием холодное пространство между двумя далёкими утёсами.

Рэндал взял карабин и вышел из крепости. Ворота были теперь открыты, и перепуганные индейки торопились укрыться за деревянными стенами. У некоторых сквозь разорванные платья текла кровь.

— Вон и подмога, — прокашлял кто-то, указывая влево.

От подножия горы скакал небольшой отряд Черноногих из лагеря, что находился по другую сторону реки. Чуть позже из лесной стены вынырнула другая группа, до которой донеслись звуки выстрелов.

— Ладно, выдайте-ка им ружья, — распорядился Митчел, — пусть повоюют нормально... Только не позабудьте отобрать их после боя...

— Потом поди забери у них ружьишко...

Первые три Черноногих схватили длинноствольные карабины и с восторженными криками побежали между палаток, потрясая оружием над головами. Рэндал видел, как они обнаружили на земле возле крайней палатки тело убитого врага, которого Ассинибойны не сумели забрать с собой, и остановились над ним. Они разрядили свои карабины в покойника, перезарядили их и вновь выстрелили в труп. Выпущенные в упор, пули сильно изорвали тело, что явно обрадовало индейцев.

Рэндал хмыкнул и зашагал туда, где виднелись фигуры охотников. Смешавшись с Черноногими, они продвигались в сторону холма, по которому, словно муравьи, сновали Ассинибойны. Временами они выезжали вперед, выпуская ворох стрел, но тут же спешили назад, заведя поднятые стволы ружей. Из соседних лагерей прибывали новые отряды Черноногих, быстро пересекая ровное пространство между холмами, залитое косыми лучами солнца. Орлиные перья в их волосах светились.

К полудню Ассинибойны отошли за гряды. Черноногие то уезжали за ними, то возвращались. Рэндал поймал индейскую лошадку, в гриву которой были вплетены лоскуты какого-то меха и вороньи перья, и вернулся в форт верхом. Он сделал лишь пару выстрелов и сразу охладел к сражению. Он давно заметил за собой, что не мог драться,

если не испытывал волнения. Так пожара не может случиться, если нет огня.

Возле частокола толпились люди и возбуждённо обсуждали детали сражения. Рэндал прошёл к дальней стене укрепления, где над костром свисали с высокой треноги оленье рога. На одном из их крючковатых отростков болтался котелок, от которого валил ароматный пар. Джек-Собака помешивал там длинной деревянной ложкой.

— Я сразу сказал, что это скучный бой, — улыбнулся Джек своим заросшим лицом, из-за которого и получил от индейцев прозвище Собака, и одёрнул грязный воротник своей расшитой куртки. — Эти Ассинибойны[4] похожи на всех других Сю. Они наверняка имели зуб на Черноногих, и до нас им не было дела. Я видел одного из них, который кричал нашим, чтобы они ушли с его пути, так как он не желал нам зла. Краснокожие вообще не очень любят нападать на белых. Впрочем, сегодня свора налетела немалая, спорить не стану. Но и Черноногих кругом полным-полно.

— Ты знал, что они отступят?

— Угу. Я смотрел на них и видел, что они хорошо разоделись, здорово раскрасились. Но вот ехали они так, будто не знали, чего хотели. Может быть, они даже не Черноногих искали, а вообще кого-нибудь... Так бывает... Или они уже до этого навоевались. Не знаю. Краснокожий ведь — птица не простая... — Джек-Собака поднёс ложку ко рту и снял пробу с похлёбки. Ему было лет шестьдесят, но голос его, хоть и со старческой хрипотцой, звучал громко и руки с сухой морщинистой кожей двигались легко.

— Мне кажется, — проговорил Скотт, — что ты симпатизируешь дикарям.

— Я много лет стаптываю мокасины на здешних тропах, приятель. Много раз моя никчёмная жизнь висела на волоске. И не только краснокожие были тому виной. Нет, старина. Меня давили буйволы, грызли волки и топили реки. Но я люблю жизнь именно такой, какая она у меня здесь. Я постарел в этом краю. У меня тут полно родни.

— Откуда? — удивился Скотт. — Какая родня?

— Индейцы. Я успел породниться с ними не один раз. — Видя недоумение на лице собеседника, Джек-Собака засмеялся. — У меня были жёны-индеанки. Здешние скво[5] — особый товар. Они выносливы, ловки, отличные хозяйки, но будучи бродячим охотником, я не всегда брал жену с собой. Охота требует прыткости. Тут таскать с собой типи[6] не для чего. Охота — это общество мужчин. А что мне нужно от скво, когда я приезжаю из похода, который тянулся два

месяца? От неё требуется только быть женщиной, чтобы я насытился ею... Всё бы хорошо с индейской женой, но родичей многовато. Они, видишь ли, все рады прийти в гости к тебе, когда им заблагорассудится, поэтому иногда заваливаются толпами. И совсем плохо, когда кто-то приезжает погостить из другой деревни, тут уж могут поселиться на месяц или два... У меня было уже три жены. Одна из Змей, я отдал за неё десять лошадей, а это много. Но она погибла в горах, сорвалась вместе с лошадьёю на перевале. Вторая была Сю, прекрасная хозяйка, но я вернул её отцу, потому что слишком сварлива была, зато она шила отличные мокасины; лучшей обуви я никогда не носил. Пришлось её папаше подарки всякие привезти, когда я возвратился с нею. А третья была из Банноков. Её зарубили Юты... Лучшие, на мой взгляд, это лакотские женщины. На редкость милы. У моей, правда, с характером было плохо... Что ж, случается... Я повидал немало людей, но никто не привлекает меня так, как дикари. Эти краснокожие дьяволы мне куда больше по душе, чем любой самый улыбчивый скупщик пушнины в торговой лавке. Здешние трапперы говорят, что ничто не ласкает слух так, как завывание ветра в горах и журчание ручья. Но ещё есть одна штука, которую я обожаю. Это язык Сю. Я тебе вот что скажу: ни одна скрипка в салуне во время самого развесёлого праздника не сравнится с обычной речью Лакотов. Ты представить не можешь, приятель, что они вытворяют со словами!

— Ты хорошо говоришь на их языке, Джек?

— Как на родном гэльском. Мне кажется, что я и думаю на их манер. *Лакота кин шунка Джека кагани*. Джека-Собаку сотворили индейцы. Человек становится тем, что его окружает, если он принимает это окружение. Не покинь я Шотландию, так бы и пас овец, как мои предки, сам был бы овцой...

Некоторое время они молчали. Скотт разглядывал рассеявшихся повсюду Черноногих.

— Здесь много всякого люда... Вот наш барон, к примеру, — Джек кивнул в сторону барона Браунсберга, который расхаживал вдоль крепостной стены, то выходя за ворота, то возвращаясь обратно, — он здесь просто глаза пялит. Он не с нами. Может, он и не плохой малый, этот путешественник, но не наш. Говорят, он дорос до генерала во время войны в Европе. Но это не поможет ему стать горным охотником. Он смотрит иначе. Он дышит иначе... Если ты похож на него, то быстро укачишь отсюда, наглядевшись на нас вдоволь или испугавшись чего-нибудь. Но если ты пробудешь на этой земле хотя бы год, то останешься здесь и ничто не заставит тебя покинуть этот край.

Горы и прерия не отпустят тебя. Ты привыкнешь смеяться под дождём и вьюгой, крышей ты станешь считать небо над головой, а стенами — сосновый бор, и обычный дом с удобствами, которые ценятся в больших городах, покажется тебе душной тюрьмой. Поверь мне, я знаю. Я уже пытался уехать отсюда в Штаты, но едва не подох там с тоски. Я знавал и других, которым здешняя жизнь показалась сперва слишком суровой и они поспешили в свои уютные клетушки, но быстро вернулись. Джимми Вэллас, к примеру сказать, в подвале своего каменного дома вечерами разводил костёр из лучинок и плакал. Он сам рассказывал. Затем махнул на всё рукой, никому ничего не объяснил, даже жене, и помчался сюда. То было десять лет назад. В прошлом году гризли оторвал ему ногу и раздавил грудь. А Джимми умирал с улыбкой... Я не знаю, что такое настоящие стихи, но мне кажется, что сам воздух тут насыщен песнями...

[1] Черноногие — конфедерация племён (Пьеган, Сиксика, Кайна), говорящих на языке Алгонкинской семьи, которая подразделялась на пять основных групп: черноногская, шайенская, арапахская, центральная и восточная, калифорнийская. Широкую известность Черноногие приобрели благодаря книгам Джеймса Шульца, который был женат на девушке из этого племени и много лет провёл среди Черноногих.

[2] Нападение на лагерь Черноногих возле форта Мак-Кензи произошло 28 августа 1833 года. Особенностью той схватки было то, что у жителей форта в момент атаки не было на руках в достатке пуль и пороха, так как они продали свои основные запасы Черноногим и как раз дожидались выдачи очередной еженедельной порции боеприпасов. Принц Максимилиан так описывал нападение: «Они неслись галопом группами от трёх до двадцати человек; их лошади были покрыты пеной. Сами индейцы были наряжены лучшим образом, со всевозможными украшениями и оружием, луки и колчаны висели на спинах, ружья в руках, на головах красовались короны из чёрно-белых орлиных перьев, свисавшие назад подобно пышным капюшонам. Всадники сидели на чёрных лошадях, разрисованных красными полосками. Сами они были наполовину обнажены, у многих через плечо тянулась волчья шкура, висел щит, украшенный перьями и яркими тряпичными лентами». Трапперы в форте опасались, что Ассинибойны нападут снова, обозлившись на то, что белые люди оказали поддержку Черноногим, но повторной атаки не произошло. Через месяц после этого военного столкновения Ассинибойны появились в форте Юнион, который располагался на их земле, и сообщили, что их отряд состоял из 500 Ассинибойнов и 100 Кри. Это вызывает некоторое недоумение, как столь мощный отряд не одолел более слабого противника. Ассинибойны и Кри убили только семерых Черноногих и ранили двадцать человек.

[3] Под именем барона Браунсберга по Америке путешествовал Максимилиан, принц земли Вид-Нойвид. В своё время он воевал против Наполеона, дослужился до звания генерал-майора и во главе своего дивизиона въехал в составе союзных войск в Париж. Но в душе он всегда мечтал о карьере учёного. После войны он организовал научную экспедицию в Бразилию и после двух лет путешествия выпустил книгу, и она принесла ему широкое признание. Теперь он

отправился в экспедицию по Северной Америке. Вместе с ним путешествовал его друг, молодой художник Чарльз Бодмер, который оставил богатую коллекцию этнографических рисунков. В дороге Максимильтян познакомился с Кеннетом Мак-Кензи, так называемым Королём Миссури, занимавшим должность главы Верхнего отделения Пушной Компании. Мак-Кензи организовал Максимильтяну поездку в один из самых дальних фортов пограничья — форт Мак-Кензи, куда направлялся с ежегодными запасами товаров Д. Митчел.

[4] А с с и н и б о й н ы — племя языковой семьи Сю. Принц Максимильтян писал о них так: «Ассинибойны — это настоящие Дакоты, но они весьма давно образовали свою собственную ветвь племени и отделились от остального народа, переселившись на новые земли. Это было связано с какой-то ссорой внутри племени. Сами они продолжают считать себя Дакотами, называя себя на своём наречии Накотами».

[5] С к в о — слово заимствовано из языка Алгонкинов и традиционно употреблялось по отношению к женщинам со времён основания Новой Англии.

[6] *Típi* — на языке Лакотов так называлось любое жилище, любой кров, даже бревенчатый и каменный дом белого человека. Для обозначения палатки именно с кожаным покрытием Лакоты использовали слово *uakeya*. Установление палатки начиналось с поисков подходящих шестов. Обычно два шеста связывали у верхушки и ставили стоймя таким образом, что толстые концы разводились на диаметр пола палатки. Остальные шесты расставлялись с равными промежутками по окружности. Покрытие, сшитое из кожи бизонов, прикреплялось к вершине одного из шестов и натягивалось по всему каркасу таким образом, чтобы вход смотрел на восток.

Женщина

С тех пор, как Медведь завладел тетрадью белого человека, минул год. Иногда индеец извлекал её из сумки, где у него хранились ценные для него вещи, и перелистывал страницы, испещрённые мелкими значками. После той схватки его стали называть *Мато Токе*^[1] — Странный Медведь. Никто не понял его поступка, когда он не стал убивать Светлоглазого сам и не позволил этого другим. Сперва воины подумали, что он решил взять чужеземца в плен и подвергнуть его пыткам, привезя в деревню, но потом увидели, что это не так. Белому просто даровалась жизнь. Он не проявил ловкости в бою, не показал никакого чуда, но Медведь пощадил его. Это было странно. Впрочем, он нередко удивлял род Куропатки...

Как-то к их кочующему лагерю присоединились две семьи из клана Красной Воды. Они покинули свою группу, не поделив что-то с главой общины, и почти месяц жили в стороне от всех. Но такое существование обычно не затягивалось надолго — уж слишком велик был риск попасть в руки вражеского военного отряда.

Среди новоприбывших Медведь сразу выделил молодую женщину по имени Шагающая Лисица^[2], жену Молодого Волка. У этого индейца было две жены. Старшую звали Птица-Которая-Охраняет-Гнездо, а Шагающая Лисица доводилась ей сестрой. Молодой Волк взял её в жёны, когда их отца затоптали на охоте быки. Мать их отдала свой дом на растерзание соплеменникам, символически протянув людям ножи и топоры, после чего толпа изрезала шкуры палатки на куски, раз и навсегда уничтожив кров над её головой. После этого старуха несколько дней просидела возле могилы мужа, плача и тихонько разговаривая с его невидимой тенью, и там же скончалась в непреодолимой тоске. Согласно традициям племени, Шагающая Лисица, оставшись без кормильца, пришла в дом сестры и стала считаться второй женой Молодого Волка.

Любой воин мог иметь столько жён, сколько способен был прокормить. Молодой Волк имел двух. Странный Медведь — ни одной. Люди шептались по этому поводу, но никто не говорил ему ни слова. Даже отец не заговаривал о женитьбе. Странный Медведь общался с духами, и люди мало что могли присоветовать ему.

Не раз Странный Медведь останавливался близ палатки Молодого Волка и смотрел, как Шагающая Лисица скоблила костяным скребком

натянутую на деревянную раму бизонью шкуру. Она работала несуетливо, но ловко. Станный Медведь с удовольствием провожал молодую женщину взглядом и любовался стройностью и силой её сложения, когда она шла твёрдой походкой к реке за водой. Иногда он ловил взгляд её блестящих глаз, но она немедленно отводила взор и поворачивала красивую голову в противоположную сторону.

Он ни разу не заговорил с нею, так как такое поведение считалось неприличным, но однажды он решил привлечь к себе её внимание, не нарушая разумных границ. Он облачился в длинную парадную рубаху, разрисованную мелкими значками и фигурками, которые рассказывали о его боевых заслугах, украсил волосы перьями и цветными прутьями с перечнем его ранений, взял флейту и некоторое время ходил вокруг палатки Молодого Волка, наигрывая пронзительную мелодию, которую сочинил специально для этого случая. Шагающая Лисица вышла из жилища и долго смотрела на Медведя, затем села около входа и принялась вышивать красными бусами кусок мягкой кожи, больше не поднимая глаз на мужчину с флейтой. Она не произнесла ни слова и ничем не ответила на музыкальное ухаживание Медведя, но он остался доволен. Женщина увидела его. Он удалился медленными шагами, продолжая играть на флейте. Кое-кто из людей, проходивших мимо, улыбнулся, глядя на него.

— Поведение Станного Медведя перестаёт быть странным, — услышал он за спиной.

— Подождём, как это поведение понравится Молодому Волку, — откликнулся другой голос. — Я слышал, что у него чересчур горячее сердце.

Больше Медведь не подходил к Шагающей Лисице с флейтой. Одной любовной песни было вполне достаточно, чтобы женщина поняла чувства воина, если она обладала достаточным разумом и чутьём.

Пару раз в лагере устраивались общие пляски по поводу успешных походов во вражеские станы за лошадьми. Медведь любил такие празднества, любил шум веселья. Завидев же в толпе зрителей Шагающую Лисицу, он быстро раскрашивался и присоединялся к танцорам, стараясь двигаться как можно более изящно и плясать поближе к тому месту, где стояла Лисица. Он искоса поглядывал на неё, покручивая в руке боевую дубину и обмахиваясь веером из орлиного крыла, и с удовлетворением замечал, что женщине нравились то, как он танцевал. Это означало, что нравился и сам

Медведь.

Случалось, Медведь подолгу сидел вдали от деревни возле пожелтевшего медвежьего черепа и о чём-то размышлял. Чуть в стороне, ближе к узкой полоске ручейка, виднелся каркас низенькой округлой палатки, в которой Станный Медведь с близкими товарищами обычно проводил *Инипи* — Обряд Очищения[3]. Над этим местом нависала, прилепившись к крутому горному склону, кривая карликовая сосна, на ветвях которой висело множество мешочков с дарами Всесильному Духу Жизни. Иногда из кустов, пригнув голову к земле, показывался крупный волк белой масти и выжидающе смотрел на Станного Медведя. Человек тоже устремлял на него взор и не двигался. Так и молчали они в глаза друг другу. Казалось, что присутствие одного вполне устраивало другого. Но всё же ни один из них не расслаблялся, каждый был хищником и видел хищника в другом.

— Не знаю, что ты хочешь сказать мне, четвероногий брат, — как-то обратился Станный Медведь к волку. — Может быть, ты просто желаешь помолчать. Но может быть, ты хочешь сообщить мне что-то важное. Я не могу сейчас заставить себя услышать твои мысли, потому что сердце моё занято женщиной. Я подожду твоих слов, однажды ты скажешь их мне, мой брат.

[1] *Токе* — производное от «*токечаэ*» (почему?), «*токечакаен*» (беспричинно) или «*токе-чинчин*» (по своему усмотрению). Пример: «*Токечинчин уаун*» (я поступаю, как мне заблагорассудится). Данное имя наглядно показывает, насколько приблизительным является любой перевод индейских имён на другие языки. Перевод Мато Токе как Странный Медведь, конечно, весьма условен, так как по-настоящему подходящего эквивалента в русской речи нет. Наиболее правильным, но, к сожалению, слишком громоздким для употребления было бы пространное имя — Медведь-Который-Порождает-Своим-Поведением-Много-Вопросов.

[2] *Шунгила — Мани — Уин*. Женские имена собственные в языке Лакотов отличались от мужских окончанием «*уин*» или «*уинна*». Без этого окончания имя *Шунгила-Мани* было бы мужским (Шагающий Лис). Пример: мужское имя *Махпийа* (Облака, Небеса) становится при соответствующем окончании женским: *Махпи-уинна* (Облачная Женщина).

[3] *Ини́пи* (дословно — потение) — обряд очищения, проводимый в палатке-парильне. Каркас палатки делается из двенадцати или шестнадцати веток молодой ивы. Палатка плотно укрывается шкурами или одеялами. Внутри парильни в земле делается ямка, куда кладутся раскалённые камни и поливаются водой. Вход устроен с востока, ибо оттуда приходит свет мудрости. Участники обряда устраиваются внутри, сильно согнувшись, тем самым олицетворяя собой зародыши в чреве матери. Инипи — сложный обряд, в котором используются все силы Вселенной: земля и всё растущее на ней, вода, огонь и воздух. «Вода воплощает Громоных Духов, которые приходят в пугающем виде, но приносят добро, ибо пар, восходящий от камней, содержит огонь внутри себя и поэтому устрашает, но он очищает нас, так что мы можем жить по воле Вакан-Танки». Подробное описание всей церемонии дал Чёрный Лось в книге Джозефа Брауна «Священная Трубка».

Мато Уитко

(его собственные слова)

Я пользовался уважением у людей. В моём доме всегда хватало еды, даже в самые голодные времена. Я видел на себе игривые взгляды девушек, когда проходил мимо них, и знал, что они были бы рады получить такого мужа. И мне было весело танцевать с ними ночами вокруг костра, когда разрешалось накинуть на себя и девушку покрывало и так стоять и разговаривать с ней и даже целовать её при всех. Во время праздника никто не мог запретить этого. Правда, после этого мать девушки обычно присылала кого-нибудь за вознаграждением.

— Ты был с дочерью Пятнистого Оленя, — говорил посланник, — дай ему хороший подарок, чтобы никто не подумал, что ты неуважительно поступил с молодой женщиной.

Я платил за веселье, как это делали все мужчины. Но ни в одной женщине не видел я своей жены.

Когда появилась в нашем лагере Шагающая Лисица, в моём сердце словно тетива натянулась. Я будто услышал голос, предвещающий и сладкое счастье, и горький вкус беды.

У нас не принято было останавливаться и разговаривать с женщиной на глазах у всех, потому что о ней могли плохо подумать. Некоторые жёны иногда попадали в неприятные истории из-за проявленного к ним внимания каким-либо воином. Бывало, что слишком вспыльчивый муж отрезал изменнице нос, если сам видел, как жена лежала с другим. Однако чаще были лишь сплетни, правда, случалось, что они становились нестерпимы. Тогда жена объявляла о проведении Праздника Чистоты, на который приглашались женщины, познавшие только одного мужчину. Я видел много таких сборищ. Организовывала и проводила этот праздник с угощениями обязательно та женщина, которая обвинялась в неверности. Каждая из присутствовавших во весь голос объявляла, что в её тело ни разу не входил никто, кроме мужа. Любой из зрителей мог выступить вперёд и опровергнуть это, если у него были основания. Женщины Одного Мужчины (их так называли) пели громкие песни о красоте и силе мужских органов.

Я не мог разговаривать с женой Молодого Волка. Я не мог подолгу

стоять перед её типи, пышно одевшись, как это делали другие юноши, ухаживая за девушками. Шагающая Лисица имела мужа. Я не хотел оскорбить её.

Однажды ко мне пришёл Красящий-Лоб-Белым и сказал, что собирался отправиться в поход против Бритоголовых, которых мы чаще называли Волками[1]. В те времена многие индейцы сбрасывали волосы на голове. Я сам видел однажды отряд Псалоков, в котором у пятерых человек головы блестели на солнце. Мой дедушка рассказывал мне, что наши люди раньше часто оставляли на голове только пучок волос. Это сегодня для воина позорно остригать свои волосы.

Красящий-Лоб-Белым хотел отомстить за смерть брата. Но он не был известным бойцом, поэтому не мог возглавить военный отряд — никто не последовал бы за ним. Он хотел, чтобы я повёл за собой воинов. Он обещал отдать мне всех лошадей, которых сможет захватить в походе. Мы выкурили трубку, и Красящий Лоб Белым получил моё согласие.

Весь день перед нашим выступлением по лагерю ходили глашатаи и распевали песни, поднимающие боевой дух. Я тоже несколько раз исполнил мою волчью песню. Иногда те, кто готовились к походу, останавливались перед какой-нибудь палаткой, обитатели которой не выступали на военную тропу, и голосили перед входом. В таком случае хозяевам полагалось вынести что-нибудь в качестве жертвования. Это могла быть еда или что-то из оружия.

Я решил постоять перед типи Молодого Волка. Очень скоро входной полог откинулся и появилась Шагающая Лисица. Она посмотрела мне прямо в глаза и положила на землю перед моими ногами пару мокасин. Я видел, как она смотрела. То был взгляд настоящей женщины, от которого вскипает кровь.

Наутро мой отряд покинул деревню, провожаемый многочисленными напутствиями. Когда наши жилища остались за горой, мы услышали топот лошади. Нас догонял Молодой Волк. Он смотрел на меня с вызовом.

— Я решил присоединиться, — сказал он, — я пришёл в род Куропатки из другой общины, и вы не знаете меня. Я не хочу, чтобы вы считали меня плохим воином, и докажу свою храбрость в бою.

— Не совокуплялся ли ты с женщинами в последние семь дней? — спросил из-под нависшей волчьей маски Прыгающий-По-Камням-Баран.

Молодой Волк сказал, что не спал с женщинами.

— Это странно, ведь ты не знал, что отправишься в рейд. Разве у тебя плохие жёны? — засмеялся Красный Хорь.

— Я постился, — ответил Молодой Волк. — Птица-Которая-Охраняет-Гнездо носит в себе моего сына. Я молился Великому Духу.

— Это хорошо, — сказал я, — мужчина должен накапливать силу перед военными подвигами.

И мы поехали дальше, выслав разведчиков вперёд.

Вскоре мы увидели небольшое стадо бизонов и подстрелили жирную корову. Мы сильно наелись, чтобы потом не занимать себя мыслями о еде, но из-за этого ещё до наступления вечера захотели спать. Мы устроились на отдых на том же месте, где и ели.

Утром одного нашего юношу стало тошнить.

— Это потому, что я спал, положив под голову куски мяса, — предположил он и сказал, что отправится обратно в деревню, чтобы не навлечь на наш отряд злых духов.

Никто не возражал, и мы поскакали вперёд.

Обычно Волки жили в земляных домах, которые никуда не передвинешь. Но нередко они отправлялись на поиски бизонов и везли с собой такие же палатки из сшитых шкур, как наши. Стоянка, которую мы обнаружили состояла из пяти таких *типи*. Я думаю, что те Волки принадлежали военному обществу Ножевого Копья, потому что перед входом в крайнюю палатку я заметил воткнутое в землю копьё с длинным прямым наконечником, к которому были прилажены почти параллельно лезвию два орлиных пера, и вдоль древка тянулась широкая полоса из красных и чёрных кусочков ткани, сшитых поочерёдно. Это редкое копье.

Мы решили атаковать их перед заходом солнца. Лошадей у Волков оказалось совсем мало. Они не успели ещё ни на кого напасть.

Мы приготовились, раскрасив себя лучшим образом, и с громкими песнями помчались на врагов, когда солнце опустилось к самым холмам. Волки не испугались и храбро встретили нас. Они были голые и лоснились в заходящем солнце. Никто из них не успел добежать до своей лошади, потому что Красный Хорь сразу отрезал от них табун. Мы оказались на их стоянке, и на нас посыпались стрелы. Волки-Поуни высовывались из типи, стреляли и опять скрывались внутри. Но некоторые остались снаружи. Один из них выстрелил в нашу группу, и Молодой Волк упал со стрелой в плече. Я повернулся лицом к врагу, который ранил его, и вытянул перед собой ружьё. Я ещё плохо пользоваться огнестрельным оружием, но ружьё я брал в поход всегда — оно производило на противника сильное

впечатление. Я бы не стал стрелять, так как не надеялся попасть в цель и не хотел тратить порох зря. Однако враг не знал этого...

Я мчался прямо на врага, направив на него ствол, и кричал. Он споткнулся, и стрелы высыпались из колчана. Он не хотел отступать, этот Бритоголовый. Он собирался драться со мной, но его рука не нашла в колчане стрел. И он побежал от меня. Я проломил ему голову прикладом и вернулся к Молодому Волку.

Нас оказалось меньше числом, чем Волков, и мы отступили. Но мы сразили трех врагов и угнали у них всех лошадей. Они не могли преследовать нас.

На ночной стоянке, которую мы сделали, проехав большое расстояние, Целебная Трубка обработал рану Молодого Волка. Стрела сильно повредила плечо. Много дней после этого он не шевелил рукой. Но он был единственным пострадавшим в бою. Мы одержали хорошую победу.

Перед тем как въехать в наш лагерь, мы остановились, чтобы одеться и раскраситься соответственно случаю, и под вечер неторопливо спустились в стойбище. Мы пели победную песню и гнали перед собой захваченных лошадей. Объехав несколько раз вокруг деревни, мы остановились. Люди громко приветствовали нас.

Я был доволен.

Но среди встречавших не было Шагающей Лисицы. Молодой Волк тяжело спустился с коня и спросил у старшей жены, где её сестра.

— Она в женском типе, — ответила Птица-Которая-Охраняет-Гнездо. Это означало, что у Шагающей Лисицы начался месячный цикл. Женщине полагалось жить отдельно от семьи в Лунный Период, потому что выходящая из неё кровь считалась нечистой. Её присутствие в доме в такое время могло навлечь несчастье на родственников. Поэтому она уходила в специальную палатку, где собирались другие такие же, и проходила очищение под присмотром знающих старух.

— Когда она ушла? — строго спросил Молодой Волк.

— В день твоего отъезда.

— Тогда я понимаю, почему враги попали в меня стрелой. Шагающая Лисица была уже нечиста, когда я отправлялся в поход. Она должна была предупредить меня! — Он был раздражён, это видели все. — Позови лекаря и шамана. Я хочу принести жертву Великому Духу и вымолить его благосклонность.

Всю ночь гремели барабаны, и лучшие певцы из разных воинских обществ радовали нас своими песнями. Жёны и сёстры тех, кто

вернулся из военного набега, исполняли танец, держа в руках боевые трофеи своих мужей и братьев. Мои сёстры были очень веселы, потому что я подарил им всех лошадей, которых мне дал Красящий-Лоб-Белым.

Шагающая Лисица вышла из палатки очищения на следующий день. Она была свежа и красива. Я подъехал на коне к ней и преградил ей путь.

— Сегодня вечером я увезу тебя. Если ты хочешь быть со мной, ты не станешь скрываться. Я хочу всё решить сегодня, — сказал я ей и ускорил. Она ничего не ответила мне, но я знал, что она обязательно выйдет из типи наружу после захода солнца. Что-то подсказывало мне это.

Я приготовил вещи, сложил их на волокуши и попросил Бегущего Зайца (он тоже был из общества Лисиц) ждать меня за пределами лагеря, едва начнёт смеркаться. Сам я надел на себя праздничную рубаху, рукава и воротник которой мои сёстры украсили густыми прядями длинных волос убитых мною врагов и расшили выкрашенными иглами дикобраза. На голове я, как мне полагалось, пристроил маску медведя, на макушке которой я закрепил вертикально два пера золотого орла, ведь случай был особый, торжественный.

Как только стала стучаться тьма, я сел на моего любимого пятнистого жеребца и медленно поскакал вокруг деревни, ведя на поводу вторую лошадь, морду которой я вымазал в ярко-красный цвет. Громким голосом я исполнял мою любовную песню, в которой говорилось о храбром юношеском сердце, которое принадлежало лучшей из женщин. Наши песни очень важны для нас, потому что их очень много: на каждый случай жизни есть своя песня. Бывают песни общие, которые знает весь народ, и есть личные, которые исполняет только их владелец, потому что, складывая их, он посвящает их конкретному лицу и конкретному делу. Я придумал мою любовную песню давно и иногда пел её вдали от деревни, призывая неизвестную, но именно мне предназначенную Создателем женщину. Теперь мою песню слушали все вокруг и шумно гадали, кого же я решил взять женой.

Я остановился перед типи Молодого Волка и продолжал петь. Появилась удивлённая Птица-Которая-Охраняет-Гнездо. За ней быстро вышла Шагающая Лисица. На её руках лежало покрывало, свёрнутое платье и обувь с ноговицами. Она остановилась передо мной и подняла на меня глаза. Я спрыгнул с жеребца, зачерпнул ладонью, обмазанной медвежьим жиром, порошок красной краски из мешочка

на пояс и покрыл ею лоб Лисицы. Обычай требовал, чтобы жених собственноручно раскрашивал лицо своей невесты.

Вокруг нас столпилось много людей, и все молчали. Но стоило нам сесть верхом и направиться вон из деревни, как толпа приветственно закричала и замахала руками. Птица-Которая-Охраняет-Гнездо разразилась продолжительной бранью. За её спиной показался Молодой Волк. Он опирался на копьё всем телом и вертел головой, ничего не понимая. Но люди указывали руками на нас, и он сообразил, что произошло.

Я был уверен, что он не отправится в погоню, хотя я нанёс ему оскорбление, уведя женщину. Он был слишком слаб. Может быть, когда его плечо придёт в норму, он решится схватиться со мной, но не сейчас. Кроме того, Шагающая Лисица пришла к нему за сестрой, и он не выкупал её у отца, как это принято у нашего народа. Она досталась ему бесплатно. Я же заплатил Молодому Волку его жизнью, вынеся его из-под стрел на поле боя. Он не мог не помнить такого.

Мы добрались до того места, где Бегущий Заяц ждал меня с десятком моих охотничьих и военных коней и одной лошадью с закрепленными на её спине волокушами. Я поблагодарил его и отправил домой, а сам с Шагающей Лисицей поехал выбирать место для ночлега. Первую ночь мы провели под открытым небом и только к концу следующего дня поставили нашу палатку.

Теперь у меня была семья.

[1] *По́уни* — конфедерация племён, говорящих на языке Кэддо-Ирокезской семьи. К этой же группе относится племя Арикара. Всех их вместе Дакоты называли словом *Падани* (Лакоты называли *Палани*). Поуни состояли из четырёх крупных племён — Скиди, Чауи, Китехахки, Питахауерат.

Одиночки

Странный Медведь чувствовал себя вполне уверенно вдали от племени. Обычно в стороне от общего лагеря жили только изгнанники, ибо одинокое существование в диком мире было тяжелейшим испытанием для человека. Но Медведь твёрдо знал, что его покровитель из мира духов всегда предупредит об опасности, поэтому ничего не боялся.

Одной из неприятных сторон такого уединения была опасность потерять костёр, за ним нужен был постоянный присмотр, так как огонь мог угаснуть, а разводить его трением — занятие не из лёгких. В лагере всегда были хранители огня. В те годы индейцы ещё не знали, что у белых торговцев были спички, и разжигали огонь во всех жилищах от общего костра.

Под конец месяца Странный Медведь столкнулся с ещё более серьёзным вопросом, о котором прежде никогда не задумывался. У Шагающей Лисицы начался Лунный Цикл. В обычной ситуации она ушла бы из семьи в специальную палатку, где под руководством мудрых старух ежедневно проходила бы очищение, ведь выходявшая из женщины кровь выносила из организма нечистоты и пробуждала к жизни злых духов. За хозяйку осталась бы её сестра или мать. Сейчас же с ними никого не было.

Медведь сидел напротив жены и не решался что-либо предпринять. За женскую работу воин не мог взяться ни при каких обстоятельствах. Единственным исключением был период беременности жены, когда даже самые гордые мужчины принимались собирать хворост для очага и помогали устанавливать типи.

— Я не знаю, как поступить, — опустил он голову.

— Я буду продолжать заниматься домашними делами, — сказала Лисица, — а ты каждый вечер будешь устраивать мне палатку для потения, где вода и огонь очистят меня... Мы будем ежедневно молиться Великой Силе, чтобы она охранила нас от злых демонов...

В этот день и появился Молодой Волк.

Он остановил коня на расстоянии одного полёта стрелы от одинокой палатки и долго стоял, глядя на то, как Шагающая Лисица хлопотала над расстеленными шкурами. Он выкрасил лицо в чёрный цвет, и это означало, что его сердце пылало мстостью. Часть его волос была распущена сзади, а часть была свёрнута в большой пучок,

нависший над самым лбом.

Первый его визит растянулся на два дня, и Станный Медведь не решался уехать за мясом. Когда же фигура всадника стала его раздражать, он взял ружьё, запрыгнул на своего пятнистого жеребца и поскакал в сторону Молодого Волка. Женщина с волнением следила за его действиями. Медведь на ходу поднёс приклад к плечу и выстрелил. Соперник поспешно скрылся за холмом, но Медведь последовал за ним, дабы убедиться, что покинутый муж не притаится где-нибудь в кустах.

Во второй раз Молодой Волк подъехал ко входу в палатку, рассчитывая ворваться внутрь и убить обидчика. Но Станный Медведь издали заметил его приближение и скрылся в густой тени роши. Когда же Молодой Волк спрыгнул с лошади, он во весь дух понёсся к своему жилищу, держа в руке лук со стрелами. Налетев на незваного гостя, он отхлестал его своим луком и погнал прочь, не позволяя сесть на коня.

На третий раз Молодой Волк выждал, когда Медведь покинул типи, и, войдя внутрь, схватил бывшую жену за волосы. Лисица пыталась вырваться, крича, что Волк никчёмный и трусливый мужчина, но он не обращал внимания на её громкие речи и тащил брыкающееся тело к выходу. Несколько раз он сильно ударил женщину по голове, чтобы усмирить её пыл.

Станный Медведь остановился, отъехав совсем недалеко. Перед его лошастью возникла рогатая чёрная фигура.

— Возвращайся, — велел голос, и индеец понял, что медлить нельзя.

Стремительно выехав на лужайку, где стояла его палатка, он увидел, как Молодой Волк забросил бесчувственную женщину на лошадь, а сам направился к табуну, чтобы выбрать для себя другого коня. Медведь ударил своего жеребца пятками и на скаку достал из-за спины лук и стрелы. Его страшный хриплый вопль вонзился в холодный осенний воздух, как острый нож.

Молодой Волк оглянулся и прыгнул к ближайшей лошади. Он едва вскочил ей на спину, как Станный Медведь подлетел к нему и с расстояния двух шагов пустил стрелу. Она с резким звуком воткнулась Молодому Волку под рёбра и вылезла кровавым наконечником из его спины. Индеец вскрикнул и сильно качнулся, не успев даже взяться за оружие. Его глаза широко распахнулись и вперились в страшную рану, из которой брызгала кровь. Крупные капли пота оросили лицо Молодого Волка, покрытое жирным чёрным

слоем краски. Странный Медведь осадил жеребца и через плечо выстрелил ещё раз. Тетива звонко фыркнула, и оперённое древко впилося под левую лопатку Молодого Волка. Наконечник пробил болтавшуюся кожаную ленту, вплетённую в волосы индейца, и пригвоздил её к мускулистой спине. Запрокинутая голова Молодого Волка так и застыла, словно пристёгнутая к спине. Кровавые капли разбрызгались по надувшимся мышцам.

Медведь схватил окровавленного противника за волосы и сбросил с лошади. Тот закатил глаза, и из горла его полилась сиплая, едва слышная песня. Молодой Волк простался с миром и просил умерших предков встретить и проводить его по Тропе Призраков.

Странный Медведь простёр руки к небу и поблагодарил Великого Духа за подаренную ему победу. Оглянувшись, он увидел Шагающую Лисицу. Она сползла с лошади, поперёк которой забросил её бывший муж, и села в траву, поджав ноги. Из-под волос по её лбу сочилась кровь. Позади женщины в воздухе различались контуры гигантского всадника с большими рогами на голове. Прозрачная фигура всадника была неподвижна, и через неё насквозь пролетали сорвавшиеся с деревьев желтоватые листья. Один из паривших в воздухе листьев зацепился за жезл в руке Духа, потрепетал на нём, но призрачный контур растаял, и лист продолжил свой полёт.

— Почему ты не скажешь ничего? — крикнул Медведь своему невидимому помощнику, но не услышал ни слова в ответ.

Шагающая Лисица тяжело подняла голову, думая, что вопрос обращён к ней, но промолчала, не в силах вернуться в чувства после полученных ударов.

Вечером она села возле мужа и положила голову ему на плечо.

— Мы прогневали духов, — сказала она, вперив взгляд в полыхающий костёр. — Я навлекла на наш дом беду, когда осталась здесь, будучи нечистой. Я навлекла на тебя беду, мой любимый муж. Ты убил человека из своего племени...

После этого случая Странный Медведь решил перебраться в лагерь, чтобы не рисковать больше: слишком лёгкой добычей могла стать Шагающая Лисица для любого проходящего отряда, а он не мог постоянно находиться рядом. Да и сам он тосковал без людей.

В день, когда он велел Шагающей Лисице свернуть палатку, к нему пришёл Медвежий Бык. Он не явился, как обычно в виде чёрной фигуры, а только заговорил откуда-то со стороны.

— Ты хорошо делаешь, что возвращаешься к людям.

— Лисице тяжело одной, — ответил индеец.

— Это правда, но не в том причина. Я знаю твои мысли, — сказал Дух, — не пытайся выглядеть более суровым, чем ты есть. Ты просто боишься за жену. Это хорошо. Значит, в тебе есть чувства не только бойца, значит, ты доверишь её людям. Ты не должен забывать о своём народе. Я пришёл к тебе впервые, когда ты был совсем мальчиком, чтобы помочь тебе занять положенное место *среди людей*, а ты покинул племя... Зачем? Ведь ты ничего не боялся. Или ты думаешь, что уединение сделает тебя особенным? Не надейся, Медведь. Человек закаляется, живя среди себе подобных. И не забывай, что народ — это дом, в котором обитает часть твоей души...

— Ты считаешь, что я зря забрал чужую женщину? — спросил Медведь, глядя в серый воздух перед собой.

— Нет. Твои люди привыкли поступать так с древних времён. Мужчина должен получить ту женщину, которая создана для него Великим Духом. Если бы Лисица не хотела уйти с тобой, тогда я бы посоветовал тебе не связывать себя с ней... Жаль только, что ты убил человека своего племени... Это дурно... Ещё хуже то, что ты пустил в него три стрелы, когда достаточно было одной. Ты взращиваешь в себе злобу и ненависть, а ведь их в тебе достаточно... Ты оставил род Куропатки, не нарушив никаких законов племени. Теперь же ты возвращаешься, неся на плечах груз тяжкого преступления...

Внезапное невидимое движение свернуло перед Станным Медведем серый воздух в клубок и прикоснулось к лицу дикаря широкой и стремительной рукой ветра. Индеец глубоко вздохнул. Распущенные длинные волосы всколыхнулись иссиня-чёрной волной и опять опустились на голые плечи Станного Медведя.

— Когда придёшь к людям, посети дом шамана, который тебе покажется подходящим для разговора, нужного тебе...

— Нужного мне? — не понял мужчина, но больше не услышал ни слова.

Приготовив свои личные вещи, Станный Медведь приблизился к Шагающей Лисице и сказал, что скоро она встретится со своими друзьями. Она ласково улыбнулась в ответ, испытывая глубокое облегчение и нетерпение. Они отправлялись к своему народу.

В конце каждого лета разрозненные общины Лакотов сливались в крупные деревни для проведения большой охоты на бизонов. Станный Медведь направился со своей женой в стойбище Плохой Раны. Сперва он немного беспокоился, что, помимо рода Куропатки, к Плохой Ране могли присоединиться и люди Красной Воды, среди которых было немало родственников Молодого Волка. Но,

поразмыслив, он пришёл к выводу, что никто не должен был беспокоиться о судьбе погибшего, кроме Птицы-Которая-Охраняет-Гнездо, ведь убитый Станным Медведем индеец порвал со своей общиной. А среди Куропаток этот воин не успел занять должного положения.

Так или иначе, Станный Медведь намеревался присоединиться к соплеменникам дней через семь.

Но уже на второй день пути им пришлось надолго остановиться. Он обнаружил свежие следы лошадиных копыт. Велев жене укрыться в густой роще между крутыми склонами и присматривать за табуном, Станный Медведь пешком направился к заросшей возвышенности, откуда он мог скрытно осмотреть пространство перед собой. Подкравшись к сильно сплетённому кустарнику, он сразу заметил тех, чьи пони оставили следы на влажной после дождя земле.

Шесть индейцев из племени Волков. Все бриты наголо, головы выкрашены в чёрный цвет. Они стояли подле своих лошадей метрах в пятидесяти от укрытия Станного Медведя, повернувшись к нему спиной, и что-то негромко обсуждали. Передний держал копье, изогнутое сверху крюком и обёрнутое по всему древку кожей с заметными остатками белого лебединого пуха. На верхушке крюка были вертикально прицеплены перья ворона, укреплённые в форме короны, а с конца укрючины свисал хвост бизона. Такое копье указывало, что индейцы принадлежали военному обществу Чёрных Голов. Сильные и опасные противники. Станный Медведь хорошо знал это. От их рук пал не один десяток славных бойцов, с которыми он был связан узами дружбы и родства.

Черноголовые люди внезапно зашевелились, двое из них отошли в сторону и быстро возвратились, неся на руках неподвижное тело ещё одного соплеменника. Он был мёртв.

Станный Медведь лежал неподвижно. Умение оставаться невидимым было доброй третью умения индейца воевать. Неподвижность делала живого человека неприметным, скрывая от острого вражеского взгляда, который сулил смерть.

Черноголовые усадили покойника на лошадь, двое воинов тоже сели верхом и поскакали рядом с мертвецом мелкой рысью, поддерживая его с обеих сторон. Убитый сотрясался всем телом, голова его сильно болталась и временами падала на окровавленную грудь. Стоявшие Волки пронзительно пели.

Станный Медведь понял, что Поуни пытались вернуть своего товарища к жизни. Ему и раньше доводилось видеть, как лекари

и шаманы иногда усаживали только что убитого человека на коня, чтобы растряссти его душу и напомнить ей, что в теле остались силы для жизни. Ещё они иногда сильно растирали покойнику живот и даже клали на него нагретые камни. Но лишь однажды Странный Медведь стал свидетелем, как мертвец ожил после того, как его долго попеременно опускали в ледяную воду и прокатывали по его телу горячие камни.

Убитый воин Волков, вся грудь которого была покрыта запёкшейся кровью, не оживал. Странный Медведь воспользовался тем, что внимание врагов сосредоточилось на мёртвом всаднике, и медленно пополз прочь, то и дело подолгу замирая возле мшистых валунов.

Добравшись до укрытия Шагающей Лисицы, он велел ей оставаться на месте и следить за лошадьми. Сам же он устроился на поросшем кустами холме, чтобы иметь возможность следить за врагами, если они внезапно двинулись бы в его сторону. Уезжать он не мог, потому что его табун поднял бы заметный шум. Приходилось ждать.

Впервые в голову ему закралось сомнение, нужно ли одному человеку так много лошадей. Подобные мысли не имели права появляться в уме воина, иначе они разрушили бы основы мужской психологии. Но их неясная тень уже упала на сердце Странного Медведя. Конечно, каждый конь имел свои особенные свойства: один был предназначен для охоты, другой лучше вёл себя во время боевых схваток, третий предназначался для длительных переходов во время кочевий и тащил за собой волокуши с грудой домашних вещей. Но табун... Сейчас он — обуза, он угрожает привлечь внимание врагов, которые явно превышают силой. Не бросить ли его, умчавшись с Шагающей Лисицей на двух быстроногих скакунах? Но эта мысль пролетела в голове Странного Медведя стрелой и сию же секунду исчезла без следа.

Прошло несколько часов, прежде чем люди с чёрными головами решили покинуть свою стоянку, положив покойника поперёк лошади и предварительно завернув его в одеяло. Странный Медведь невольно вздохнул с облегчением. Теперь дорога была свободна. Можно было гнать лошадей дальше.

Шагающая Лисица широко улыбнулась, завидев, как её муж вальяжно откинулся на коне и спрятал лук в колчан.

— Скоро мы будем у своих, — довольно сказала она.

— Да, — ответил мужчина, но взгляд его потух, словно что-то сильно томило его сердце.

Мато Уитко

(его собственные слова)

Община вождя по имени Плохая Рана стояла лагерем на берегу ручья, который мы называли Чёрная Трубка. Едва мы приблизились к стойбищу на расстояние полёта стрелы, нам навстречу выехали всадники, надо лбами которых высоко вздымались зачёсанные наверх волосы, густо смазанные медвежьим жиром. Такая причёска делала их похожими на воинов Вороньего Племени. Но они были Лакотами и принадлежали к обществу Ломателей Стрел. В те годы это воинское общество пользовалось не меньшей репутацией среди Оглалов, чем Воины Лисицы, Большие Животы или Высокие Люди. Но прошло не более пяти зим, и Ломатели Стрел исчезли. Многие погибли, некоторые перешли в другие воинские группы. Так иногда случалось. В общине Плохой Раны я в последний раз видел, как Ломатели Стрел устраивали свой праздник.^[1]

Род Куропатки уже занял положенное ему место в общем племенном круге. Рядом расположилась община Красной Воды. Возле них стояли палатки Дымных Людей. Занимались обустройством жилищ индейцы из клана Чёрного Медведя, они только что прибыли и многие ещё продолжали шумно здороваться со своими друзьями из других общин, обходя их стоянки.

Ломатели Стрел поприветствовали меня и Шагающую Лисицу громкими выкриками.

— Странный Медведь давно не посещал наши типи, — улыбались они. — Юноши нашей деревни с радостью пригласят на торжественное собрание храбрейшего воина Куропаток. Сегодня у нас будет проводиться посвящение в Ломатели Стрел. Мы уже отловили собак для ужина.

Я почувствовал себя дома. Вокруг сновали люди, слышались возбуждённые голоса, стучали барабаны. Меня встретили так, словно никто не знал и не догадывался о нападении Молодого Волка на мой дом и о том, что я его убил.

Но когда Шагающая Лисица установила палатку и приготовила мне поесть, спокойствие внезапно нарушилось. К нам вошла Птица-Которая-Охраняет-Гнездо. Она шагнула на женскую половину и опустила на шкуры возле Шагающей Лисицы. Её лицо было

вымазано золой.

— Я пришла спросить, где Молодой Волк? — Она смотрела прямо на меня. Женщине не позволительно так смотреть на чужого мужчину. Но она была в трауре, сердце её надрывалось, и женщина не думала о правилах.

— Он напал на меня, — ответила моя жена сестре, — он напал с оружием.

— Он подкрался, как враг, когда меня не было дома, — сказал я. — Я убил его.

— Я так и думала. Я знала, что он отправился за вами, чтобы вернуть Шагающую Лисицу. Что мне теперь делать? — спросила Птица. — У меня никого нет. Кто будет приносить мне мясо? Кто убьёт жирную корову на этой охоте для меня?

— Я застрелю одну корову специально для тебя, — сказал я ей. — Ты не останешься голодна. А потом я отведу тебя к твоим родственникам. В лагере Красной Воды живут твои тётки. Я подарю их мужьям лошадей, чтобы они забрали тебя... Мне не нужна вторая женщина...

Птица-Которая-Охраняет-Гнездо резко поднялась. Даже под толстым слоем золы я видел, что она разгневана. Выходя, она повернулась и плюнула в мою сторону. Я подпрыгнул, готовый броситься на эту женщину и распороть её снизу доверху моим огромным ножом. Я был взбешён: с таким презрением и отвращением плевали женщины в лицо пленным врагам.

Дорогу мне преградила Шагающая Лисица.

— Ты убил её мужа. Она одна теперь. Я не знаю, примут ли её сородичи. Она вправе ненавидеть тебя...

На следующий вечер в палатке Воинов Лисицы вождь общества потребовал, чтобы я подробно рассказал, как произошла моя схватка с Молодым Волком.

Законы нашего рода предполагали изгнание из племени всякого человека, убившего соплеменника. Ничто не могло избавить от этой участи убийцу, пусть он занимал самое почётное место и пользовался огромным уважением среди людей. Он обязан был покинуть пределы стойбища и жить в стороне от всех. Родственникам разрешалось лишь изредка навещать его, но никто не имел права помогать ему. Не было ничего отвратительнее, чем убийство соплеменника. Мы считали, что такой человек нарушал племенную гармонию, он пятнал позором не одного себя, но весь народ.

За четыре зимы до этого я был свидетелем того, как Синяя Рука

из клана Плохой Раны привёз в охотничий лагерь дурной воды[2] из торгового поста Бледнолицых, обезумел от неё и зарубил своего брата. От Синей Руки шёл очень сильный и непривычный для нас запах. Но мы не знали тогда, что так пахнут все люди, которые вливают в себя много виски.

Старейшины приняли решение прогнать Синюю Руку, но он не хотел уезжать. Тогда Ломатели Стрел сильно избили его и вывезли за пределы деревни, привязав к дереву лошадь и принадлежавший ему колчан со стрелами. Он остался один. Жена не поехала с ним, но вернулась к родителям. Синяя Рука решил не вымаливать прощения и, когда пришёл в себя, умчался прочь. А три снега спустя он вновь объявился, поставил типи неподалёку от лагеря, вызвал своего друга и послал через него главе общины табак и пегую лошадь, сказав, что готов вернуться домой. Тогда все мужчины клана собрались, чтобы обсудить, можно ли допустить возвращение Синей Руки. Одни полагали, что зловоние выветрилось из него за годы изгнания, что он очистил свой дух. Другие пожимали плечами и предупреждали, что перед Синей Рукой нужно поставить условие никогда даже голос не поднимать ни на кого, если ему разрешат жить среди родного племени...

Старики говорили, что сама природа преступника менялась, он начинал источать зловоние. Лишь позже я понял, что шаманы имели в виду не собственно запах, как понимали его остальные люди, а тонкую материю, которую видят только святые люди.

Синяя Рука поселился в своей палатке и жил очень тихо, проявляя свой горячий нрав только на охоте и военной тропе.

Но моя история отличалась от случая с Синей Рукой. Я защищал мою семью от человека, который, хоть и считал себя оскорблённым, не имел права нападать на меня с оружием.

— Подойдите ко мне и примножайтесь! — кричал я на совете Воинов Лисицы. — Никто из вас не учует ничего странного, потому что на мне нет вины. Молодой Волк выслеживал меня несколько дней и намеревался разделаться со мной... Кто из клана Куропатки сможет упрекнуть меня в коварстве? Кто осмелится сказать, что я бегу от честного боя? Разве не оскорбляют меня мои братья, подозревая в подлом убийстве?

— Станный Медведь не пахнет, как должен пахнуть убийца соплеменника, — разводили руками юноши.

— Он спас Молодого Волка, когда того сразили стрелой Бритоголовые. Молодой Волк должен был стать побратимом Медведю

и пожертвовать собой, если Медведю угрожала бы опасность. Но он позабыл об этом и ворвался в дом Медведя с оружием! Он отвернулся от законов племени! — говорили мои друзья.

— И всё же Молодой Волк был *Лакот*, а не чужак. За его смерть должен заплатить виноватый, — веско сказал вождь Воинов Лисицы. — Я считаю, что Странный Медведь должен покинуть наше воинское общество. Вы указываете на наши законы. И я тоже требую подчинения нашим правилам. Лисице не позволительно убивать соплеменника ни при каких условиях...

Я перестал быть Воином Лисицы, и у меня в сердце затаилась обида. Я знал, что вождь нашего воинского общества говорил правду, но я не желал принимать её.

В тот же вечер ко мне в палатку зашли Длинный Хвост и Человек-Который-Сидит-На-Дереве и предложили мне выкурить с ними трубку. Они принадлежали к обществу Высоких Людей.^[3] Когда табак превратился в пепел, Длинный Хвост обратился ко мне:

— Я думаю, что поступок Лисиц не соответствует поведению настоящих *Лакотов*. Каждый *Оглал* должен доверять соплеменнику. Молодой Волк повёл себя, как подлый предатель, и потому заслужил смерти и позора. Высокие Люди считают, что ты достоин занимать почётное положение среди наших воинов.

— Мы приглашаем тебя вступить в наше общество, — подтвердил Человек-Который-Сидит-На-Дереве.

Я не колебался и согласился сразу. Покидая палатку Воинов Лисицы, я ощущал себя человеком, у которого украли самое главное — его честь. Исключение из воинского общества лишало меня возможности принимать участие в мужских праздниках, возглавлять военные отряды, сидеть у костра военного совета. Теперь же меня звали в общество Высоких Людей. Я не успел появиться униженным перед всей деревней.

В типи Высоких Людей стучал барабан. Члены общества, облачённые в живописную парадную одежду, воодушевлённо приветствовали меня. Они дожидались моего появления, чтобы сразу приступить к торжественному обряду посвящения в Высокие Люди. Ко мне приблизились оба вождя и объявили, что им требовался ещё один носитель шлейфа и воины хотели предоставить это почётное и ответственное место именно мне.

— Тот, кто чист душой и помыслами, кто свят, сможет пройти через все испытания и победить, — заголосили певцы Высоких Людей.

Ко мне подошли двое и неторопливыми движениями покрыли мои

руки красной охрой и после того густо обмазали их слоем бизоньего жира. Мне велели вытянуть обе ладони перед собой и самый младший из всех присутствовавших извлёк палочками из костра несколько углей и положил их мне на ладони. Смазанная жиром кожа сразу зашипела... Я должен был четыре раза медленно обойти палатку по кругу, каждый раз останавливаясь за очагом перед земляным алтарём, но лишь после четвёртого круга мне позволялось опустить угли на него. Ни в одной другой воинской организации вступление не было столь трудным.

После того как под громкую песню я проделал то, что от меня требовалось, один из вождей насыпал на эти угли шалфей, и я омылся клубами дыма. Ко мне шагнул лекарь и ощупал вздувшуюся на руках кожу. Он умел легко управляться с такими повреждениями и залепил мои волдыри каким-то снадобьем, которое он сплюнул из рта, предварительно тщательно пережевав его.

— Теперь, когда ты испытан огнём, мой брат, ты получишь военный головной убор со шлейфом. Ты знаешь, что каждое из перьев символизирует какой-нибудь из подвигов воинов нашей группы. Преумножай же великие поступки сам и помогай быть героями другим!

Мне вручили связку перьев совы, основание которых было расцвечено красным, и объяснили, что на церемониях Высокие Люди украшали себя исключительно совиными перьями. Мне дали также семь стрел, оперения которых тоже были из перьев совы.

Я послал одного из молодых людей к моему табуну и сказал ему, чтобы он выбрал любую лошадь для общего табуна Высоких Людей. Затем я обратился к самому старшему из них и просил его смастерить мне боевой свисток из кости орла и погремушку для танцев.

Так я сделался носителем шлейфа[4].

После моего столкновения с Молодым Волком ко мне почти перестал приходить Медвежий Бык. В бою я действовал без его помощи. Всего два раза я видел его перед началом сражений. Он сидел на неподвижном чёрном коне и держал в руке длинное копьё, с которого свисали шкурки мелких животных. Оба раза на земле возле него сидел белый волк.

Однажды во сне ко мне явился юноша со скорбным лицом. Он появился ниоткуда, словно умело тайлся в траве и теперь вдруг поднялся во весь рост. В темноте на его одежде смутно различались узоры племени Поуни.

Я был твёрдо уверен, что сплю и вижу чужака во сне, поэтому я не бросился за оружием.

— Ты пришёл от Волков, — сказал я ему на моём языке, — что тебе

нужно?

— Ты не ошибся. Я из племени твоих врагов, — ответил странный юноша, и я не удивился, что понял его, словно он говорил на языке Лакотов. Иначе не могло быть. Он пришёл не случайно, и пришёл не из нашего мира. Я знал это.

— Меня зовут Пахукатава, — сказал он, и я увидел, что губы его не открываются. — Пять зим назад люди твоего племени убили меня на берегу Волчьего ручья, когда я охотился на бобров... Тогда ко мне приблизились бобры и сказали: «Его тело умерло, но он не готов отправиться по Дороге Призраков». Бобры позвали волка и повторили ему свои слова. После этого волк приблизил ко мне свою морду и стал сильно дышать мне в рот. Я увидел, как часть меня поднялась над моим телом и села рядом с ним. Волк продолжал дышать мне в рот и пел песню: «Душа твоя не готова к путешествию по тропе мёртвых, но тело твоё исчерпало свои силы. Ты будешь жить возле людей, пользуясь силой животных. Поднимись, брат мой, и иди». Я вернулся в моё племя, поговорил с братом, матерью. Вождь Большой Топор услышал от них, что я не умер, и просил меня навестить его. Он сразу понял, что я живу в мире духов и что мне доступны особые силы. Я стал помогать им в борьбе против вашего племени. Но через какое-то время они сказали, что победами своими обязаны вовсе не мне, а исключительно своему умению. Они перестали встречать меня с уважением. Они начали говорить с мной, как с жалким лгуном, который выдавал себя за умершего. Они позабыли о том, что человек — лишь тень, брошенная на землю более могущественными существами. Они отступили от Великого Духа и отдали себя во власть земных дел. Мой народ перестал понимать, что жизнь — только игра... Я решил проучить их и встать на вашу сторону. Пусть война станет для них страшной действительностью...

Он замолчал и опустил на корточки. Ноги он согнул в коленях, а руки положил между ними, став похож на сидящего пса.

— Ты можешь возглавить отряд против моего племени хоть завтра, и я буду рядом, — сказал Пахукатава, — я буду помогать твоим воинам.

Он выгнул спину и вытянул руки вперёд, не отрывая их от земли. Свет костра стал ярче в этот момент, и я увидел, что передо мной лежал вовсе не человек, но волк белой окраски.

Именно этого волка я видел несколько раз возле священного для меня места, где лежал на большом гладком камне череп убитого мной чёрного медведя. Белый волк был символом войны Поуней. Он давно следил за мной, принимался, подходил совсем близко,

но не открывался. На этот раз он принял человеческий облик, чтобы поведать мне о себе.

Много раз после этого я видел Пахукатаву. Он появлялся на стоянках наших военных отрядов, когда мы возвращались из набегов на Поуней и раскрашивали себя перед торжественным въездом в нашу деревню. Я никому не рассказывал о нём, но слышал, что он приходил ещё к нескольким воинам. Многие из тех, которые не знали ничего об убитом юноше, тоже не раз обращали внимание на бегущего неподалёку от места сражения белого волка. Прыгающий Лосось, Деревянный Щит, Выдра и Крадущийся-По-Земле видели этого белого волка. Временами он запрокидывал косматую голову и протяжно выл, словно исполняя волшебную песню. Я видел, как наши враги бросались наутёк, заслышав его голос[5].

Сегодня я знаю, что Пахукатава был очередным этапом моего становления. Он пришёл ко мне не для того, чтобы сделать меня более великим воином, но чтобы лишний раз указать на значимость невидимого мира.

[1] Паркмэн, описывая в книге «Орегонская тропа» своё путешествие по Дальнему Западу в 1846 году, сообщал: «У Дакотов встречается множество различных организаций, военных и гражданских. Среди них было одно, которое называлось Ломатели Стрел. Оно практически полностью рассеялось и при мне уже не существовало в полноценном виде. В деревне, где мы жили, было четыре человека, принадлежавших к этому обществу. Они отличались от всех своей особенной причёской, которая ошетикивалась надо лбом, заметно увеличивая и без того немалый их рост и придавая им свирепый вид. Главным среди них был Бешеный Волк, воин невероятных размеров и силы, великой отваги и неистовства».

[2] Дурная вода (*мини-шича*) — любой спиртной напиток. Лакоты также называли это святой водой (точнее — вода-дух — *мини-вакан*).

[3] Военно-гражданское общество Высоких Людей (или просто общество Высоких) считалось у Титонов наиболее важной организацией. Иногда оно называлось обществом Перьев Совы или просто обществом Совы (*Миуатани*).

[4] В обществе Высоких главенствующее положение занимали два вождя, наиболее важными людьми после вождей считались носители шлейфов, которых могло насчитываться от двух до четырёх человек. Эти воины обязаны были во время боя приколоть копьём свой шлейф к земле и не сходить с места до конца сражения. В случае отступления отряда носитель шлейфа должен был стоять насмерть; выдернуть копьё и тем самым освободить носителя шлейфа мог только кто-нибудь из рядовых воинов общества.

[5] Индейцы из племени Скиди-Поуни рассказывали миссионеру Сэмюэлю Эллису, что рассерженный дух Пахукатавы постоянно вредил им: рвал тетиву на луках и заставлял пули вываливаться из ружейных стволов, отнимая у них силу. В 1835 году Поуни говорили о Пахукатаве почти ежедневно.

Охота

Стойбище недавно пробудилось, и в мягкой синеве воздуха там и сям уже начинали раздаваться крики детишек. Утренняя безмятежность быстро сменялась дневным гомоном. Повсюду зашевелились фигуры, разбредаясь по деревне.

Люди, которых называли Смотрителями деревни, собрались в своей палатке и неторопливо обсуждали вопросы первой необходимости, в то время как несколько человек из их группы (более низкие рангом) бродили по стойбищу, высматривая собаку пожирнее — ей предстояло пойти в обеденный котёл Смотрителей. Впереди важно шествовал юноша со свисающими почти до земли волосами. Он вдруг быстро обогнул одну из палаток, коротко взмахнул могучей палицей и ударил взвизгнувшего лохматого пса, который, поняв намерения индейца, попытался ускользнуть. Тяжёлый круглый набалдашник палицы проломил рыжую голову между прижавшихся ушей. Собака считалась у Лакотов большим лакомством, и никто не мог запретить Смотрителям совершить такое убийство. Хозяин, желая спасти свою псину от такой участи, мог лишь вовремя спрятать её в палатку или отогнать её подальше от деревни. Если же кто-то пытался удерживать Смотрителей, то они могли устроить ему нешуточную взбучку.

Воинские общества играли в повседневной жизни кочевников важнейшую роль. Если принять во внимание вспыльчивость дикарей, которая обычно лежала в основе их поступков и толкала на самые безрассудные шаги, то можно смело сказать, что власть воинских организаций была единственным фактором, способным сдерживать пыл индейцев. Мужчина гордился своими деяниями и называл их подвигами, хотя нередко это были просто выходки самодовольного эгоиста, который ставил перед собой единственную цель — хоть в чём-нибудь превзойти соплеменников. Желание доказать, что его храбрость или ловкость были выше, чем у других, зачастую ставило под угрозу спокойствие и даже благополучие всей общины. Ведь случалось, что жаждущие приключений и крови юноши отправлялись в набег на соседнее племя в то время, когда вожди считали целесообразным воздерживаться от военных действий. Остановить подобных головорезов могли только строгие правила, исполнявшиеся неукоснительно. Виновных избивали, резали на куски их одежду,

ломали их оружие, иногда убивали их лошадей. Родители всегда приводили своих детей смотреть на это, чтобы с малолетства в их сознание впечатывались необходимые знания.

Смотрители выдвигались лишь на время общего стойбища различными воинскими обществами. Они строго следили за тем, чтобы во время соединения мелких общин в общий лагерь ни одна семья и никто из охотников самовольно не покидал деревню. Племя готовилось к большой охоте и проводило тщательные приготовления, усилия шаманов и разведчиков не могли затрачиваться напрасно. Всякий, кто осмеливался самостоятельно выйти за пределы лагеря, ставил под угрозу удачный исход охоты, так как охотник легко мог спугнуть стадо, которое выслеживали высланные вперёд наблюдатели. Такого нарушителя общего порядка нередко избивали до потери рассудка, а в случаях, когда он действительно отпугивал животных, могли даже убить.

На таких суровых правилах строилась вся жизнь кочевников, обеспечивая строгое соблюдение общественного порядка.

В тот день большой охотничий лагерь снялся с места и отправился в сторону, где разведчики обнаружили громадное стадо бизонов, медленно, подобно чёрной лаве, перетекавшее через холмы.

Охотники уже ускакали, оставив женщин и стариков, чтобы они спокойно свернули палатки и последовали за мужчинами к месту охоты. Отряд Смотрителей разбился на несколько маленьких групп, и теперь они двигались на достаточном расстоянии от охотников по обе стороны и впереди, следя за тем, чтобы никто из особо горячих юношей не проявил поспешности и не спугнул стадо.

Индейцы были раздеты, оставив на себе лишь лоскуты набедренных повязок да колчаны со стрелами. Они мчались к урчащему стаду, взяв в левые руки луки и вложив в них стрелы. Их охотничьи лошадки неслись к бизонам во всю прыть, они не нуждались в управлении, приученные забегать справа от быка и скакать рядом до тех пор, покуда громадное животное не рушилось на землю.

Странный Медведь врезался в чёрный поток бизонов, струившийся между холмами и временами закатывающийся на склоны гудящими волнами. Оказавшись посреди стада, под которым содрогалась земля, Медведь в мгновение ока подлетел к жирной корове и вогнал в неё две стрелы. Сердце его учащённо билось от захватившего его азарта и восторга.

Бизоны разделились. Основная часть продолжала бежать

неуклонно вперёд, а несколько групп голов по пятьдесят кинулись куда-то влево, то рассыпаясь на ещё более мелкие кучки, то вновь собираясь в общую массу. Многие охотники пустились именно за этими бизонами, так как знали, что вскоре путь животным преградит отвесный берег реки, на котором рогатые великаны найдут свой конец. Добыча обещала быть богатой. Теперь всадники не стреляли, но с особым остервенением кричали, вселяя в коров ужас.

Внезапно тёмно-коричневые волны обезумевшего стада, катившиеся вперёд, забурлили и прекратили свой стремительный бег: это первые ряды бизонов сорвались вниз, а следовавшие за ними пытались повернуть обратно, но могучая лавина давила сзади и сбрасывала коричневые тела в пропасть. Животные в величайшем смятении бились друг о друга, но продолжали двигаться вперёд, стараясь увернуться от кричавших охотников, которые умело теснили их к отвесному берегу. Некоторые быки с яростным рёвом кинулись на всадников, почувствовав, что эти хрупкие фигурки на лошадках гораздо проще смести с пути, чем мычавшую грудку своих рогатых собратьев.

Станный Медведь отъехал чуть в сторону вместе с тремя другими Огглами и наблюдал за грандиозным побоищем. Такое зрелище могло предстать Лакотам лишь во времена их предков, когда они жили далеко от этих мест, не владели лошадьми и всегда добывали мясо, загоняя бизонов в ловушку и сбрасывая со скал.

Золотистая от солнца пыль, которая до этого заволокла всю округу, медленно стала отплывать, уносимая мягким ветром, и открывала пространство, по которому зигзагами носились немногие бизоны, сумевшие повернуть обратно.

Дикари направили своих скакунов к более пологому спуску и вскоре добрались до места, где вдоль реки на несколько сотен метров были навалены дёргавшиеся ещё в агонии туши. Многие из них при падении распорол друг другу рогами брюхо, и кишки медленно растекались по их косматым телам и по скользким от крови камням. В прохладный осенний воздух от темнеющих туш, из которых кое-где повылезали в побитые бока рёбра, поднимался пар.

— Удачный день, — довольным голосом воскликнул Крадущийся-По-Земле, сдерживая хрипящего жеребца возле Медведя.

— Да, Великий Дух милостив к нам. Мяса у нас теперь вдоволь. Зима не будет голодной.

Медведь спрыгнул с коня и склонился над ближайшим быком. Ловким движением он рассёк ему грудь и вырезал сердце. Он подошёл

к большому валуну, остановился и поднял трепещущую плоть к небу. Кровь залила его мускулистые руки.

— О, Порождающий Жизнь! Дающий-Движение-Всему-Сущему, прими этот скромный дар от нас в знак признательности! — Он положил бычье сердце на влажный камень и обернулся к мёртвым бизонам. — Благодарим вас, четвероногие братья, за вашу жизнь и вашу силу, которые теперь перейдут в наши тела.

— Будем ждать людей, — подъехал Хорьковый Нос, широко улыбаясь, его грудь высоко вздымалась от учащённого дыхания, — скоро женщины примутся за разделку. Мы можем отдохнуть...

Странный Медведь окинул взглядом берег реки. Мяса действительно было в достатке. Его оказалось даже слишком много. Съехавшиеся на общую охоту кланы не смогут увезти с собой столько и, конечно, не станут брать сильно испорченные при падении шкуры, так как их неудобно растягивать, чтобы счищать мездру. Индеец сокрушённо покачал головой.

— Почему ты печалишься, брат? — весело спросил Крадущийся-По-Земле.

— Мне жаль тех, кого мы побили зазря, — ответил Странный Медведь. — Мы не были внимательны, огонь охоты захватил нас. Теперь часть этого мяса сгниёт. Теперь здесь будут лежать рога и кости, которые нам не потребовались. Тут будут следы смерти. Таких следов было много в давние времена, когда наши прадеды загоняли быков в специальное место, откуда их можно было сбросить в пропасть на камни. Я однажды был в таком загоне. Там до сих пор лежат тысячи и тысячи костей тех, кого мы почитаем. Наши прадеды не умели убивать иначе. Мы умеем, но сейчас сокрушили гораздо больше, чем нам нужно... И я скорблю...

— Не говори так, словно это последнее стадо. Сегодня нам повезло, нет нужды соскребать с костей все жилки до последней. Охота прошла удачно. Мы прихватим только лучшие куски, а остальное оставим волкам и койотам. Вакан-Танка всемогущ и не знает границ, как небо над нашей головой. Этих прекрасных быков, наших кормильцев, так много, что их невозможно перебить всех. Зачем печалиться, когда погибло несколько лишних? Мы проведём церемонию очищения, и духи животных не обидятся на нас.

Красный Лось

Зимой в деревне прошёл парад Белых Лошадей. В это общество входили мужчины, которые заслужили право раскрашивать своих лошадей. Члены общества Белых Лошадей могли принадлежать к самым разным воинским организациям, и все они пользовались большим уважением родовой группы. Такой парад был зрелищем очень красочным, потому что на белых лошадях особенно выразительно выглядели перечисленные боевые подвиги: отпечатки ладоней, следы копыт и прочие знаки почёта.

Индейцы скакали по стойбищу с громкими криками. Они придерживали своих белых лошадей перед палатками тех, кто был ранен в бою и исполняли хвалебную песню. Тогда выходила его жена или сестра и выносила участникам парада угощение, которое ставилось посреди образованного ими круга.

Заснеженное жилище, перед которым всадники остановились, принадлежало Красному Лосю. Индеец этот достиг преклонного возраста, когда мужчина уже не участвует в военных походах. Он и прежде редко отправлялся в рейды против врагов, но при этом все называли его великим воином, хотя никто не мог сказать точно, чем и когда он выделился среди своего народа. Он прекрасно разбирался в травах, занимался целительством, но не называл себя лекарем. Он утверждал, что каждый настоящий воин обязан знать врачевательство. Поговаривали, что в его доме постоянно бывали гости из невидимого мира мёртвых, поэтому люди побаивались Красного Лося и обходили стороной его жилище.

В этот раз, отправившись на охоту, он долго не возвращался. Тёплые Руки, его жена, с беспокойством бродила вокруг типи и всматривалась в густое снежное пространство, где скрылся Красный Лось. В конце концов, не в силах ждать больше и гонимая дурным предчувствием, она села на свою лошадку и отправилась по следу, который уже едва различался, заматаемый ледяным ветром.

Оказалось, что двое Черноногих напали на Красного Лося, пока он разделявал оленью тушу, и проткнули копьём ему грудь. Тот, кто поразил его, замахнулся копьём ещё раз, но Красный Лось метнул нож. Лезвие разорвало нападавшему горло. Второй Черноногий сидел на коне и хотел пустить своего вороного в галоп, но конь увяз в сугробе. Красный Лось успел поднять свой лук и свалил врага

стрелой.

Жена нашла его в окровавленном снежном месиве. Копьё всё ещё торчало из груди индейца, и он поддерживал его обеими руками. Чуть позже прискакали Станный Медведь и Громовой Человек: они видели, как покинула деревню Тёплые Руки. Они вытащили копьё и усадили раненого на лошадь, так как не могли тратить время на поиск шестов, годных для волокуши.

Теперь Красный Лось, наряженный в живописную рубаху, вышел вместе с женой навстречу Белым Лошадям. Станный Медведь был поражён, ведь вчера он видел его, неподвижно лежавшего в заледеневшей кровавой луже почти мёртвого. Откуда у него появились силы стоять? Откуда такое спокойствие на лице? Удивило его и то, что никто из группы Белых Лошадей не поприветствовал Красного Лося, словно его не было.

Тёплые Руки молча поставила перед собравшимися воинами мясо оленя, поправила соскользнувшую с плеча тяжёлую шкуру бизона, надетую мехом вниз, и ушла вместе с Красным Лосем обратно в палатку. Станный Медведь с удивлением заметил, что на том месте, где стоял Красный Лось, не осталось следов на снегу! Мгновение спустя Красный Лось вновь шагнул из типи наружу, но теперь его лицо было густо вымазано золой. Вглядевшись пристальнее, Станный Медведь увидел, что перед ним не человек, а тень.

— Видишь ли ты меня? — спросила тень в то время, как индейцы спрыгивали со своих белых лошадей и с удовольствием бросали в рот кусочки оленины.

Станный Медведь кивнул. Он оставался в седле и таращился на качавшийся перед ним призрак.

— Если ты хочешь со мной говорить, — опять проговорила тень Красного Лося, — тогда поспеши, потому что я скоро умру.

Лицо Красного Лося состроило непонятную гримасу, и Станный Медведь ясно различил под слоем золы черты не своего соплеменника, но Пахукатавы. Дух юноши из племени Поуни, который помогал Оглалам в войне против своего народа, вскинул руки к шевелившимся снеговым тучам, тряхнул головой, и обратился в совершенно незнакомого человека. Голова его вдруг быстро покрылась чёрной шерстью, и сквозь неё появились два огромных рога. Незнакомец потемнел и сделался Медвежьим Быком. Но и эта фигура не осталась верна своему облику. Призрак взялся обеими руками за бычьи рога и сорвал с себя чёрную тень. Теперь Медведь видел в двух шагах от себя совершенно обнажённого младенца, тело которого было размером

с высокого мужчину.

Странный Медведь спрыгнул с коня и протянул руку к гигантскому ребёнку, но тот перекатился через голову, свернулся в клубок, а когда развернулся опять, он был уже оленем, который сделал несколько больших скачков и исчез.

От неожиданности индеец упал и слышал смех товарищей. Они показывали на него пальцами, забавляясь тем, что он потерял равновесие на ровном месте.

— Разве не заметили вы, что произошло сейчас?! — воскликнул он.

Но они ничего не видели. Они лишь повторяли, облизывая пальцы, что Тёплые Руки приготовила очень вкусное мясо. Хромой Пёс протянул ему кость с увесистым ломтём, от которого валил душистый пар.

— Езжайте! — вдруг крикнул Медведь и сделал резкий жест, отказываясь от предложенного угощения.

Индейцы пожали плечами и влезли на лошадей.

— Очень Странный Медведь! — проговорил один из них и вытер ладони о замшевые ноговицы, оставив на них жирные следы.

Всадники затанули песню и поскакали прочь. Лошади мягко простучали копытами по снегу.

Оставшись один возле палатки, Медведь огляделся. Столпившиеся вокруг зрители неторопливо разбредались, кутаясь в покрывала. Странный Медведь потоптался на месте и, повернувшись к входу в типи, громко покашлял.

— Может ли друг войти в ваш дом?

— Входи, Медведь, — услышал он голос.

Красный Лось полулежал на ложе из бизоньих шкур со спинкой из ивовых прутьев, но при появлении гостя велел жене помочь ему сесть. Грудь его была перетянута кожаными ремнями, под которыми лежали куски сыромятины и прикрывали обложенную травами рану. Он показал рукой слева от себя и предложил Медведю сесть.

— Я знаю, что ты хочешь спросить у меня, — тяжело зашевелил сухими губами Красный Лось. — Помнишь ли ты, как Медвежий Бык предложил тебе поговорить с шаманом?

Странный Медведь вздрогнул. Откуда этот человек знал имя его духа-покровителя? Никогда прежде не испытывал он такого суеверного ужаса, как в тот момент. Он смотрел в подёрнутые поволокой глаза Красного Лося и напряжённо ждал следующих слов. Что ещё мог знать этот таинственный старик из того, что не могло быть известно никому?

— Не удивляйся, мой друг... У тебя нет времени на удивления... Я

умею видеть прошлое. Я умею быть внутри других людей... Ты хотел спросить меня, не появлялся ли я только что перед тобой? Да, я выходил сейчас к твоим друзьям, и ты видел меня, но я выходил не в теле. Ты умеешь видеть то, что скрыто от других глаз. Я вышел, чтобы дать тебе знак. Я должен был привлечь твоё внимание, потому что ты слишком сильно увлечён военными делами и стал забывать о более важных вещах... Моё время кончилось. Ты видел меня среди других умерших. Ты видел оленя, которого я застрелил и с которым я теперь становлюсь одним целым, так как одной ногой я уже ступил в страну умерших. Ты видел младенца, которым все мы являемся, ведь все мы — дети Небесного Отца...

— Откуда ты знаешь имя моего покровителя? — не удержался от вопроса Медведь.

— Тот, кого ты считаешь своим покровителем, есть ты сам. Ты постоянно разговаривал со своей тенью, со своим двойником. У каждого человека есть двойник в невидимом мире. Большинство из тех, кто общается с покровителем, на самом деле разговаривает сам с собой, но не догадывается об этом. Человек имеет много двойников, один из них живёт среди духов зверей, другой — среди духов растений, третий — среди камней. Все двойники существуют одновременно с духом самого человека, потому что человек и един со всем мирозданием. Он — часть Великой Тайны, у которой нет ни начала, ни конца, ни разграничений между разными формами. Двойники наши находятся рядом с духами умерших, поэтому именно через них к нам обращаются наши ушедшие предки и иногда предсказывают с великой точностью наше будущее. Но мало кто из людей умеет определять, кто именно разговаривает с ними. Для этого нужны особые знания. Нередко с человеком беседуют другие духи, но с тобой общался твой двойник.

— Но он назвал себя покровителем тех, кто должен проснуться, и четвероногих братьев. Я же никому не покровительствую.

— Не спеши. Тебе предстоит взобраться на гору знаний и помогать другим. Ты — человек, а человек сотворён, чтобы поддерживать жизнь всех существ, себе подобных, и зверей... Почему, по-твоему, проводятся церемонии очищения после охоты? Не просто, чтобы испросить прощения у того или иного четвероногого или пернатого народа, но чтобы привести себя в полную гармонию со всем миром, чтобы выйти из-под дурного влияния сил, которые живут в крови наших жертв. Выходящая из любого живого существа кровь всегда нечиста. В крови пребывает начало бессмертной жизни, начало *Ни*, то есть то, что даёт человеку Силу. Это единственно личное, чем владеет

человек и вообще всякая живность. Ничем другим мы не владеем, ни лошадьми, ни оружием, ни женщинами... Вот почему любое истечение крови поражает *Ни*. Поэтому нужно очищение. Мы, люди, должны знать и помнить это, потому как животные этого не знают. Они прекрасны, но их дух настолько же ниже нашего, насколько наш ниже Великого Духа.

— Я не понимаю... Скажи мне, отец, как же быть с врагами? Мы проливаем их кровь на войне...

— Я рад, что ты спросил, потому что сейчас для тебя нет ничего важнее этого вопроса... В давние, очень давние времена на земле многое было устроено иначе, чем сегодня. Прадеды наших прадедов ещё не думали рождаться — вот как давно это было. Тогда не знали более тяжкого осквернения, чем пролитие крови. Люди жили в согласии со всеми зверями. Великий Дух давал им пищу, о которой сегодня они не имеют понятия. Но как-то один из людей получил *иханблани*, то есть священное видение, в котором кто-то сказал ему, что все люди тоже звери. И он уподобился зверю и вкусил мяса. Тогда к людям обратился Дающий Жизнь и объяснил, что кровь, попавшая на провинившегося, сделала его нечистым. Тогда, чтобы избавиться от преступника, народ его убил. Однако Великий Дух сказал им, что они поспешили и осквернили себя пролитой кровью и что им необходимо провести церемонию очищения. Так люди ступили на путь кровопролитий, убивая тех, кого считали виноватыми, и начали проводить регулярные очищения души и тела. Великая Сущность-Которая-Над-Всеми-И-В-Каждом не позволяет проливать кровь даже самых злых врагов. Но все племена позабыли об этом главном требовании. Теперь повсюду война.

— Как же мужчины жили раньше? Как они проявляли свою отвагу и ловкость, если не воевали? Я не понимаю!

— Тебе нужно понять, что, убивая врага, ты убиваешь часть жизни, которой распоряжается только Великая Тайна. Вся жизнь принадлежит ей. Убивая врага, ты уничтожаешь часть Великой Тайны. Убивая, ты порождаешь силу уничтожения. Если ты выкопаешь ямку в земле, то её заполнит воздух, её также может заполнить дождь... Но и выкопанную землю ты положишь на место того воздуха, который заполнит ямку... Одно всегда занимает место другого. Против каждой силы всегда находится точно такая же сила. То, что ты выплёскиваешь из себя с ненавистью, образует в тебе пустошь, которая тут же заполняется другой силой, равной твоей ненависти. Но и твоя выпущенная сила тоже должна возвратиться к тебе, потому как она

есть твоя неотъемлемая часть. Тогда в тебе такой силы становится слишком много. Она начинает убивать тебя, подстраивает опасные ситуации или насылает болезни... Выпущенная кровь полна разрушительной силы. Если ты достаточно крепок и не поддаёшься, то эта сила переползает на твоих родных.

Странный Медведь ощутил леденящую дрожь во всём теле. Слова Красного Лося разрушали основы жизни настоящего мужчины, воина, охотника. Если бы Лакоты жили так, как предлагал Красный Лось, они никогда не стали бы людьми, которых всегда страшились все враги. Странный Медведь растерянно смотрел то перед собой, то вверх, куда поднимался дым костра. Этот крепкий и всегда уверенный в себе мужчина теперь казался беспомощным младенцем, брошенным под ноги боевых коней. Он не был готов к такому взгляду на вещи. Он не хотел знать такую сторону жизни.

Красный Лось неторопливо достал трубку, обёрнутую в обрезки шкуры белого бизона и стал набивать её.

— Я знаю, что ты не сможешь сразу согласиться с тем, что ты услышал, поэтому я не стану говорить больше. Мы покурим, и ты пойдёшь, — сказал старик.

Странный Медведь молчал.

— Я поднимаю эту трубку к Единственно Прекрасному, — монотонным голосом затянул Красный Лось, прижимая трубку одним концом к груди, другим направляя её вверх. — Я раскуриваю эту трубку с Великим Отцом и Великим Духом. Пусть на земле будет синий погожий день. Пусть станет меньше крови, меньше горя. Я обращаюсь, пуская дым, к Великой Тайне и прошу за всех людей. Пусть не ожесточатся их сердца, когда придёт трудное время. Я с благодарностью принимаю от тебя, Создатель, и боль, и радость. Я направляю эту трубку к начинающемуся дню, воплощению вечно возрождающейся жизни...

Каменный юноша

В очень далёкие времена среди безбрежных тёмно-зелёных лесов, пушисто покрывающих горные кручи, жили в стороне от людей четыре брата. Слухи об их удивительной дружбе и преданности доходили до самых разных племён, и ни разлившиеся топкие болота, ни раскалённые пески пустынь не могли сдержать распространение славы о четырёх братьях.

Дрожащие седовласые мудрецы ежедневно поднимались перед полыхающим огнём и в дряхлом умилении вели рассказ об удивительных чужестранцах. Собравшиеся вокруг костра молодые мужчины кивали головами, но в сердцах их тлела зависть к четырём братьям из неведомой страны, которые слыли прекрасными охотниками и при этом не стыдились заниматься женской работой.

Однажды старший из братьев, собирая дрова, занозил палец на ноге. Ничтожная рана сперва не беспокоила его, но через некоторое время палец стал распухать и сделался огромным, как голова. Он вскрыл страшный нарыв охотничьим ножом, и оттуда вытекла целая река коричневой слизи. Разлившись у подножия отвесной скалы, эта жидкость превратилась в зловонное болото. Заглянув в раскрытую рану, охотник обнаружил внутри что-то непонятное.

Он принёс свою находку домой. Обмыв её, братья обнаружили, что в руках у них находилась крохотная девочка.

Вскоре она выросла в красивую девушку. Прекраснее не найти было во всём свете. Она взяла на себя всю женскую работу, готовила мужчинам еду, выделывала шкуры так хорошо, что они становились белыми и мягкими. Сшитая её руками одежда всегда была удобна в носке и имела живописные узоры, выполненные раскрашенными иглами дикобраза.

Многие юноши приезжали к ней свататься, но она отвечала отказом, твёрдо решив посвятить свою жизнь четырём добрым мужчинам, которые считали её своей сестрой.

Но как-то раз они пропали, уйдя на охоту. Девушка долго оплакивала их, не находя причины для их исчезновения: не верила она, что кто-то был способен причинить вред таким добрым людям.

Однажды она решила отправиться на высокую гору, чтобы получить там видение и через него узнать о судьбе своих любимых братьев. Целый месяц постилась она. Высокие стволы рыжих сосен

стеной возвышались вокруг и защищали от жгучего ветра. Серебристое журчание ручьёв остужало её глубокую тоску. И вот, когда душа девушки успокоилась, к ней пришёл вещий сон. Она увидела огромного зверя с телом быка и крыльями орла.

— Все твои четыре брата схвачены камнем, поэтому лишь камень сможет высвободить их, — сказал неведомый зверь и скрылся, перепрыгивая через искрящиеся снежные вершины гор.

Девушка проснулась и долго сидела молча, не понимая, как ей поступать. Она сразу подумала, что диковинный зверь говорил ей о Живом Камне — божестве, жившем в камнях и скалах. Влияние Камня распространялось на всё пространство мира. Как могла она тягаться с Камнем, когда он был Отцом всему?

Лакоты издревле поклонялись камням, большим и малым, и многие мужчины брали их себе в помощники. Особенно уважительно они смотрели на круглые белые камешки, потому что где-то среди них лежал сын Живого Камня, которого злой дух Ийа выкрал у Живого Камня и забросил его подальше, так как страшно боялся его.

Место, где находилась несчастная девушка, было сплошь усыпано мелкой галькой. За долгое время её поста, пока она неподвижно сидела на земле, один гладкий белый камешек успел войти девушке в лоно. Она не сразу заметила это.

Спустившись с горы, она отправилась к шаману и открыла ему своё видение.

— Не о могущественном и старшем из всех богов говорил тебе зверь-великан, а про *Ийа*. Великое божество зла *Ийа* произошёл от Живого Камня *Инъан* и Водяного Чудовища *Унктехи*. Это он захватил твоих любимых братьев, — объяснял шаман. — Теперь ты родишь сына и назовёшь его Камнем.

— Как же появится у меня ребёнок, если я не ложилась ни с одним мужчиной? — удивилась она.

— Белый Камень, сын Живого Камня оплодотворил тебя, чтобы на свет появился могучий человек.

Девушка родила, и мальчик её был крепким, как настоящий камень. Она назвала его Каменным Юношей. Она учила его всем играм и песням, рассказывала всё о свойствах корней и трав, о животных и птицах. Когда он подрос, она поведала ему историю своего странного рождения и исчезновения её добрых братьев.

— Твоя скорбь пройдёт, когда я верну твоих братьев, — заявил он.

Итак, Каменный Юноша отправился в путь. Много разных подвигов совершил он в дороге, но рассказывать о всех не хватило бы

и жизни.

Добравшись до страшной долины, где, казалось, даже у света не было сил, чтобы озарить своими лучами мрачные ущелья и пещеры, Каменный Юноша остановился и стал вызывать злого *Ийа* на бой.

— Кто ты такой, что осмеливаешься угрожать мне? — воскликнул Ийа, и от могучего голоса его сотряслись скалы и многие гигантские сосны вывернулись из земли корнями.

Он стал размахивать дубинкой, но не мог никак причинить ни малейшего вреда юноше.

— Прекрати вращать своё оружие зазря. Ты не сумеешь одолеть меня, потому что я рождён тем самым камнем, которого ты так боялся и выбросил его подальше... Я твой повелитель! — Каменный Юноша схватил задрожавшего злодея и наступил ему на ногу. Нога Ийа расплюшилась и стала похожа на кусок сухой кожи.

— Смилуйся надо мной, и я расскажу тебе всё! — закричал Ийа.

Каменный Юноша сел напротив колдуна и стал слушать его.

— В древние времена я нашёл эту долину. Тут было множество дичи. Здешние олени, лоси и медведи были громадными, и охотники очень старались получить такую добычу. Жадность и самолюбие заставляли охотников заходить в самую глушь, где они попадали в мои руки. Я расплющивал их камнем, превращал в куски кожи и покрывал этими расплющенными людьми моё жилище. Люди не умирали при этом, но очень мучились... Много раз я слышал о четырёх братьях, которые были очень добрыми, никому не причиняли зла и выполняли даже женскую работу. Я хотел устроить им неприятности, но не знал, к чему прицепиться, ведь они были добрыми. Я не мог покарать их без причины, таков закон Творца: злом наказываются те, которые переходят грань уравновешенного существования. Тогда я решил подбросить им женщину, чтобы они как-то провинились. Я пошёл к моей дочери, Змеиному Дереву, и отломал от неё маленький кусочек. Этот кусочек я бросил неподалёку от типаи четырёх братьев, и один из них занозил ногу об эту веточку. Из занозы появилась женщина, которую они все сильно полюбили. Эта любовь нарушила их душевное равновесие. Они стали любить женщину больше жизни, готовы были пойти на всё для неё. Они позабыли, что служить надо Великой Тайне, а не людям, потому что, как бы ни были прекрасны люди, они лишь часть Великой Тайны, её творения... Итак, все четыре брата теперь были в моей власти. Однажды они отправились на охоту, чтобы достать для своей таинственной сестры шкуру оленя-великана, который жил в моей долине. Братья не хотели больше довольствоваться тем, что

было рядом, и это сгубило их. Я поймал всех четверых и раскатал их камнем, сделав из них новые куски кожи для покрытия моей палатки.

— Как же вернуть им их прежний вид? — потребовал ответа Каменный Юноша.

— Ты должен срубить Змеиное Дерево, сложить из него костёр внутри моего жилища, на этот огонь положить побольше камней. Поскольку все камни — это частица Живого Камня, то они содержат в себе жизненную силу. Когда камни раскалятся, полей на них водой, и пар поднимется к кожаному покрову моего дома. Пар пропитает сплюснутых людей, и они набухнут и станут нормальными.

Так и поступил Каменный Юноша, и в жизнь вернулись многие племена, которые когда-то так или иначе нарушили законы Великой Тайны и попали в руки Ийа. Теперь им предстояло пройти новую жизнь и исправить свои ошибки.

Люди не любят эту историю, потому что не могут понять, что плохого есть в том, что охотник стремится быть лучше других, воин старается проявить свою отвагу и силу в бою и тем отличиться, женщина хочет быть красивее прочих... Люди не понимают, как простая человеческая любовь может заставить нас переступить границы дозволенного... — Красный Лось замолчал, устало опустил подбородок на грудь и глубоко вздохнул.

Второй день проводил Медведь в палатке старика, внимая его словам и гадая, что ему предстояло делать теперь, когда он услышал то, о чём даже не подозревал раньше. Его ум находился в смятении. Кто подскажет ему, как выйти из этого состояния? Красный Лось умирал, силы его были на исходе, Медведь понимал, что пришёл к старику с большим опозданием.

— Давным-давно Создатель велел нам почитать жизнь и никогда не ставить в ней одно выше другого. Если мы любим женщину, то должны видеть в ней прежде всего Великую Тайну. Если мы любим детей, то должны любить в них Великую Тайну. Наши родители, которых принято почитать, и все старики племени — это проявление Великой Тайны. Их знания и мудрость есть Великая Тайна, но не заслуга их самих.

— Но как же так? — Медведь взволнованно замахал руками, будто пытаясь нащупать что-то и опереться. — Значит, все мои подвиги вовсе не подвиги? Все мои заслуги ничего не значат?

— А что они есть без Великой Тайны? Разве не Творец вдохнул в тебя жизнь? Разве не Он дал тебе возможность выходить победителем в сражениях?

— А мои враги? Наш Небесный Отец и в них вложил жизнь, но они погибли в схватке со мной.

— Они были слишком горды, слишком полны ненавистью, слишком уверены в своих силах. Они, как и ты, думали, что имеют силу. Но в людях нет силы. Сила есть лишь у Невидимого Отца, это Он наполняет ею твоё тело или отнимает её у тебя. Ты ничего не можешь без Него. Он один решает всё. Люди забыли об этом, они очень высоко думают о себе, поэтому они теряют силу. Скоро настанут дурные времена, и все племена станут лить слёзы. Будет много горечи в сердцах, но ничто не изменится, куда люди не повернутся лицом к Единственному-Что-Есть. Ни боевые трофеи, ни подвиги, ни отвага не помогут никому, потому что это — ничто. Важно, чтобы сердце твоё несло в себе священное чувство Великой Тайны... — Красный Лось произносил слова всё тише, его губы сильно подрагивали.

— Ты хочешь сказать, отец, что мужчина... что я должен отказаться от Военной Тропы? — в который раз поразился Станный Медведь.

— Попытайся не откликаться на зов глашатая, когда он будет созывать мужчин в поход, чтобы отомстить за чью-нибудь смерть. Это покажется тебе очень трудным делом, но настоящий воин обязан справляться со своими желаниями. А жажда военных побед есть самые сильные твои желания, — вымолвил совсем уже тихим голосом Красный Лось.

— Но как же?

— Попробуй... Помни, что жизнь даётся не для того, чтобы мы разрушали её. Воюй, когда на тебя нападают, защищайся, но не подстерегай никого сам... Что ещё я могу сказать тебе, когда у меня не осталось времени?.. Тело моё истощилось... Я ухожу...

Старик опустил тёмные морщинистые веки.

Акичита Нажин

(рассказ в переводе Уинтропа Хейли)

Помню, хорошо помню, как умер Красный Лось. Он считался среди наших людей святым человеком. Женщины плакали. Многие мужчины приняли участие в погребении Красного Лося. Несколько раз я видел возле его могилы Странного Медведя, хотя он не был родственником. Он сидел неподвижно, опустив голову на грудь. Волосы его свисали вот так (показывает руками вниз по груди до пояса), он не сплетал их в косы, как будто пребывал в глубоком трауре. Он всегда казался непонятным, а после смерти Красного Лося сделался совсем странным.

Кажется, той зимой Лакоты имели столкновения с и Арикарами и Поунями, наши враги тогда вместе выступали против нас. Я помню большое сражение, в котором они потеряли сразу двух своих вождей. Был жаркий бой на Ручье Пустого Ясеня. Мы дрались с Волками прямо на льду, лошади постоянно падали и с трудом поднимались на ноги, потому что копыта скользили. Стояли морозы, и кровь не успевала вытекать из ран и сразу заледеневала. Враги отступили. Но когда мы возвращались в лагерь, два наших Хранителя Трубок отстали от отряда и были убиты.

То было славное время, время великих подвигов, время моей молодости.

Когда сошёл снег, мы вновь не раз схватывались с Волками. Однажды мы напали на их деревню, где они выращивали маис, и вытоптали всё, что смогли. Мы очень сильно ненавидели Поуней. Позже мы стали ненавидеть их ещё больше, потому что они стали служить Бледнолицым солдатам, которых мы за их сабли прозвали Длинными Ножам.

Как-то летом мы стали лагерем на Ручье-Где-Поднялась-Молния. То было доброе место, очень красивое. Там росло много тополей, и нашим лошадям нравилось ошипывать их кору.

Юноши намечали военный поход против Волков. Они отправились к Странному Медведю с подарками и просили его возглавить отряд, но он не согласился. Я не знаю, почему он не согласился. Он прожил в нашем лагере лишь несколько дней и вдруг велел своей жене свернуть типи и собраться в путь. Он не сказал, куда он решил ехать, но мы все

уже привыкли к тому, что он внезапно покидал нас. Наши родственники из других деревень рассказывали, что он очень много разговаривал с шаманами. В то лето я не видел его в наших военных отрядах.

А следующей зимой на стойбище, которое возглавлял Красящий-Подбородок-Красным, напали Волки. Это был совсем маленький лагерь Оглалов. Многие мужчины были на охоте, когда появились враги. Красящий-Подбородок-Красным и некоторые другие были убиты. Эти Волки-Поуни выбрались на зимнюю охоту на бизонов и никогда не решились бы совершить налёт на большую деревню, ведь это был не военный отряд. Просто они захотели отомстить за свои летние потери. Они взяли в плен многих женщин и умчались. Они даже прервали охоту, так как боялись мести Лакотов. Я был среди тех, кто шёл по их следу. Мы нашли остовы их жилищ и много-много шкур и мяса бизонов: Поуни побросали всё, спеша унести ноги с нашей земли.

После этого племянник погибшего Красящего-Подбородок-Красным обошёл с трубкой несколько родовых общин и собрал отряд, который отправился расправиться с Волками. Я присоединился.

Мы совершили набег на их деревню и угнали большое количество лошадей. Но случилось так, что на обратном пути нам совсем не попадалось дичи, когда мы ехали через Песчаные Горы, и мы забили и съели большую часть захваченных лошадей.

Я хорошо помню то время, хотя оно теперь лежит в далёком прошлом. Я был молод. У меня были две красивые жены, и они умели очень вкусно готовить и шили замечательную одежду. Я был храбр, как большинство мужчин нашего племени, я был уверен в себе. Сегодня в моих руках совсем не осталось силы и кожа сморщилась, как на гнилом плоде. Но когда я вспоминаю мою молодость, я улыбаюсь и плечи мои распрямляются.

Мато Уитко

(его собственные слова)

После смерти Красного Лося меня на некоторое время охватила какая-то глухота. Мне казалось, что я заболел. Нет, я не стал глухим, слух мой оставался прекрасным. Но невидимый мир стал недостижим для меня. Я не слышал голосов из Страны Призраков. Я постился и проводил в молитвах почти всё время, которое оставалось у меня от охоты, но духи безмолвствовали. На сердце моём лежал тяжёлый камень. Я будто потерял опору под ногами. Я не находил себе места.

Как-то я отправился вместе с женой в лагерь, где главным был Красящий-Подбородок-Красным. Среди его людей был, как я слышал, очень сильный *Вичаша-Вакан*^[1] по имени Стучащий Ногами. Я хотел побеседовать с ним. Я остро нуждался в помощи.

Стучащий Ногами устроил церемонию очищения при помощи табачных ловушек. Он пригласил меня принять участие. Нас было четверо, и мы уселись по кругу, держа в руках маленькие мешочки из кожи, которые были связаны между собой общей верёвкой из конского волоса. Стучащий Ногами поднял погремушку и трещотку и стал обходить нас с внешней стороны. Он останавливался за каждым сидящим и пел священные слова. В это время тот человек, позади которого танцевал Стучащий Ногами, должен был приложить все усилия, чтобы собрать свою телесную боль и неуютность души и бросить их в свой мешочек вместе с щепоткой табаку. Многие духи любят табак, не только злые, но злые духи боятся звука трещотки и погремушки, поэтому они убегали от их шума и прятались туда, где пахло табаком. Стучащий Ногами сразу же затягивал табачную ловушку и, притопывая, шёл дальше. Обойдя всех, он стал отступать от нас, двигаясь по спирали и таща за собой верёвку с мешочками, где находились духи, сбежавшие из человеческих тел и попавшие в плен. Стучащий Ногами отошёл от нас на значительное расстояние и развесил табачные ловушки на ветвях дерева. Вича́ша-Вака́н знает, как справиться с демонами, потому что ему помогают все силы, которыми полон Вака́н Та́нка, наш Небесный Отец.

Это было в день нашего приезда в деревню Красящего-Подбородок-Красным. Шагающая Лисица должна была поставить типи к моему возвращению с церемонии, для проведения которой мы

достаточно далеко отошли от лагеря.

На обратном пути мы слышали далёкие крики и поэтому удвоили шаг. Оказалось, что на наши палатки напали Волки. Немало наших поубивали. Среди погибших лежал Красящий-Подбородок-Красным. Это был плохой день. Многие мужчины ушли на охоту, и защитить женщин с детьми оказалось некому. Волки увезли с собой много женщин. Среди них была и Шагающая Лисица.

Да, то был плохой день. Я почувствовал себя обманутым. Ко мне возвратилась бывлая лёгкость сердца, но я потерял любимую жену. Как я хотел сразу же отправиться в погоню! Но приблизился Стучащий Ногами и сурово сказал то, что я понял лишь через много лет.

— Не торопись отомстить врагам. Наберись терпения. Сегодня погибли только те, которым так было суждено, — вот что он сказал, и я был удивлён таким словам. — Красящий-Подбородок-Красным был чересчур уверен в своих силах и в непобедимости своих воинов. Теперь они истекают кровью.

Он велел мне остаться у него в палатке, и я подчинился. Мой ум находился в полном смятении: так долго спавший в мне воинский дух вновь пробудился, и я готов был схватиться с любым сильным и яростным врагом, но изнутри Стучащего Ногами исходило нечто такое, что я вдруг понял, что должно произойти что-то очень важное для меня.

Стучащий Ногами усадил меня напротив себя и протянул мне раскуренную трубку. Он сказал, что в ней находился не обычный табак, смешанный с ивовою корой, а совсем другая трава. Это был подарок странствующего старца, который в дни молодости Стучащего Ногами пришёл в наши края с юга, из страны народа, который делает свои жилища из глины и лепит их одно на другое возле отвесных скал. До этого мне однажды пришлось побывать на церемонии Колдовского Корня, которую проводили индейцы племени Понка, приехавшие заключить с нами мир. Каждый из них привёз с собой небольшой свёрток, где хранились священные плоды. Те люди носили в волосах жёлтые перья дятла. Они опускали плоды в посуду с горячей водой и пили настой. У всякого, кто выпивал хотя бы один глоток, скоро начинались видения. Но Стучащий Ногами протянул мне трубку с куевом.

После нескольких затяжек я увидел, как внутреннее пространство типа расступилось, а затем сделалось огромным, как небо. Исчезли границы палатки, в которой я сидел. Стучащий Ногами пропал. Я слышал далёкие голоса, повторяющие моё имя. Я поднялся и пошёл

на их зов.

Вокруг, куда ни брось взгляд, тянулась снежная пустыня. Небо висело низко и было очень тёмным. От земли к небу и от неба к земле то и дело пробегали яркие полосы молний, но звука грома не слышалось. Неожиданно до меня донеслось негромкое пение. Снег передо мной ударил фонтаном, и в его хлопьях появился танцующий дряхлый старик. Старик начал кружиться передо мной, и его накидка из мягкой белой кожи поднялась от кругового движения параллельно земле и превратилась в перья. Слова песни повторялись:

Люди не поймут, люди не поймут.

Они охвачены сном.

Ты ступай Тропой Сердца.

Не смотри на других,

Потому что люди не поймут.

Иногда лицо танцующего останавливалось и пристально смотрело на меня, но тело его продолжало кружиться. Это было страшное зрелище. Несколько раз я замечал, как черты его лица видоизменялись и он становился похож то на Красного Лося, то на Стучащего Ногами, то на некоторых других знакомых мне Лакотов. Внезапно вокруг нас выросло семь высоких прямых деревьев. На них совсем не было ветвей, но на самых вершинах тонкие веточки образовывали подобие шарообразного убора.

Танцор внезапно остановился, и накидка его свернулась, как водоворот, но не замерла, а продолжила своё движение и, подобно смерчу, понеслась дальше, ударяя каждое дерево. И семь деревьев превратились в семь великанов. Они были совершенно голые, но я не мог понять, мужчины они или женщины.

В этот момент старик присел на корточки и сделался крохотным, как карлик и даже меньше. Но его тело было не уродливым, а совершенно пропорциональным.

— Это тело — твоё. Вглядишься получше! — воскликнул старик.

— А это твой собственный дух! — Он обвёл руками вокруг себя, указывая на великанов.

Тут в него со всех сторон полетели стрелы и стали втыкаться в его руки, ноги, спину. Я почувствовал боль от ударов острых наконечников. В следующее мгновение кости мои и суставы захрустели. Что-то давило на меня и одновременно разрывало на части.

— Тело всегда будет страдать. Оно слишком мало, они ничтожно по сравнению с тем, что его окружает. Оно обязательно умирает. Но дух твой вечен, потому что он является дыханием Творца. Помни: чтобы ты ни делал для своего тела, как бы ни украшал его, как бы ни ублажал, оно потеряет всё это. Как бы сильно оно ни было, как бы много подвигов ни совершило, оно всё равно превратится в прах.

В это мгновение я как бы поднялся вверх и увидел под собой множество погребальных помостов, на которых покоились кости людей. Они заполняли всё пространство от горизонта до горизонта. А небо сплошь состояло из лиц, которые невозможно ни запомнить, ни разглядеть. Они перетекали одно в другое, они выплывали ко мне и превращались в огромные глаза, они кипели, как грозовые облака. Мне казалось, что все они есть одно — единственное лицо, но их было много.

После того я увидел широкую дорогу, которая тянулась прямо через острые скалы к сияющему впереди солнцу, а вокруг в большом количестве были узкие виляющие тропинки, которые спутывались друг с другом. На широкой дороге я различил вереницу людей и подлетел к ним. Они шли неторопливо, и каждый шедший впереди был чуть старше ступавшего сзади. Едва один из них делал шаг, он соединялся с фигурой того, кто был впереди, и делался им. Так они и двигались, перетекая друг в друга. Я вгляделся в них и понял, что все они — это я.

Затем налетел снежный ветер и застлал мне глаза. Когда же он отступил, я был на земле перед костром и меня окружали стены палатки.

Передо мной сидел Стучит Ногами и очень внимательно разглядывал меня.

— Теперь ты должен выспаться, — велел он мне. — Твоя жена исчезла, сегодня тебя никто не ждёт. Останься отдохнуть в моей палатке. Завтра мы серьёзно поговорим с тобой. Я вижу, что у тебя есть настоящие глаза...

Так он сказал мне.

[1] *Вичаша-Вакан* — таинственный человек, святой человек, обычно называемый в литературе словом «шаман», которое происходит из языка тунгусского народа Сибири и широко применяется антропологами для обозначения людей, считающихся колдунами и знахарями. Дакоты же проводят строгое разграничение между знахарями и колдунами. Знахаря они называют *Пежута-Вичаша*, то есть Человек-Лекарство, он занимается исцелением больных и раненых. Знахари не проводят церемоний, в то время как *Вичаша-Вакан* посвящают себя мистическим занятиям, общаются с потусторонним миром, хотя нередко они хорошо разбираются и в медицине и, следовательно, могут быть врачами.

Встреча

Индеец-Пбуни выторговал у Джека-Собаки старинное кремнёвое ружьё и немного пороха, дав ему в обмен на это молодую женщину. Поуни был совершенно перепуган и измучен, кожа натянулась на его высохшем лице, скулы выпирали будто две шишки, глаза безумно блестели. Он сказал, что половина его деревни умерла от страшной болезни.

Женщина была его пленницей. Он привёз её зимой из набега на лагерь Лакотов и хотел сделать своей женой.

— Но она сказала, что её муж — шаман. А когда в деревню пришла болезнь и наши люди стали чернеть и умирать один за другим, я понял, что это муж моей пленницы наслал смерть[1]. Я больше не хочу иметь эту женщину.

— Конечно, конечно, — кивал Джек, разглядывая индеанку. Она бесспорно была красива, но сильно исхудала. Глаза смотрели так, будто окружающий мир был ей тесен и смертельная тоска грызла её сердце.

Джек сходил в торговую лавку и купил для женщины алого цвета одеяло с широкой белой каймой и отрез сукна.

— Старое твоё покрывало нужно сжечь, — сказал он ей и сбросил с плеч женщины ветхое одеяльце. — Платье тоже нужно уничтожить. Вот тебе материал, из которого ты сошьёшь новое. Понимаешь? В твоей одежде может дремать болезнь, которая убила племя Волков...

В глазах женщины засветилось подобие радости, когда она услышала родную речь. Она торопливо закивала головой.

— Как тебя называть?

— Шагающая Лисица, — ответила она.

— Ты поедешь со мной, будешь стряпать и прочее всякое...

— Ты делаешь меня своей женой? — Шагающая Лисица подалась вперёд и заглянула в заросшее лицо траппера. Он хмыкнул и поскрёб пальцами лоб.

— Нет, я потерял всех моих жён. Великий Дух не желает, чтобы у меня была жена. Ты будешь помогать нам в пути, а там посмотрим, что да как...

Рэндал Скотт едва не упал, увидев следовавшую за Джеком женщину на пятнистой лошадке.

— Ты решил всё-таки на старости обзавестись семьёй, дружище? Тоскуешь по домашнему уюту?

— В этом нет ничего дурного. Но боюсь, что твои мыслишки на этот раз отправились не по той тропе, старина. Хотя, что тут скрывать, девочка она милая... Краснокожие стали вести себя беспокойно. Она из Оглалов. Раз уж мы двигаем на землю Лакотов, то нам не помешает такая спутница...

Они неторопливо продвигались вглубь страны, намереваясь присоединиться к охотничьему отряду Джо Мика и в его составе добраться до Зелёной Реки, где должно было состояться очередное Рандеву[2]. То было прекрасное место для сходов трапперов: лес, вкусная вода, вдоволь травы для лошадей и, естественно, изобилие дичи.

Рэндал Скотт, как это ни удивляло его самого, чувствовал себя вполне на своём месте среди вольных трапперов, он легко сжился с ними, не испытывал недостатка в городском уюте. Трижды уезжал он в Сент-Луис и проводил там месяца по полтора и, к своему величайшему удивлению, ни разу не садился за карточный стол. Но время от времени, когда кто-нибудь заводил речь о золоте, старая тяга к деньгам пробуждалась в глубине его существа, по-змеиному поднимая голову. В такие минуты Скотт готов был немедленно броситься туда, где кто-то якобы добыл золотого песку.

— Забудь об этом, — махал руками Джек-Собака. — Я знал многих людей, которые рыскали по земле индейцев в поисках золота и кричали во всю глотку, что его полным-полно везде. Но клянусь моими последними зубами, я не видел, чтобы кто-то обогатился этим золотом. Некоторые, бывало, намывали немного в ручьях, но я тебе скажу твёрдо: моё золото — это пушной зверь.

— А я уверен, что в Чёрных Холмах золото есть, — спорил Скотт. — Не случайно краснокожие считают их священными. Наверняка под какой-то грязной и неприглядной скалой лежит такая жила, что и думать страшно...

— В Чёрных Холмах полно призраков, а не золота. Белым людям там не место. Я как-то заночевал там в одном ущелье, о котором меня предупреждали, но я не послушался, так мне всю ночь не давал спать сначала чей-то смех, а потом привидения хлопали в ладоши и пугали моих лошадей...

— Оставь эти сказки, Джек, — кривился Рэндал. — Однажды я отыщу там жилу, или я буду не я...

За подобной болтовнёй проходили дни, унося в недостижимое прошлое ленивые лучи великолепного заходящего солнца, напряжённую ночную тишину и прохладу свежей утренней травы.

Вокруг громоздились могучие утёсы, покрытые соснами, ошетинились зелёными ветвями кусты с дикими ягодами, шумели ручьи, проплывали по склонам холмов набегающие тени облаков.

Однажды в полдень, когда они устроили привал, Рэндал уловил боковым зрением неясное движение за кустами справа от себя. Джек-Собака и Шагающая Лисица тоже посмотрели туда, но не двинулись с места. Что-то происходило в густой зелёной тени леса. Что-то притягивало к себе внимание Рэндала.

— Будем сидеть тут, — сказал Джек, увидев, что Рэндал потянулся за своим облегчённым «холлом» [3]. — Не суйся туда. Просто придётся быть повнимательнее, мало ли что там...

Но Рэндал не удержался и осторожно пошёл в сторону неясных звуков, будто загипнотизированный. Карабин он держал в руках, готовый в любую секунду выстрелить.

— Я вовсе не собираюсь мчаться спасать твою шкуру, если ты вдруг начнёшь орать о помощи, будь я проклят! — закричал ему вслед Джек и смачно сплюнул пережёванный табак.

Рэндал старался ступать по высокой траве как можно мягче, чтобы не заглушать шагами привлёкший его звук. Со всех сторон призрачно скользили с листа на листок солнечные пятна, воздух между деревьями был пронизан жёлтыми лучами, которые, казалось, пристально следили за каждым движением крадущегося человека.

Теперь уже ясно различалось дыхание впереди. Кто-то яростно боролся в нескольких шагах от Рэндала, он даже услышал звякнувший металл — так ударяется нож о нож, но никого не видел.

И тут шагах вдесяти от него из-за кустов вынырнул дикарь в боевой раскраске. На нём болталась длинная набедренная повязка, и на голове красовался высокий убор из орлиных перьев, которые стояли, плотно пригнанные одно к другому, и образовывали подобие короны. Руки и ноги его лоснились жирной жёлтой и красной краской. Глаза сверкали.

— Черноногий! — вскрикнул Рэндал и приложил карабин к плечу.

Индеец возник внезапно, и воинственные намерения его не оставляли места сомнениям: он держал в одной вскинутой руке томагавк, сжимая в другой длинный нож.

Рэндал присел и выстрелил. Каким-то странным зрением он увидел, как пуля вырвала клочок мяса из спины дикаря, пронзив его грудь. Кровь брызнула на колыхавшуюся позади него нежную листву.

— Я убил его! — закричал во весь голос Рэндал, едва индеец рухнул в траву.

— Что такое? — Джек-Собака бежал, забыв о всякой осторожности и разгребая листву своей любимой дустволкой системы Лефоше.

— Я убил его... — тяжёлое и громкое дыхание Скотта было похоже на отголоски ужасной бури. — Черноногий... Он бросился на меня с топором.

— Вот это фокус! Хитрая bestия поджидала тебя тут!

— Не знаю, что он тут делал, но я слышал его сопение. Он слишком громко дышал, чтобы прятаться от кого-либо...

Внезапно трава шумно раздвинулась, и из высоких стеблей поднялась во весь рост фигура обнажённого по пояс мужчины с длинными косами.

— Это не Черноногий, — с уверенностью констатировал Джек, держа дикаря на прицеле. — Это Сю...

— Но это не тот, кого я убил! — воскликнул Рэндал, хватаясь за пистолет.

Индеец что-то произнёс, тяжело дыша и обтирая рукой левую сторону живота, где сочилась кровь. Взгляд его твёрдых глаз поразил Рэндала своей силой.

— Он говорит, что ты спас его! — удивился Джек. — Он хочет знать твоё имя...

В этот момент послышался крик из-за их спин, Шагающая Лисица проскользнула между трапперами к дикарю и принялась обнимать его, радостно причитая.

— Она говорит, что это её муж, — перевёл Джек-Собака с удивлением.

— Откуда он взялся? — не понял ничего Рэндал.

— Он дрался с тем самым Черноногим, которого ты свалил. Он получил ранение и почти уже проиграл схватку, когда ты всадил пулю в того парня... Похоже, ты спас ему жизнь, старина... Чёрт знает что... Наша скво приходится ему законной женой... Кто бы мог подумать, что жизнь имеет такие вот обороты... Клянусь, подобного со мной не случалось. Ты спрашивал, для чего нам эта скво, а вот, оказывается, для чего: мы должны были привезти её к законному супругу, или я ни черта не понимаю в жизни...

Индеец смотрел на Рэндала очень внимательно и вдруг заговорил.

— Он утверждает, что уже виделся с тобой, — перевёл Джек, явно не уверенный в том, что правильно понял краснокожего. — Откуда? Когда вы виделись?

— Я не знаю его, — ответил Рэндал, опираясь на свой карабин. — В покер мы не играли, виски вместе не пили...

— Он говорит, что однажды отобрал у тебя магический щит.

— У меня никогда не было щита. — Рэндал лишь пожал плечами. — Должно быть, парень немного рехнулся от радости...

Индеец говорил очень быстро, яростно жестикулируя. Он был немало взволнован и совсем позабыл о лившейся из него крови.

— Его отряд напал на тебя однажды. С тобой был ещё один человек, которого они убили. Вы вроде как на фургоне ехали. Он хотел пустить в тебя стрелу, но какой-то невидимый дух запретил ему сделать это. Тогда он не понимал причины, но сейчас ему открылась истина.

Рэндал вытарашил глаза и с минуту стоял молча, затем опустился на корточки, потрясённый услышанным.

— Тропа каждой жизни имеет свой рисунок. Вам суждено было встретиться здесь, ты должен был спасти этого дикаря, поэтому в тот раз ему категорически запретили убивать тебя, иначе ты не был бы здесь сегодня и никто не смог бы выручить его. — Джек-Собака шлёпнул себя ладонью по шее, прихлопнув назойливого комара, и громко вздохнул. — Должен сознаться, что эта история не так проста. Я много раз сталкивался с людьми, которые видели вещие сны, но ни разу не приключалось со мной ничего подобного. Это так же странно, как если бы пущенная стрела летела в самого стрелявшего.

— Я бы сам не поверил, — ответил Рэндал, — но никто ведь не спрашивает, верю я в это или нет.

[1] Известно, что среди женщин, которых Поуни похитили из лагеря Красящего-Подбородок-Красным, некоторые оказались заражены оспой и болезнь перекинулась на Поуней, в результате чего вымерла добрая половина их деревни.

[2] Р а н д е в у (фр. rendezvous) — так назывались ежегодные сходки различных отрядов трапперов в заранее назначенном месте, где собиралась вся добытая пушнина и отправлялась в Сент-Луис. Организаторами этого мероприятия выступили меховщики Вильям Эшли и Эндрю Генри, которые для организованной ловли пушного зверя наняли лучших трапперов Скалистых Гор. Охотники работали небольшими группами и провели первую пробную сходку в 1824 году. Встреча продолжалась неделю и была примечательна тем, что там не было пьянок и не присутствовали индейцы. На следующий год состоялось первое официальное Рандеву, после чего они стали проводиться ежегодно. Нередко на Рандеву приезжало так много индейцев, что они заключали белых охотников в плотное кольцо. Но Рандеву всегда отличались миролюбивым настроением и нескончаемым весельем.

[3] Американская каморная винтовка системы Холла.

Рэндал Скотт

(из дневника)

Сегодня 20 мая 1837 года, суббота

Удивительный, просто невероятный поворот событий. Как хорошо, что у меня случайно оказался в сумке карандаш. Иначе я не сумел бы изложить то, что произошло. Пришлось бы ждать, куда мы попадём в торговый пункт.

Даже не знаю, с чего начать, ведь прошло столько лет с тех пор, как я расстался с этой тетрадью. После того как свирепый дикарь вырвал её из моих рук, я вообще не делал никаких записей. Просто как-то не приходило в голову. И вот волею судьбы (иначе это не назовёшь) мой дневник опять у меня в руках.

Итак: совершенно случайно я спас жизнь индейцу, вовсе того не желая, и он оказался тем самым дикарём, который отобрал у меня эту тетрадь.

А дело было так. Я увидел краснокожего из племени Черноногих, который внезапно возник из травы с топором в руке. Его поведение не вызывало сомнений в его воинственном настроении. Я застрелил его. Чуть позже из травы поднялся индеец Сю, истекающий кровью. Оказалось, что эти двое сражались, так что Черноногий поднял топор не на меня, а на Сю, чтобы нанести тому смертельный удар. Тут я и влепил в него свинец.

Удивлению моему не было конца, когда спасённый мною Сю сказал, что он меня хорошо помнит, что он хотел меня убить, но какое-то невидимое существо запретило ему сделать это. Он подробно описал сцену нападения на повозку. Он объяснил, что во время той схватки он не мог понять, почему должен был сохранить мне жизнь, но теперь ему всё совершенно ясно. Если бы он убил меня, то никто не выручил бы его в момент, когда оружие врага было готово проломить его череп.

Теперь я знаю, почему не погиб вместе с Кейтом Мэлбрэдом, хотя охватить разумом этого не могу. Я бы ни за что не поверил никому, кто выложил бы мне подобную историю, пусть даже он клялся бы в её достоверности всем святым. Я бы назвал всё это ерундой, если бы не был непосредственным участником этих событий. Я отлично помню, как тот дикарь в маске медведя готов был пристрелить меня. Ничто не мешало ему, лук был натянут, стрела смотрела мне прямо

в сердце. Но он не выпустил её. Я видел, как он будто бы слушал кого-то. И он ещё кричал на своих соплеменников, отгоняя их от меня. Это уже не стечение обстоятельств.

Признаюсь, что не молился никогда. Признаюсь, что не верил в Бога. Похоже, что и сейчас я не осознаю, что такое Бог, хотя судьба поднесла мне бесспорные доказательства Его воли.

Индеец, которого я спас (неизвестно ещё, кто кого спас), вернул мне эту тетрадь. Она была завёрнута в оленью кожу и бережно хранилась. Он объяснил, что принял её за могущественный щит или талисман, когда приехал ночью к разграбленной телеге и увидел, что я держу тетрадь перед собой. Сейчас он сидит напротив меня и с огромным вниманием следит за тем, как я пишу. Его явно интересуют буквы.

Этого индейца называют Мато, что означает Медведь. И вот ещё одна невероятная деталь: с нами ехала молодая женщина Сю, которую мой спутник Джек по кличке Собака выменял у индейца-Поуни. Она оказалась женой этого самого Медведя!

25 мая 1837, четверг

Мы всё ещё живём в типи Медведя. Нас беспрестанно приглашают в гости, плотно кормят. Все жаждут посмотреть на меня, потому что я для них не просто человек, а какой-то *Вакан*. Они обязательно громко восклицают это слово, покачивают головами и в удивлении прикрывают рты руками. Джек-Собака объяснил мне, что они связывают меня с могущественными духами потустороннего мира. Сам он весьма доволен оказанным нам приёмом.

Племя ведёт сытую жизнь. У них много лошадей. В день нашего приезда в деревню Медведь устроил большой приём у себя в жилище и подарил много лошадей каким-то людям. Джек объяснил, что у них принято в торжественные дни делать такие подарки тем, которые считаются бедными.

Первые несколько ночей Медведь регулярно занимался сексом со своей женой, по которой, как я понимаю, весьма соскучился. Меня всегда выводят из себя эти совокупления, так как гостевые лежа находятся в непосредственной близости от хозяйского. Я долго остаюсь возбуждённым и не могу уснуть, когда их дыхание и сопение уже стихает. А что удивительного? Мы с Джеком по пять-шесть месяцев бродим по прериям и горам. Возможность побыть с женщиной выдаётся весьма редко. У Медведя нет других жён, которых он мог бы предложить гостю, как это делают в знак гостеприимства некоторые

особенно щедрые дикари.

Пятница, 2 июня 1837

В очередной раз поразило меня присутствие смерти. В городе никогда так не бросается в глаза человеческое горе, оно прячется где-то за стенами домов и толпы смеющихся людей заслоняют собой тех, кто плачет. Здесь же всё как на ладони.

Я видел женщин, когда они ходили к установленным на ближайшем холме погребальным помостам. Что за крики доносились оттуда! Будто волчий вой. Не представляю, как давно было положено там большинство покойников и имеются ли там свежие захоронения, но плакальщицы казались мне неутешными, словно только вчера потеряли кого-то из родных.

Я разглядывал кладбище со стороны, так как к захоронениям не разрешается подходить никому из чужого народа, дабы не прогневить дух умерших. Сколько ни бываем мы с ним в селениях индейцев, я никогда не нарушаю этого правила. На многих шестах висят волосы, которые теребит ветер. Сперва я думал, что это скальпы, но оказалось, что эти пряди срезали себе родственники в знак скорби. Вокруг помостов повсюду виднеются разбросанные кости мелких животных — следы траурных ужинов, которые нередко проводятся в память об умерших.

В общем, все индейские кладбища похожи друг на друга, как, впрочем, и кладбища белых людей.

Суббота, 3 июня 1837

Сегодня утром возвратилась группа мужчин, которые привезли что-то в кожаном свёртке и провели над ним какие-то ритуальные действия. Затем они соорудили на кладбище новую площадку на четырёх шестах и водрузили на неё этот свёрток, положив возле него большую боевую дубинку, колчан со стрелами, лук и круглый щит. Свёрток был слишком мал, чтобы содержать тело, и я направился к Джеку за объяснениями.

Он расспросил кое-кого и поведал мне престранную историю.

Индеец по имени Он-Чует-Буйволов отправился за телом своего погибшего сына, которого после сражения оставили лежать где-то на территории племени Псалоков. Когда же он через несколько дней отыскал труп, то понял, что забрать тело с собой не получится, так как процесс разложения зашёл уже далеко. Тогда он вместе с друзьями взялся за гниющие останки и принялся ножом соскабливать мясо

с костей. Занятие, я думаю, далеко не из приятных. Когда кости были очищены, Он-Чует-Буйволов завернул их в шкуру оленя и привёз в стойбище.

Похоже, что для дикарей важно не столько тело покойника, сколько кости. Джек утверждает, что знал нескольких краснокожих, которые всегда возили с собой кости умерших предков. Однако в большинстве случаев кости зарывают в землю после того, как тело разложится на погребальном помосте.

Понедельник, 5 июня 1837

Сегодня неподалёку от деревни произошло столкновение с Воронами, которые пришли, вероятно, чтобы украсть лошадей у Оглалов. Но их обнаружили. Убили пять человек. Остальные умчались прочь. Со стороны Оглалов погиб Горная Вершина.

Я хотел принять участие в бою, но не успел, так как всё произошло стремительно. Да и Джек-Собака удержал меня за локоть, настояв, чтобы я смотрел на этот спектакль со стороны. Однако со стороны видно было лишь, как индейцы носились на своих пони, поднимая густую пыль, и стреляли во что-то на земле.

Когда Горную Вершину привезли в деревню, вокруг сию же секунду столпилось множество женщин. Поднялся жуткий плач. Убитого стали готовить к прощанию, переодев в праздничную рубашку из удивительно мягко выделанной кожи. Расшита она была очень ярко и красиво. Его лицо обмазали алой краской и также оставили чёрный отпечаток руки, которая словно закрывала покойнику рот: четыре пальца запечатали свои следы на одной щеке, а большой палец — на другой. Говорят, что таким знаком выделяют особенно уважаемого и храброго воина.

Семья

Подавляющее большинство трапперов в те времена брали в жёны индейских девушек, так как белых женщин в тех диких местах не было и в помине. Приезд самой невзрачной особы с белой кожей вызвал бы у бородатых жителей гор и прерий куда большее потрясение, чем появление целого стада белых бизонов. Чтобы утонуть в объятиях светлокожей проститутки, трапперы отправлялись в далёкий Сент-Луис.

Да, белая женщина была редчайшим явлением на западном берегу Миссури. Впрочем, из-за краснокожих красавиц тоже случались серьёзные ссоры между трапперами, ведь любовь не знает рамок, она стремится проявить себя и обдать жаром всех вокруг, даже если подобная страсть несла с собой гибель. Рэндал Скотт хорошо помнил, как два года назад во время Рандеву Кит Карсон стрелялся с французом по имени Шунар. И причиной тому была *Ва-Нибе*, совсем юная девушка из племени Арапахов. Она выглядела столь манящей, что дыхание её кружило голову мужчинам на расстоянии десяти шагов. Шунар и Карсон обратили на неё внимание во время весёлого Супового Танца, и каждый счёл, что она выбрала именно его.

Суповой Танец считался танцем ухаживаний. Девушки выстраивались в ряд напротив мужчин и держали в руках чёрные ложки, сделанные из бизоньего рога. Они черпали ими суп из котла, а танцующие мужчины должны были выпить этот суп. Это было возможно лишь в том случае, если девушка хотела этого. Когда же партнёр не устраивал её, она выплёскивала суп ему в лицо. В противном случае она разрешала избраннику набросить ей на голову одеяло. В таком виде парочка могла стоять, разговаривая и нежно потираясь носами на глазах у публики. Белые трапперы очень быстро заменили потирание носами на более привычные и приятные им поцелуи. Индейские девушки с лёгкостью приняли это нововведение.

Ва-Нибе означало Поющая Трава. Все без исключения охотники пялились на неё, когда она проезжала через лагерь на своей белой лошадке, одетая только в мягкую белую юбку с красной вышивкой, и её обнажённые грудки с торчащими сосками соблазнительно подрагивали при каждом шаге лошади^[1]. Не было на Рандеву ни единого мужчины, который оставался бы спокоен, глядя на эту дочь природы, сияющую бронзовой кожей на солнце.

Как-то раз Ва-Нибе отказала пьяному Шунару в его притязаниях и плеснула в него супом, что привело француза в бешенство. Этот огромного роста человек с тяжёлыми ручищами и бычьей шеей обладал недюжинной силой. В отряде капитана Дрипса, с которым он приехал, Шунар успел переломать рёбра почти всем. Как и большинство звероловов, медлительных и ленивых с виду, он под влиянием момента был способен пустить в ход всю притаившуюся в нём энергию... В этот раз, ошпаренный презрением девушки более, чем опрокинутым на него супом, он набросился на неё, но она, защищаясь, внезапно ткнула его ножом и скрылась. Рана оказалась пустяковой, но француз остервенел.

На следующий день он увидел Ва-Нибе верхом на красивом пегом жеребце, который подарил девушке Кит Карсон и, схватив ружьё, принялся носиться по лагерю в поисках Кита, которого счёл своим личным обидчиком и на котором жаждал сорвать своё зло. Карсон выехал к нему на коне и подскакал вплотную. Шунар поднял оружие, но шея жеребца, на котором сидел Кит, мешала ему, и выстрел получился неудачным. Кит легко уклонился от пули и тут же спустил курок своего пистолета, прострелив пьяному великану руку.

Рэндал Скотт ни с кем не стрелялся, чтобы получить спутницу. Несколько раз ездил с грузом для компании Эшли — Генри вниз по реке и в Сент-Луисе с головой окунался в разнузданные оргии публичных домов.

— У плоти свои аппетиты, — говорил он сам себе.

Джек-Собака лишь посмеивался над его похождениями, так как сам давно уже не интересовался прекрасным полом.

— Нет, моё сердце теперь похоже на лёд, который не растопит ни одна женская грудь, — кряхтел он и обеими руками принимался чесать свою бородищу, — хоть я и отношусь с нежностью к этим творениям природы, наделённым способностью продолжать жизнь.

Как-то закатным июльским вечером Медведь привёл в палатку девушку лет восемнадцати и усадил её возле Рэндала.

— Он говорит, что тебе нужна жена, — перевёл Джек. — Это его сестра. Её называют *Магажу-Уинна*, то есть Женщина-Дождь. Прошлой зимой, едва она вышла замуж, как Вороны убили её мужа. Она добрая девочка. Ей нужен муж, ей нужно рожать детей. Медведь думает, что ты был бы ей неплохим мужем. Будь я на твоём месте, я бы не упрямился. Не всё же тебе таскаться вниз по реке ради белокурых мочалок. У нормального мужчины рядом должна быть женщина. Эта вполне подходит. Взгляни, какие у неё глаза, представь, как приятно

будет прикоснуться к её животу...

— Ты меня уговариваешь?

— Ты попал в точку, старик! — усиленно закивал лохматой головой Джек.

— А сам-то, как я погляжу, не спешишь снова обзавестись семейством.

— Ты же знаешь... Однажды тебе придётся взять кого-нибудь не на одну ночь. А может, ты собрался обратно на восток? Тогда я тебя понимаю, тогда тебе никакая жена ни на чёрта не требуется. На востоке никто не оценит такую женитьбу, это так же верно, как то, что во время дождя на земле появляются лужи.

— Я никуда не собираюсь отсюда, разрази меня гром. Но чтобы женщина находилась постоянно рядом... а как же свобода?

— Перестань нести чепуху. Оставить скво в племени ты сможешь всегда, коли надумаешь отправиться в путь один. Вспомни остальных наших. Больше половины трапперов взяли себе индейнок, при этом кое-кто из них имеет белую жену где-то в Штатах...

Рэндал повернулся к Медведю, который молча наблюдал за разговором белых людей. Затем Рэндал внимательно посмотрел на сидевшую перед ним девушку. Глаза её были опущены.

— Он привёл её к тебе, а не завёл разговор в её отсутствие, — продолжал Джек, — твой отказ может оскорбить этого парня... Кроме того, пошевели мозгами. Он далеко не простой дикарь, клянусь самым дорогим, что у меня есть. Он следует советам голосов, которые нам с тобой не слышны. Возможно, и в этот раз он знает что-то, о чём не ведают другие...

Скотт глубоко вздохнул. Он прекрасно понимал, что у дикарей никто так легко не отдавал девушек. Период ухаживания всегда тянулся долго, иногда лет пять-шесть. Когда же молодой человек решался сделать предложение, он просил кого-нибудь из своих старших родственников поговорить об этом с родителями своей любимой. Случалось, будущий зять лично приходил свататься с десятков раз и каждый раз приводил по несколько лошадей отцу своей избранницы.

Но трудности относились, пожалуй, лишь к периоду сватовства. Для создания же семьи, как любили говорить сами Лакоты, требовалось три вещи: постель, котелок, где можно приготовить обед, и старик, который мог бы благословить молодых.

Скотт не знал Медведя, не представлял, что у него за нрав. Он не догадывался о том, как этот краснокожий со строгим лицом заполучил жену. Он не имел ни малейшего понятия о том, что двигало

индейцем. Но Рэндал Скотт хотел женщину.

— Хорошо, — он сделал утвердительный знак, — будь что будет.

Медведь удовлетворённо кивнул головой и улыбнулся. Затем он скинул с плеч мягко выделанную бизонью шкуру и набросил на Рэндала и молодую женщину. После этого он поднялся. Следом встала Магажу-Уинна, и они вместе покинули типи. Рэндал удивлённо проводил их глазами и покосился на Джека. Тот откинулся на спину и тихонько стал напевать что-то. Через некоторое время девушка вернулась со своими вещами и принялась в полном молчании раскладывать их слева от входа.

— Теперь у нас есть женская половина, — засмеялся Джек, едва показывая зубы сквозь бороду. — Не забудь сделать подарок Медведю...

— Магажу... — задумчиво проговорил Рэндал, разглядывая склонившуюся девушку. — Пожалуй, мне не нравится это имя.

Он шагнул к вперёд и присел на корточки возле неё.

— Я буду звать тебя Мэгги. Ты — Мэгги, — он указал пальцем на неё и ещё раз повторил имя. — Переведи ей, Джек.

[1] В те годы женщины Арапахов ещё нередко ходили с обнажённой грудью в жаркую погоду. У остальных прерийных племён подобное поведение вызвало бы активное осуждение. Неприличны считались даже голые колени, когда женщина ехала верхом на лошади и платье сильно задиралось, поэтому всадница обязательно набрасывала на ноги одеяло или бизонью шкуру.

Акичита Нажин

(рассказ в переводе Уинтропа Хейли)

Когда наши женщины вынашивали ребёнка, они строго соблюдали многие правила, которые относились только к беременным. Так они обязательно поднимались до восхода солнца и совершали прогулку, потому что в материнском чреве дети лучше росли в это время суток. Беременные никогда не задерживали надолго свой взгляд на предметах или существах, которые казались им странными, так как это могло плохо отразиться на младенце.

Роды происходили прямо в доме, но в отдельных случаях, когда об этом предупреждал шаман, ставилась специальная маленькая палатка. Приходили взрослые женщины-родственницы, чтобы оказать помощь. Иногда они просили, чтобы шаман исполнял священную песню. Он мог находиться в этой же палатке, но чаще обращался к Великому Духу у себя в типи.

Плаценту обязательно собирали в окуренный мешочек и вешали на дереве за пределами лагерного круга. Закапывать в землю его было нельзя, потому что это могло наслать смерть на новорождённого. Пуповину тоже прятали в специальный мешочек, сшитый в форме черепахи или ящерицы. Этот мешочек целый год висел у ребёнка на шее. Малыша обмазывали жиром, с которым был смешан перетёртый навоз бизона, сгнившая сердцевина тополя и порошок из гриба-дождевика.

Имя ребёнку чаще всего давали родители отца. Но когда Магажу родила сына, имя ему дал Медведь, потому что среди нас не было никаких родственников её белого мужа. Сам он тоже был в отъезде, когда на свет появился его сын. Он часто уезжал со своим другом Собакой, за это мы прозвали его *Ичи-Мавани*, то есть Путешествующий Без Семьи. Медведь нарёк сына своей сестры *Ханвийанна Чикала* — Маленький Лунный Свет, так как он вышел из тела матери, когда нарождался новый месяц. Но Ичи-Мавани, вернувшись в племя, назвал его Диком. Пока мальчик рос, все так и называли его — Дик-Ханвийанпа (Дик Лунный Свет).

Чуть позже у Медведя и Шагающей Лисицы родилась дочь. В ночь, когда девочка появилась на свет, многие слышали неизвестную песню с вершины горы, у подножия которой стояли наши палатки. Я тоже

слышал ту песню. Она была очень красива, но не имела слов. Никто не мог понять, о чём в ней говорилось. Медведь назвал дочь *Олоуан Вакан* — Священная Песня.

В нашем племени любили детей и относились к ним с уважением. Женщин всегда было больше, чем мужчин, поэтому рождение сына в семье было большим праздником. Но любили всех — мальчиков и девочек. Медведь был рад появлению дочери. Он ждал её рождения. Ему рассказывали о ней невидимые существа, с которыми он постоянно разговаривал.

У нас не было принято, чтобы дети плакали, даже самые маленькие быстро привыкали вести себя тихо. Когда они начинали кричать, мать сразу кормила их. Если они не замолкали, то их укладывали в люльку, выносили из типи и подвешивали на дереве в стороне от стойбища, где они никому не мешали своим звонким голосом и где никто не обращал на их вопли внимания. Таким образом младенцы быстро усваивали, что кричать бесполезно. Были, правда, случаи, когда таких детей убивали враги, подкрадываясь к нашему лагерю. Мой первый ребёнок был так убит. Но жена родила мне ещё сына и двух дочерей.

В те далёкие годы наши дети росли крепкими. Нас окружали красивые горы и леса, воздух был свежим. У нас имелось множество лошадей, на которых как мальчики, так и девочки учились сидеть с малолетства. Некоторые мальчики получали в подарок от родителей коня, когда им было всего пять-шесть лет.

Дети не боялись купаться в самой бурной реке. Зимой они смело ныряли в ледяную воду. Летом играли под палящим солнцем.

Лет до десяти мальчики и девочки росли вместе, но едва в них пробуждались особенности их пола, они расходились и начинали готовиться к обязанностям, которые им предстояло выполнять по жизни. Родители оповещали всю деревню, когда у девочек случалось первое месячное кровотечение, и люди праздновали появление ещё одной женщины. И обязательно устраивались торжества, когда мальчик впервые убивал дичь на охоте, и отец дарил по этому поводу лошадь кому-нибудь из нуждавшихся. После этого мальчики окончательно становились на воинский путь.

У нас была прекрасная жизнь.

Я помню, как-то раз я собрался с моим другом по имени Ночная Выдра в поход за лошадьми. Я велел, чтобы жена приготовила мне новые мокасины и собрал мои амулеты. Утром мы выехали вдвоём, но вскоре нас догнал мальчуган на гнедой лошади. Он никогда не бывал ещё в военных походах и сказал, что обязательно поедет

с нами. Он был слишком молод, и я сказал, чтобы он отправился обратно.

— Нет, — возразил он, — можете не брать меня, но я поеду следом. Я не могу возвратиться просто так, раз я решил стать мужчиной.

Его звали Крадущий Мясо, потому что он был ловким и лучше других воровал мясо у женщин. Наши мальчишки часто играли в войну, и в одной из таких игр женщины, развешивавшие мясо для высушивания, были для них вражеским лагерем, из которого нужно было утащить незаметно кусок мяса. Он был лучшим среди других.

Я согласился взять его с собой.

Три дня нам не попадалось ничего из дичи. Я не знаю, что была за причина. Мы сильно проголодались, и когда, наконец, подстрелили бизона, то сразу вскрыли брюхо и принялись пить его кровь, набирая её в ладони. После этого мы уже спокойно зажарили лакомые кусочки мяса и стали поедать их, смачивая в крови бизона.

Вечером того же дня мы увидели деревню Псалоков. Они пировали после удачной охоты. Это делало их внимание слабым. Я был доволен.

Устроившись на горе, я достал несколько просушенных косточек бизона и поджёл их, окуривая их дымом мои амулеты. Я всегда пользовался дымом от тлеющих костей быка, потому что мне сказали делать так в моём священном видении.

Ночью мы спустились к лагерю наших врагов и легко увели из загона двадцать лошадей. Посреди загона стояла сторожевая палатка, но в ней никого не оказалось, так что всё прошло без труда. Но чуть в стороне от деревни мы неожиданно наткнулись на двух влюблённых, которые, как я думаю, встретились тайно от родителей и совокуплялись, пока все родственники пировали. Я сразил стрелой мужчину, а Ночная Выдра свалил женщину топором. Крадущий Мясо дотронулся до каждого из убитых, но не захотел ни с кого срезать волосы. Я помню, что многие наши дети не любили заниматься этим. Я видел, как одного мальчика стошнило, когда он прибежал на поле боя и начал ножом резать кожу на голове поверженного врага. И он всё же dokonчил своё дело. Но Крадущий Мясо не снял с врагов скальпы. Он заработал два прикосновения, а это гораздо важнее.

Да, в то далёкое время наши дети спешили стать настоящими мужчинами. Они росли крепкими и смелыми.

Замечательные были годы.

Мато Уитко

(его собственные слова)

Было принято, чтобы во время Пляски-Глядящих-На-Солнце (белые чаще называют её Пляской Солнца) танцора поддерживали не те, кто прошли церемонию в прошлый раз, а более старые люди. Старикам всегда отдавалось предпочтение, когда дело касалось советов и помощи. Я говорю не о помощи в сражении, где нужна ловкость и физическая сила, а о духовной силе, ведь наша Пляска была священной церемонией.

Я отправился к Горному Пальцу и подарил ему коня, сказав, что хочу принести моё тело в жертву и что мне нужна его помощь. Горный Палец часто выступал наставником в этом деле, многие решившиеся пойти на самоистязание обращались к Горному Пальцу. Его старые, морщинистые, но очень большие и всё ещё крепкие руки вызывали у меня чувство уверенности. Его глаза много повидали. Его руки много сотворили. Его голова много хранила в себе. Горный Палец отправился к Бобровому Хвосту и Однороговому Быку, чтобы переговорить с ними.

Вечером они пригласили меня к себе. Женщины ушли из палатки на время нашей беседы. Я принёс им мою заранее набитую трубку. Однорогий Бык принял её и положил слева от себя. После этого Горный Палец медленно набил табаком трубку, которая до тех пор лежала в его сумке. Мы выкурили её. Старики дали мне предварительные наставления, особенно подчеркивая, чтобы я не принимал ни пищи, ни воды за день до церемонии. Затем они сказали, что утром возьмут мою трубку и пойдут молиться.

За день до назначенного срока я ушёл далеко от нашей деревни, чтобы провести время в одиночестве. Сам Праздник Солнца продолжается у нас четыре дня. Все веселятся, поют песни, устраивают торжества, угощают друг друга. Это особенное время. Поскольку различные общины стекаются со всех сторон в один огромный лагерь, людей становится невероятно много. Народ делается по-настоящему единой семьей. Многим удаётся встретиться с родственниками только на таких праздниках. Поэтому каждый день Пляски Солнца — это отдельное торжество, очень яркое, пышное и громкое.

Когда я сказал Горному Пальцу, что отправляюсь поститься, он дал мне пучок полыни и велел пожевать его, прежде чем я покину деревню.

В те времена мы проводили церемонию жертвоприношения Солнцу в специально поставленном священном типи. Это типи не было конусообразным, как обычные жилища. Стены его стояли вертикально, а крыша сходилась конусом. Этот шатёр покрывался не шкурами, как обычная палатка, а ветвями, листьями и травой. Там присутствовали только члены военных и религиозных обществ.

Но уже в те годы пляска с истязаниями в некоторых общинах проходила под открытым небом, а лет через десять во всех наших племенах перестали устанавливать палатку для священной пляски, и все индейцы могли смотреть на тех, кто приносил свою плоть в жертву.

Обстановка в палатке, где мне предстояло подвергнуться мукам, была знакомая, потому что я каждый год бывал в ней, но никогда я не смотрел на собиравшихся там со стороны центрального шеста, с которого свисали длинные кожаные ремни с петельками на концах.

Не знаю, сможет ли кто из белых людей понять чувства человека, которому предстояло один на один встретиться с Великим Духом и через Солнце передать частицу своего существа в мир, куда отправились тысячи животных, которых мы потребили в пищу. Мы собирались страдать для того, чтобы искупить свою вину перед всеми, кого когда-либо обидели, ранили или убили.

В тот день вместе со мной приносили свои тела в жертву Стоящая Вода и Мокасин-Из-Заячьей-Кожи.

Мне намазали краской лицо и подвели к священному шесту, который поднимался из сумрачного шатра вверх к специальному отверстию, откуда падали лучи стоявшего в зените солнца. С того крепкого шеста (это был ствол специально подобранного стройного дерева) свисали длинные кожаные ремни, символизировавшие лучи солнца. Этот шест изображал в нашей церемонии ось мироздания, вокруг которой бежала жизнь.

Горный Палец оттянул мне двумя пальцами кожу на левой груди, затем на правой и проткнул её остро заточенными костяшками. Сразу побежала кровь. В проколотые места старик продел мне крепкие палочки, очищенные от коры, и на их кончиках закрепил петли ремней, свисавших с шеста. Затем, чтобы проверить, хорошо ли всё закреплено, он сильно подёргал за ремни и утвердительно закивал головой.

Мы все были приучены к боли, иначе не могли бы воевать. Но то, что я испытал во время Танца Солнца, когда я откинулся назад всем корпусом и длинные ремни натянули кожу на моей груди, ни на что

не было похоже. Тело просто отказывало выносить такую боль. Оно словно отступило от меня в сторону, потому что я перестал чувствовать что-либо. Боль была повсюду вокруг меня и клубилась чёрным туманом. Ей не было конца. Мне казалось, что страшная сила пыталась выдернуть мою спину через мою грудь. Ноги отказывались двигаться, земля тащила тело к себе.

У каждого из нас, танцующих, в орту был свисток из кости орлиного крыла. Мы должны были свистеть и петь, не выпуская свистка из рта, то есть петь только голосом, без слов. Я пытался петь, но голос исчезал. В голове завертелось, поднялся оглушительный шум. Я видел многочисленные цветные пятна, которые распускались перед моими глазами, как сказочные цветки. Но я не был способен оценить их красоту в тот момент. Затем я услышал громкий, очень громкий неизвестный мне голос, который звучал у меня в голове. Он тоже пел. Песня его была полна удивительной силы. Мне сейчас кажется, что только эта песня удержала меня в вертикальном положении. Она была стволом дерева внутри меня. Ветви этого дерева протянулись сквозь мои руки и заставили их подняться к солнцу. Постепенно я стал повторять слова этой песни и различил мой собственный голос.

После праздника мне сказали, что я принёс новую священную песню. Её стали часто исполнять во время других Плясок Солнца. Но сам я не смог запомнить её в тот раз. Лишь позже я услышал, как её пели другие.

Внезапно что-то огромное надавило на меня изнутри, и я увидел, как все собравшиеся в священном шатре люди стали удаляться — я взмыл над землёй. Вместе с ними остались внизу и танцоры. Среди них я разглядел себя. Странно было смотреть на то, что происходило вокруг шеста, странно было ощущать себя в стороне от невыносимой боли и при этом чувствовать её в теле, которое я созерцал сверху. Я осознал, что был солнечными лучами в тот момент. Я был голосом, который струился с небес:

— Ты есть часть Земли, по которой ступают твои ноги. Поддержи тех, чья поступь слаба. Ты есть часть Неба, которое дышит на тебя свежим ветром, так прильни кустам утомлённых и насыть их лёгкостью. Ты есть капля Воды, которую ты пьёшь. Ороси собою Землю, напои собою людей. Раздай своё тело по частям, накорми им тех, кто голоден, кому нужно тепло, кому не хватает силы. Через тебя льётся Великая Сила Бесконечности, так будь щедр и одари ею других...

Голос смолк, и я мгновенно увидел окружающий мир привычным

мне образом. Я двигался по кругу вместе с другими под оглушительный бой барабанов. Кожа на груди громко трещала, кровь брызгала, полностью залив наши ярко раскрашенные тела. Многие думают, что человеческая кожа не очень прочна, но в действительности она способна выдержать огромную нагрузку. Я знал людей, которые молились Великому Духу, находясь несколько дней в подвешенном состоянии на ремнях, продетых сквозь кожу груди; и кожа не рвалась. Но это очень больно.

В более поздние времена, когда Пляска Солнца стала проходить не в священном типи и среди зрителей было много женщин, к танцорам время от времени подходили жёны, сёстры или специально отобранные для танца девственницы. Двигаясь рядом с окровавленными танцорами, они просовывали им в рот пучки смоченной целебной травы. Они танцевали рядом и подбадривали. Шагающая Лисица не могла приблизиться ко мне, потому что в то время никого из посторонних не было внутри.

Когда ремни, наконец, вырвались из кожи, я едва не упал, но кто-то подхватил меня сзади и удержал на ногах. Горный Палец помог мне подойти к центральному шесту и усадил на циновку. Ко мне шагнул шаман и острым ножом срезал с моих ран болтавшиеся лохмотья плоти. Эти кусочки он завернул в оленью кожу и позже закопал где-то в землю. На грудь мне наложили целительные травы и сделали перевязку мягкими кожаными полосками.

После этого я покинул священное типи. Шагающая Лисица бросилась ко мне, я видел в её глазах вопрос.

— Я слышал голос Того-Кто-Вдыхает-В-Нас-Жизнь, — сказал я.

Затем я ушёл в сторону от лагеря и всю ночь молился. Грудь очень болела, но через эту боль я соприкасался со всем миром, который страдал. Я слышал, как в деревне продолжалось громкое пение, сквозь него прорывались звуки свистков из кости орла. А утром за мной прискакал на коне Чёрный Пёс и отвёз меня в деревню.

Так я прошёл через мою первую Пляску Солнца. Я был счастлив. Я чувствовал единство со всем мирозданием. Я пожертвовал мою плоть для того, чтобы искупить вину многих людей, чтобы дать им возможность спокойно идти по Священной Тропе Жизни.

Рандеву

Лошадиная Река впадала в Зелёную Реку на полпути к Верхней Долине. В те годы, когда индейцы и трапперы активно промышляли пушниной, долина между этими двумя речушками была сплошь покрыта деревьями и валежником. В 1832 году капитан Бонневиль[1] рискнул возвести там торговый пост, который горные охотники называли Чепуховым Фортom, считая, что место было чересчур высоким, да и зимы в том месте слишком суровы. И небольшое деревянное укрепление с обмазанными глиной стенами вскоре опустело.

Именно к этому заброшенному строению Джек-Собака намеревался добраться прежде других, но замешкался в деревне Оглалов, так как Скотт впервые решил взять с собой на Рандеву жену с сыном. Мысль эта посетила его перед самым отъездом, и сборы отложились на день. Шутя он предложил Медведю присоединиться к ним, и тот, к всеобщему удивлению, согласился. Первые два дня с ними ехали ещё пятеро Оглалов, не спрашивая, куда и зачем направлялись трапперы. Эти индейцы просто сели верхом и поскакали следом, как бегут без всякой причины собаки за уезжающими гостями. Лишь когда они выяснили, что место, куда собрались их друзья, будет переполнено Змеями[2], бесконечно враждующими с Лакотами, они повернули обратно.

Остался Медведь. Он ехал молча и напряжённо всматривался в горы перед собой. Ему предстояло увидеть и понять что-то важное... Интересно, сколько Бледнолицых бродило по этой земле, какие они, все ли похожи на этих двоих?

— Близо уже, — довольно ухмыльнулся Джек-Собака и откинулся в скрипящем седле.

Всё пространство впереди было заполнено лесистыми склонами холмов. Въехав на гребень ближайшего из них, всадники остановились. Внизу сверкала полоска реки, за ней раскинулась зелёная долина, усеянная тёмными пятнами кустарника. А ещё дальше дрожали в прогретом голубом воздухе силуэты угрюмых утёсов. Вдоль реки протянулся длинный ряд индейских палаток, которые с далёкого расстояния ярких солнечных лучах казались белоснежными. Различались снующие человеческие фигуры. Индейцы и белые перемешались в единую массу.

Ближайшая группа, которую они проехали, сидела на земле, расположившись по кругу, и увлечённо играла в «руки». В центре лежал мешочек с бисером, горсть пуль, пара охотничьих ножей. Это предназначалось очередному победителю. Водившему игроку предстояло отгадать, у кого из сидевших по кругу был зажат в кулаке крохотный кусочек дерева, который незаметно передавался из рук в руки. За таким азартным занятием многие нередко проводили целый день.

Медведь настороженно оглядывался. Повсюду бродили индейцы из племён Плоскоголовых, Змей и Проткнутых Носов. Их собралось несколько тысяч. Стольких врагов сразу Медведь не видел никогда. Это было похоже на сходку разных общин Лакотов в общий лагерь. Индейцы пели и танцевали, разбившись на маленькие группы, отовсюду доносился смех. Бородатые белые люди в грязных куртках из грубой замши плясали бок о бок с голыми дикарями. Тут и там шёл бойкий обмен товарами. Стойкий запах завис над поляной, где в огромном количестве были разложены дублёные шкуры и ремни из кожи бизона. Возле мешков с сушёным мясом лежали кровавые куски только что разделанных оленьих туш. Куда ни глянь, весело переговаривались женщины, раскладывая на пёстрых одеялах ярко расшитые мокасины. Дымились костры, валил пар от покрытых копотью котлов, в которых бурлил обед.

Жители Дальнего Запада могли есть без конца. Если позволяли обстоятельства, то охотник съедал за ужином до четырёх килограмм мяса, затем спал пару часов, пробуждался и вновь садился есть. Никто не знал, что такое плохой аппетит. Бродившие повсюду олени, антилопы, лоси и горные бараны гарантировали сытное кушанье в любое время суток, нужно было лишь уметь подобраться поближе к этим чутким рогатым красавцам.

Охотники Скалистых Гор были людьми особой породы. Крепкие, выносливые, суровые. При этом они всей душой любили тот дикий край, иначе ни один из них не остался бы там жить, окружённый неизвестностью и дикарями, дружелюбие которых могло в любую минуту смениться яростной ненавистью. Пожалуй, именно любовь к вольным просторам и страсть к кочевой жизни делали их людьми привлекательными в глазах большинства новичков, несмотря на невежество охотников, а зачастую и тупость.

— Поставим типи ближе к центру, — сказал Джек, посмотрев на Мэгги, — вон там есть хорошее местечко. И оставь вход распахнутым, пусть входят все желающие.

Девушка кивнула головой и оглянулась. На волокушах, где был сложен весь домашний скарб, сидел Дик Лунный Свет, вцепившись ручонками в оборудованный над ним каркас из ивовых прутьев, который оберегал его от возможного падения. Мальчик улыбался и ощупывал глазами все предметы, проплывавшие мимо него.

— Мато, — обратился Джек к Медведю, — ты пока не отлучайся от нас далеко. Слишком много тут Змей. Пусть они свыкнутся сперва, что среди них есть Лакота, пусть выкурят с нами трубку у костра, успокоятся.

Тот спокойно кивнул и сел на землю, скрестив ноги.

Неподалёку пятеро Плоскоголовых пронзительно пели, стуча по барабану, на котором были развешано много маленьких колокольчиков. Чуть поодаль группа индейцев стреляла из лука, состязаясь в быстроте. Каждый из них старался выпустить как можно больше стрел, куда первая из них не упала на землю. Для этого первая стрела запускалась как можно выше. Мужчины были раздеты почти донага, оставшись лишь в набедренных повязках, чтобы одежда не сковывала движений. Длинные волосы были заплетены в косы и туго связаны на затылке. Коричневые тела живописно изгибались, когда лук натягивался, прекрасно развитые мышцы вздувались и сверкали на солнце, когда рука стрелявшего молниеносно выхватывала стрелу из висевшего за спиной колчана.

Медведь с интересом следил за ними и чувствовал, как в нём пробуждался азарт спортсмена. Сам он в подобных состязаниях успевал выпустить восемь стрел. Победителем пока оставался Плоскоголовый, выпустивший шесть стрел. Страсти накалялись. Подходили новые желающие показать своё умение. Испытал свои силы и какой-то траппер, но под дружный смех зрителей отложил лук, не успев пустить вторую стрелу. Женщины напевали что-то своё, когда выходил очередной участник.

Медведь поднялся и шагнул было к стреляющим, желая поучаствовать в соревновании, но в этот момент что-то случилось, и индейцы подняли страшный крик. Они принялись размахивать руками и быстро разделились на две группы. Голоса женщин слышались громче остальных. Медведь снова сел, решив, что не стоило приближаться к своим разбушевавшимся врагам, так как они с лёгкостью обратили бы своё раздражение против него. Но вспыхнувшая ссора вскоре утихла, и Плоскоголовые разошлись.

До его слуха доносились только чужие языки. Это был странный мир, в котором Медведь не понимал ни слова. Это была страна врагов.

Когда вернулся уходивший куда-то Рэндал, жена дала ему поесть и села рядом с ним. Медведь внимательно смотрел на сестру, изучая её взгляд и жесты. Кем был для неё этот светловолосый мужчина, давший жизнь её сыну, ласкавший её ночами, приносивший ей мясо с охоты и красивые одеяла из таких больших лагерей белых людей? Похоже, что она успела наделить его всеми лучшими качествами, которыми обладали воины её родного племени, хотя он никогда не привозил вражеских скальпов и не отправлялся с её соплеменниками в военные походы. Она считала его не просто сильным, каким в её глазах был настоящий воин, но гораздо более могущественным и важным. Он дарил ей платья, о которых другие девушки в племени не могли даже мечтать. Ей не приходилось бесконечно мездрить шкуры, чтобы шить из них одежду, хотя она с удовольствием выделывала кожу, чтобы сшить мужу мягкую куртку и мокасины. Как и все женщины, она ставила палатку, собирала поклажу в дорогу, разводила костёр и всегда имела наготове что-нибудь к обеду. Ей нравилось ухаживать за ним, потому что он был ласков, никогда не бил её и очень много разговаривал с ней, несмотря на то, что она ещё едва понимала английскую речь.

Рэндал Скотт сильно изменился характером с момента первой встречи с трапперами. Шесть лет жизни в краю, не знающем милосердия, оказали влияние на самые стойкие привычки, привезённые из мира цивилизации. Теперь вид растерзанных мертвецов не приводил Рэндала в дрожь. Его одежда впитала в себя пороховую вонь многих кровавых стычек с дикарями. Он учился выживанию в пустынной прерии и среди крутых утёсов у Джека-Собаки, Джима Бриджера и Джо Мика. Под конец первого года своего пребывания на Западе он бок о бок с Саблетом и Кэмпбелом рубил деревья для постройки форта Вильям. Он был одним из тех, кто вместе с Бриджером уничтожил деревню воинственно настроенных Банноков, после чего к трапперам пришла выкурить трубку дряхлая старуха, плача, что все мужчины племени погибли. Вместе с другими охотниками он снял шапку с головы в знак глубочайшего восхищения и уважения, когда доктор Уайт и доктор Спалдинг привезли на Рандеву 1838 года своих белокурых невест. Как ещё могли выказать грязные и пропахшие потом мужчины своё почтение? Кто-то достал американский флаг и запел гимн. Потрясённые нежным обликом светлокожих незнакомок индейцы устроили в тот день колоссальный парад.

Рэндал умел веселиться, умел быть спокойным, умел собирать всё

своё внимание в нужный момент. Но сейчас он сидел перед костром непривычно возбуждённый. Медведь не видел его таким никогда. Рэндал выглядел больным.

— Что беспокоит Ичи-Мавани? — спросил о нём Медведь Джека.

— Ты не поймёшь, — пожал плечами Собака. — Один человек показал ему *маза-скази*[3]. Жёлтый металл дурно влияет на него, насылает болезнь на его сердце.

— Странно. Это лишь металл. Он бывает в маленьких кусочках и в виде песка, но в нём не живёт злой дух.

— На некоторых белых людей маза-скази действует хуже самого злого духа.

Медведь поднялся и, шагнув к Рэндалу, сел перед ним и заглянул в его глаза. Тот странно дёрнулся и вдруг застыл. На несколько мгновений Рэндал перестал видеть что-либо вокруг себя, шумный людской говор, топот лошадей и индейские песни провалились в тишину. Перед глазами возник грубо сколоченный сарай, возле которого ковырялись в земле грязные фигуры, затем вспыхнула на солнце вода и тут же окрасилась кровью.

Джек-Собака наблюдал за приятелем, разинув рот. Затем Медведь поднялся во весь рост. Встал и Рэндал, помотав головой, словно сбрасывая что-то с себя. Индеец сделал отрицательный жест рукой и сказал твёрдо:

— *Хечон шни йо. Эчи чийе*. Не делай этого. Я тебе не советую.

— *Токхечаэ?* Почему? — удивился Скотт и сию секунду повернулся к Джеку. — Да и чего не делать? О чём он?

Джек-Собака озадаченно смотрел на стоявших друг перед другом индейца и траппера и ничего не понимал. Происходило нечто более тонкое, чем мог воспринять обычный человек. Джек хмыкнул, сплюнул, помусолил пальцами свою седеющую бороду и что-то стал выспрашивать у Медведя. Рэндал понимал лишь отдельные слова в бурном диалоге и с нетерпением ждал разъяснений от товарища.

— Одним словом, старина, он говорит, что золото для тебя означает смерть. Есть вещи, к которым некоторым людям даже приближаться нельзя. Похоже, для тебя это золото. Лучше я не смогу растолковать тебе, извини...

— Почему? *Токхечаэ?* — вновь повернулся Рэндал к Лакоту, и его глаза были полны горячего недоумения.

— *Токхечинйан эчанун ойакихи кейаш, лухакте шни*. Поступай по своему усмотрению, но у тебя этого не будет. — Индеец ткнул Рэндала указательным пальцем в грудь и вернулся на своё место.

Некоторое время висела пауза, затем Рэндал тоже опустился на землю, проворчал что-то вроде «дурак» и принялся доедать то, что оставалось у него в плошке.

Вечером перед их палаткой столпились возбуждённые Змеи и Плоскоголовые. Размахивая руками, в которых были стиснуты боевые дубинки и луки со стрелами, дикари вызывали к себе Медведя. В сгустившемся сумраке они смотрелись плотной массой. Их глаза блестели. Они хорохорились, стучали себя в грудь, очевидно похваляясь собственной храбростью.

Почти сразу, едва зашумели голоса снаружи, из типи шагнул Джек-Собака с ружьём в руке и демонстративно высморкался под ноги столпившимся туземцам. Следом вышел Рэндал, недовольно сдвинув брови и похлопывая ладонью по прикладу карабина. Сквозь индейцев протолкнулся кто-то из трапперов.

— Что стряслось, дружище? Что это их распирает?

— Похоже, эти парни решили разорвать на куски нашего приятеля, — проворчал в ответ Джек. — Он ведь — Сю.

За их спинами появился Медведь. Его лицо казалось высеченным из камня, ни единый мускул не дрогнул, выдавая волнение. Он стоял неподвижно, и взгляд его был устремлён куда-то сквозь фигуры кричавших, словно не видя их. Можно было лишь догадываться о чувствах, которые обуревали этого отважного воина, прошедшего через десятки сражений и свалившего не один десяток врагов.

— Раздери меня дьявол, если я когда-нибудь видел подобную выдержку! — воскликнул прибежавший траппер. — Этот кремён, пожалуй, будет не по зубам Змеям... Они сейчас лопнут с досады, что он не обращает на них внимания, или пусть меня называют желторотым в подобных делах!

— Ладно! — повысил голос Джек и направил на дикарей жерла своей двустволки. — У вас хорошие громкие голоса и прекрасно подвешенные языки, вы это здорово доказали. Теперь можете отправляться к своим скво и заняться более полезным делом, чем сотрясать воздух перед нашим домом, потому что мне это не нравится. Если вы этого не понимаете, то я запросто вам объясню другим языком.

Он сделал пару шагов к ближайшему индейцу и приставил стволы к его покрытому жиром лбу. Тот застыл. Позади Джека стоял, приложив приклад к плечу, Рэндал и медленно переводил ствол карабина с одного краснокожего на другого.

— Здесь мирный лагерь, — продолжал Джек, слегка надавливая

оружием на лоб своей жертвы. — Мы приехали с другом... Он наш друг, понятно? Если хотите воевать с ним, воюйте и с нами. Или вы встречались с нашим другом в бою и позорно бежали, а теперь хотите наброситься на него всей стаей?

Тут Джек проворно перескочил к другому индейцу и приложил ружьё к его горлу.

— А разве ты, Прыгающая Птица, не воевал против меня раньше? Ты не помнишь, как твой топор разбил мне плечо? Но то была война. Затем мы стали дружить. Разве я приходил в дурном настроении к твоему дому после того? Разве злился я на тебя?... Здесь мирный лагерь, а вы пришли к нашему дому требовать смерти нашего друга!... Повторяю, что вам придётся сперва побеседовать с нами...

Те индейцы, которые понимали английскую речь, торопливо переводили слова белого охотника остальным. Бородатые звероловы привыкли хладнокровно встречать опасность в любых ситуациях, помня, что территория, где они занимались ловлей зверей, кишела дикарями. Индейцы знали характер Бледнолицых охотников. Они не раз имели возможность оценить их выдержку и ловкость. Нередко случалось, что двум трапперам приходилось сдерживать отряд в сотню индейцев до прихода подмоги. Они становились спиной к спине и держали на прицеле всякого, кто осмеливался приблизиться к ним. Стрелы индейцев не могли достать людей с огнестрельным оружием, если дикари держались на расстоянии безопасном, чтобы не попасть под пулю. Трапперы же никогда не стреляли одновременно, всегда держа одно из ружей наготове, пока другое перезаряжалось. А стрелять они умели отменно.

Мало-помалу сгрудившиеся стали расходиться, и вскоре никого не осталось перед палаткой.

— Теперь, я думаю, самое время отправиться посмотреть на танцы и самим пошаркать мокасинами, — повернулся Джек-Собака к Медведю и улыбнулся. — Там очень весело...

Медведь посмотрел на испуганную сестру, которая выглядывала из палатки, и сказал ей:

— Не бойся, здесь нет врагов. Духи говорят мне, что ничего не случится.

[1] Капитан Бенджамин Луи де Бонневиль был сыном одного из тех, кто бежал из Европы от преследований Наполеона. Окончив военную академию Вест-Пойнт в 1815 году, он отправился проходить службу в пограничные районы. Он вошёл в историю как первоклассный исследователь необжитых районов Дальнего Запада.

[2] Змеями Дакоты называли племя Шошóнов, которое входило в Юто-Астекскую языковую семью.

[3] *Маза-скази* — жёлтый металл, золото (*маза-ска* — белый металл, серебро, а также железные деньги; *маза-сапа* — чёрный металл, железо).

Мато Уитко

(его собственные слова)

Однажды мы кочевали к Волчьим Горам и сделали привал на берегу мелкого каменистого ручейка. Во время таких остановок мы никогда не устанавливали типи, но если солнце слишком припекало, то женщины сооружали для своих мужей маленькие навесы, набрасывая на четыре невысоких шеста край кожаного покрытия от палатки. Самые ленивые мужья вытягивались на земле и требовали, чтобы их обмахивали веерами, сделанными из птичьих крыльев.

Неожиданно для всех нас мы увидели всадника. Он неторопливо переезжал через ручей совсем близко от того места, где шумно резвились дети. Это был белый человек, но одежда его отличалась от привычного нам вида охотников. Ничто в его костюме не было сшито из кожи. Гораздо позже, когда я попал в большие города Светлоглазых, я увидел много таких нарядов и понял, что тряпичная одежда гораздо мягче и удобнее наших кожаных рубах и ноговиц. Но в те дни мы ещё не привыкли к такому облачению. Незнакомец вёл на поводу вторую лошадь, увешанную мешками и коробками. Вокруг него сразу собралась толпа. Вперёд протолкались мужчины, держа в руках луки и топоры.

— Кто ты такой? — закричал Короткохвостый Пёс, схватив лошадь чужака под уздцы. Этот воин всегда отличался грубым нравом и желанием запугать любого новоприбывшего своим громким лающим голосом.

Но белый человек не проявил ни тени страха. Он широко улыбнулся и снял с головы шапку, которую мы тоже видели впервые. Она была очень плоская, похожа на лепёшку и спереди у неё торчал козырёк, за который незнакомец и держал свой причудливый головной убор. Некоторые из наших протягивали руки и ощупывали мягкие штанины и рукава его рубашки, принимаясь к ним.

— Что ты ищешь тут? — продолжал выкрикивать Короткохвостый Пёс.

Бледнолицый что-то ответил и достал из висевшей через плечо сумки предмет, очень похожий на таинственную тетрадь Ичи-Мавани, но чуть большего размера. Он перелистнул страницы, и мы увидели невероятно правдоподобные рисунки. На нас смотрели лица людей,

и они казались живыми, разве что не шевелились! Лакоты не умели так рисовать. Мы изображали всё гораздо проще и условнее. Кто-то хотел дотронуться до рисунка, но Бледнолицый отодвинулся и повернул альбом к себе. Некоторое время он царапал в нём что-то, и мы молчали. Такая тишина наступала лишь в минуты, когда перед людьми совершалось нечто таинственное.

Когда он повернул к нам листок, мы увидели на нём себя самих, как видел нас белый человек со своей лошади.

— Великое колдовство! — слышались со всех сторон голоса. — Пусть он покажет нам, что он умеет ещё.

Мы позволили странному человеку поехать с нами. Мы все знали, что такое рисунок, потому что наши жилища и одежда всегда украшались узорами и фигурками животных и людей. Но никто из нас не умел так ловко работать руками, как этот художник. Никто не представлял, что изображение может быть так сильно похоже на живую форму. За Бледнолицым сразу закрепилось имя *Вакан-Эчонна*^[1].

Добравшись до подножия Волчьих Гор, мы разбили лагерь, и жизнь пошла своим чередом. Детишки шумно играли, женщины занимались хозяйством, старухи бродили по деревне и ворчали на детвору, мужчины собирались в небольшие группы и посвящали себя воспоминаниям. Все делали вид, что не обращали внимания на Колдуна, пока он издалека делал зарисовки наших жилищ. Но как только он подсаживался поближе и просил кого-нибудь позировать ему, все разом отказывались.

— Это колдовство, — объясняли люди. — Мы думаем, что ты забираешь часть наших душ и помещаешь их в свои рисунки. Иначе как они выглядят такими живыми?

Художник не понимал нас, потому что разговаривал только на своём языке. Он внимательно слушал наши длинные речи и улыбался. Я мог сказать лишь несколько слов на английском, но объясниться был не в силах.

Иногда он предлагал женщинам бусы, и они соглашались посидеть перед ним, пока он работал карандашами. После этого он приносил их портреты мужчинам и знаками объяснял, что женщины храбрее своих мужей. Многие обижались и прогоняли его, но некоторые всё же давали согласие.

Среди нас жил юноша, которого в младенчестве захватили вместе с его матерью в плен в деревне Псалоков. Он совсем не помнил своих родственников и называл себя Лакотом, хотя знал, что происходил

из неприятельского племени. В детстве он часто уходил встречать восход солнца на берег реки, за что его прозвали Стоящий-На-Берегу.

Этот молодой человек первым решил доказать, что его не пугало чародейское мастерство белого художника. Он облачился в длинную кожаную рубаху тёмно-коричневого цвета, которую добыл в бою с Черноногими, и взял в руки большой топор. Стоящий-На-Берегу привязал к волосам маленькие деревянные палочки с красными чёрточками, каждая из которых обозначала полученную в бою рану, и закрепил позади головы связку перьев совы. На лице он оставил жёлтый отпечаток своей ладони в знак того, что он привёл из набега пленника.

На рисунке получился точно такой же человек. Мы были потрясены до глубины души, потому что видели перед собой сразу двух Стоящих-На-Берегу. Один из них держал в руках и разглядывал другого!

После этого сразу десять наших воинов выразили желание быть запечатлёнными рукой Колдуна. Он жил в типи Хорькового Хвоста, и сначала нарисовал его. Затем несколько дней подряд в палатку приходили остальные. Все они раскрашивали себя самым лучшим образом и одевались в живописные наряды.

Лакоты были довольны, но каждый день приходили к Колдуну, чтобы проверить, не случилось ли что-нибудь с их портретами.

Но потом произошёл плохой случай. Колдуну предложили сделать большой рисунок на совете Воинов Лисиц перед военным походом. Бледнолицый с радостью согласился, но когда он показал то, что вышло на бумаге, раздались раздражённые крики. Я услышал со стороны, как шумели голоса, и понял, что Лакоты сильно взволнованы. У нас не полагается, чтобы посторонние входили в воинскую палатку, но я поспешил туда, нарушив правила.

Первое, что я увидел, — это разбросанные листы и карандаши перед раскрашенным черепом бизона, который лежал перед алтарём из дёрна. Колдун лежал возле костра, придавленный ногой Короткохвостого Пса, и был смертельно бледен. Воины Лисицы шумели, а Короткохвостый Пёс потрясал зажатый в его руке рисунком.

— Колдун отрезал половину моего тела! Зачем он так поступил? Он хочет, чтобы половина моей силы оставила меня! Он — дурной человек, и я убью его! Почему он отобрал половину моего тела? — кричал Короткохвостый Пёс. Он был страшно перепуган и злился из-за того, что остальные видели его панику.

Я вырвал рисунок из его руки и увидел, что там были нарисованы все члены общества Лисицы, сидящие в ряд, но Короткохвостый Пёс

не поместился на бумаге. Лишь левая половина его фигуры сидела рядом с друзьями, правая же обрезалась краем листа.

— Это плохой знак, — соглашались другие Лакоты.

— Дайте мне убить его! — закричал Короткохвостый Пёс. — Он забрал половину моей силы, он обрёк меня на гибель, но я успею зарубить его!

Короткохвостый Пёс схватил палицу с круглым каменным набалдашником и ударил ничего не понимающего Бледнолицего по лбу. Череп лопнул, и кровь полилась к алтарю.

Теперь подняли страшный крик и те, кто прежде вёл себя спокойнее.

— Что ты наделал? Ты совершил убийство в священном воинском доме! Ты навлёк на нас беду!

Мы считали, что никого из тех, кто нашёл кров в наших палатках, нельзя было убивать, даже если это был злейший из врагов. За такой проступок Духи обязательно наказывали самым жестоким образом не только убийцу, но и весь род, и Лакоты строго соблюдали это правило. Теперь же Короткохвостый Пёс в гневе зарубил гостя.

Я никогда не видел, чтобы наши воины были столь растеряны. Они выбежали наружу и долго стояли без движений, не зная, на что решиться. Короткохвостый Пёс вышел последним, таща за собой мёртвого Колдуна.

— Нам нужно срочно покинуть это место, — решили старики, собравшись перед типи Воинов Лисицы. — Велите всем сворачивать палатки.

Лагерь быстро снялся с места, и мы двинулись на юг. Тело Колдуна так и осталось лежать с проломленной головой. Все вещи художника бросили возле него. Я слышал, что несколько наших юношей ночью вернулись туда и изрубили труп на куски, оставив рядом тлеющий пучок шалфея. Но я не знаю этого наверняка. Однако я видел, как все, кого Колдун нарисовал, бережно завернули свои портреты в куски кожи и спрятали их среди самых ценных вещей. Все очень боялись испортить рисунки, потому что этим могли нанести себе вред.

И всё же один лист оказался испорчен — лист, из-за которого произошёл весь шум. Бумага порвалась на лицах Хромого Оленя и Стоящего-На-Берегу. Эти двое отказались пойти в поход и ушли в горы, чтобы молиться и поститься, едва мы встали лагерем на берегу Ручья Круглого Камня.

Воины Лисицы ушли в набег через два дня. Перед этим они провели там церемонию очищения, и устроили пляску своего

общества.

Про Колдуна вспомнили вновь лишь по возвращении отряда. Гонец прискакал в деревню на рассвете и предупредил людей, чтобы они готовились к оплакиванию. Оказалось, что во время ночного столкновения, когда Лакоты прокрались в стойбище неприятеля, им устроили засаду. Погибли три наших воина, двоих из которых удалось подобрать и привезти родственникам для погребения. Третьего пришлось бросить на растерзание расвирепевшим врагам. Это был Короткохвостый Пёс.

[1] *Вакан-Эчонна* — колдун. Происходит от *вакан* (священный) и *эчон* (делать). Слово *эчон* может означать ещё нечто, побуждающее к действию, а также процесс игры.

Бизонь женщины

Старый индеец, отложил длинную курительную трубку и начал рассказ.

— Синяя Птица привёл в свой дом сразу двух красавиц, Лосиную Женщину и Бизонью Женщину, и сделал их обеих своими жёнами. Последний человек, который знал эту семью, давным-давно погиб в оглушительной схватке, и теперь лишь седовласые повествователи легенд поднимаются перед полыхающим очагом, чтобы пересказать чьи-то отложившиеся в памяти слова о доблестном человеке по имени Синяя Птица. — Рассказчик в задумчивости опустил веки и скорбно покачал головой, словно физически соприкоснулся с теми далёкими днями, о которых вёл повествование. — Первое время семья жила дружно. Бархатные горы окружали мирную деревню. Увядавшие листья шуршали в пожухлой траве, когда дети бегали по стойбищу с громкими криками, резвясь. Охотники собирались за мясом в гористые леса, их лица лоснились жирной раскраской. Сосновые стволы отражались в прозрачных озёрах. Хорошо было всем. Но вскоре Бизоньей Женщине стало казаться, что муж проявлял больше нежности по отношению к другой жене. Глубокая тоска и жгучая ревность поселились в её сердце. Ни прекрасные места, где они жили, ни спокойствие, которое царило вокруг, не могли возратить Бизоньей Женщине утерянного душевного равновесия. Жизнь, совсем недавно цветившаяся радугой, внезапно сделалась сплошным серым дождливым днём... Мир людей причудлив и полон гулких извилин, в которых род человеческий блуждает, разводя сигнальные огни друг для друга и заманивая в тёмно-зелёные западни. Однажды Бизонья Женщина, полная неизъяснимой ревностью, забрала с собой своего сына по имени Встающий Телёнок и ушла куда-то. Синяя Птица и Лосиная Женщина долго ждали её возвращения, но она так и не появилась. Синяя Птица не мог поверить в своё горе. Лёгкая, как лебединый пух на руках ветра, молодая женщина, столь дорогая его сердцу, исчезла, держа в своей душе скалистую тяжесть обиды. Синяя Птица решил отправиться на поиски жены и сына. Он чувствовал себя обязанным поговорить с женой прямо, чтобы не считала она его двуликим, чтобы не думала, будто у него два языка вместо одного. Много дней шёл он по высокой траве среди взгорбленных холмов, продирался сквозь лесные чащи, переплывал холодные стремительные

реки. Слышал он лепет подводных существ и щебетание тварей небесных. Наконец, он добрался до неведомой страны, где обитали громадные бизоны. Их было невероятно много, может быть, как звёзд на небе. Мглистой становилась округа, когда они всей массой двигались по равнине. Пыль поднималась к самым облакам. Среди них он увидел свою жену. Среди могучих Бизонов нашла приют Бизонья Женщина. «Я хочу забрать моего сына», — сказал им Синяя Птица, потрясая пышно оперённым жезлом. «Будь по-твоему, — ответило ему Бизонье Племя, — но для этого тебе нужно пройти несколько испытаний. Сначала ты должен узнать своего сына среди других наших детей». Синяя Птица отправился к столпившимся в стороне телятам и обнаружил, что все они почти на одно лицо. Те же тёмные мокрые носы, те же рога на курчавых головах. «Встающий Телёнок, — заговорил Синяя Птица, — разве не хочешь ты вернуться в родной дом, где огонь горит специально для тебя, где друзья любят тебя и дрожат от нетерпения увидеться с тобой? Разве кровь твоего отца не подаёт голос в твоём теле? Разве хочешь ты остаться безликим в огромном стаде этих быков? Не качнёт ли дыхание моей души твоё большое сердце? Ведь ты не бык, а человек». И Встающий Телёнок, сын Синей Птицы, откликнувшись на отцовские слова, закивал головой. Так отец смог выделить его из общего стада. «Теперь ты должен посостязаться в беге с нашими молодыми быками», — сказали Бизоны...

Старик-рассказчик улыбнулся и продолжил:

— Быстрые ноги у тех исполинов, трудно было обогнать их, но невидимые помощники Синей Птицы подняли его в воздух и сделали птицей. Он расправил крылья, как полагалось настоящей птице, и помчался со скоростью ветра. Плеская крыльями, он исчез в далёком мареве и вновь обратился в человека. Словно поднятая из глубин земли сила, катила на него лавина быков. Но Синяя Птица уже дожидался огромного стада на конечной точке. Не смогли Бизоны одолеть его в таком состязании. «Теперь тебе предстоит пройти последнее испытание, — заявили они. — Ты должен четыре дня и четыре ночи слушать древние сказания нашего племени, не уходя от костра, где мы соберёмся, и не засыпая. Иначе жизнь твоя будет сломана»... Тяжко пришлось Синей Птице, потому что он был сильно утомлён. И никто не мог ему помочь. Он заснул в последнюю ночь, устав от монотонных голосов и песен. Глаза его сомкнулись, голова упала на грудь. Бизоны тут же начали торжествующие пляски, приближаясь по кругу к Синей Птице. С каждым шагом танец их

становился всё более страшным. Поднявшись огромным горбом над равниной, бизоны сгрудились над человеком, и ноги их стали топтать Синюю Птицу. Они плясали над ним до тех пор, покуда не вмяли его в землю... У Синей Птицы был брат по имени Сорока. Покидая свой дом, Синяя Птица сказал ему, что видел сон, где ему поведали, что огромный столб пыли поднимется к облакам, если что-то случится с ним. И действительно, когда Бизонье Племя исполняло свою страшную пляску, пыль стала густо подниматься к небу. Увидев это, Сорока сказал Лосиной Женщине: «Произошло то, о чём предупреждал меня мой брат. Это не пустая тревога. Приготовь-ка палатку для потения, а я отправлюсь на поиски его тела. Я должен отыскать хотя бы кусочек его тела». Прилетев к месту, где клубилась пыль, Сорока услышал стон и опустился на землю. Там он обнаружил одно перо, которое принадлежало Синей Птице. Он вернулся с этим пёрышком домой и поместил его в палатку для потения, где всегда проводились священные церемонии очищения. После этого он встал снаружи и закричал: «Отец! Я возвратился с братом! — И он выпустил в небо чёрную стрелу, громко воскликнув: — Осторожно, брат мой, стрела может поранить тебя!» Затем он пустил ещё одну чёрную стрелу и две красных, всякий раз предупреждая Синюю Птицу. И при каждом выстреле палатка, где лежало перо, сотрясалась. После полёта четвёртой стрелы из палатки внезапно выпрыгнул Синяя Птица. Он был жив и здоров. «Многое я должен рассказать моему народу, — обратился он к брату, — но сперва нам нужно хорошенько подготовиться, ибо Бизоны рассержены и вскоре появятся здесь». Лосиная Женщина тотчас предложила сделать, используя кору вишни и тополя и ивовую лозу, четыре заслона вокруг деревни. Это оказались очень прочные заборы, и Люди почувствовали себя надёжно за ними. Стадо Бизонов мчалось со страшным грохотом по земле. Они попытались сокрушить преграды, но застревали своими кривыми рогами между ивовыми прутьями, и Люди набрасывались на них, вонзая в их сердца копья. Первые три заграждения животным удалось смять, но на четвёртом их силы истощились. В этом последнем заборе застряла Бизонья Женщина, которая возглавляла стадо, и Лосиная Женщина убила её. Когда схватка осталась позади, Синяя Птица велел людям устроить Бизонью Палатку, о которой он узнал высоко в Небе. Люди выполняли все его указания, понимая, что он посвящен в тайну. Он рассказал им обо всех деталях церемонии, которую Наши Люди должны были отныне проводить, и о регалиях, которые должны иметь члены Бизоньего Общества. Но предупредил, что все участники

превратятся в быков и коров, если позволят себе ошибиться во время священной церемонии. С тех пор Наши Люди регулярно проводят празднество, устраиваемое женщинами из Бизоньего Общества... — Старик-рассказчик умолк и продолжал сидеть в том же положении.

Женщина, переводившая с языка Арапахов на диалект Лакотов, посмотрела на сидевших перед ней белых людей.

— Любопытная история, — улыбнулся Джек. — Никогда раньше не слышал её. Я, признаюсь, и обряда этого никогда не видел. Впрочем, общался я с Арапахами не так тесно.

— Почему она не могла сама рассказать легенду? — удивился Рэндал, меняя позу из-за затекших ног. — Она же наверняка знает всё это. Она могла сразу говорить, не переводя.

— Это его дело. Он — хранитель древностей. Все истории официально приносит слушателям он. Есть традиции повествования. Ты слышишь пение его голоса, его паузы, которые он держит столько, сколько считает нужным. Клянусь последней парой мокасин, я иногда, слушая их сказки, думаю, что чего-то не понимаю, потому что вдруг история заканчивается на каком-то странном месте, а сказитель молчит себе и молчит. А потом вдруг начинает говорить опять...

Позади, негромко перебрасываясь словами, прошагали пять девушек. На их головах, словно капюшоны, лежали особым образом сшитые шкуры бизонов, закрывающие также плечи и верх спины. Небольшие рога были закреплены на самом верху. В руках у них Рэндал заметил большие куски дерева, которыми они постукивали друг о друга.

— Этим они будут делать стук копыт по время танца, — пояснила переводчица.

— Пора идти, — Джек стянул с головы меховую шапку и заткнул ее за ремень, — сейчас у них всё начнется...

В огромного размера палатке напротив входа сидел дряхлый старик и принимал разнообразные подношения. Его худые руки казались коричневыми палками с узловатыми корнями. Возможно, это был последний раз, когда он проводил праздник Бизоньих Женщин. Он что-то произнес нараспев и достал из большой сумки сверток мягкой кожи и пушистый головной убор и положил их поверх кучи подарков. Послышалось негромкое пение под звук погремушек. Перед стариком медленно опустилась на колени девушка. Сзади к ней приблизилась пожилая женщина, протянула руку за кожаным рулоном и развернула его. Это оказался передник, расшитый черными и желтыми иглами дикобраза. Между вышивкой кожа была красной. С верхней каёмки

свисали многочисленные бизоньи хвосты. Старик медленно поднял головной убор, сделав сначала руками четыре непонятных движения в воздухе, и торжественно возложил его на голову девушки в цветном переднике. Убор представлял собой шестнадцать вертикально стоящих длинных палочек, у основания которых были закреплены крупные перья совы, делая головной убор невероятно пышным, а спереди торчали два длинных чёрных орлиных пера. Сами палочки напоминали древки стрел и крепились к красно-чёрной кожаной ленте, которая была сделана из оленьей кожи и свёрнута трубочкой, символизируя тело гремучей змеи.

Пожилая женщина вложила в рот девушке костяной свисток, а в правую руку сунула ей пучок камыша. Как только главная танцовщица стала дуть в свисток, издавая звуки, похожие на клёкот орла, женщина помогла ей подняться на ноги. Девушка начала танцевать и петь. К ней присоединились другие, выстроившись в ряд. Обойдя палатку, они вышли наружу и прошли вокруг деревни четыре раза. Вокруг них собиралось все больше и больше людей. Затем они возвратились к Бизоньей Палатке и возле неё стали убыстрять движения. Одна песня сменялась другой. Когда завершилась четвёртая мелодия, танцовщицы побежали вокруг палатки во всю прыть, подражая поведению бизонов. Иногда они падали на землю и перекатывались, словно коровы в пыли, задирая ноги и мотая головами. Временами вдруг принимались испуганно метаться, как бы спасаясь от стрел. Внезапно откуда-то выскочил громко поющий мужчина с луком в руке и стал кружить возле одной из девушек, потрясая луком и стрелами. Он ловко изобразил удачный выстрел, и она упала. Тогда он стремительно набросился на неё с ножом и как бы вскрыл корове брюхо, достав из-под пояса на платье девушки большой кусок спрятанного жира.

Рэндал, затаив дыхание следивший за волнующим действием, вдруг от души рассмеялся. Представление осталось представлением, никто из участников не превратился в настоящих животных, никто никого не убил. Он похлопал Джека-Собаку по плечу с некоторым облегчением, потому что в середине пляски он почувствовал, что начал впадать в странное состояние, и перед глазами его поплыли какие-то тени. Было мгновение, когда он мог поклясться, что вместо гибких девушек перед ним запрыгали горбатые туши бородатых быков...

— Да, старина, это они умеют! Этого у них не отнять! — восклицал он, провожая взглядом танцовщиц, которые с весёлыми криками вдруг бросились к реке, затем, ударив ладонями по воде, участницы

помчались обратно.

— Это тоже часть церемонии, — пояснил Джек, — соревнования в быстроте ног. Прибежать первой — хорошая примета... А сейчас они отряхнутся, как это делают буйволы после купания в пыли, и отправятся в палатку для потения, чтобы привести себя в порядок и приступить к повседневной работе...

Рэндал Скотт

(из дневника)

Сегодня 16 июля 1845

Вчера возле форта Ларами состоялся военный парад, целью которого было припугнуть краснокожих. Дело в том, что Арапахи недавно жестоко убили с десятков белых охотников, которые бродили неподалёку от их стоянок. Что вызвало вспышку внезапной злости индейцев, сказать трудно, но они объявили, что отныне не пощадят никого из Бледнолицых, появившегося на их территории. Шайены и Лакоты тоже проявляют агрессивность. Возможно, их начинает раздражать постоянное появление обозов с переселенцами. В любом случае, приходится держать ухо востро. Охотников Арапахи убили не случайно, раз не поленились искромсать их тела.

Тут-то и появились солдаты. Пять рот драгун и артиллерия. Я запомнил выражение величайшей растерянности на лицах дикарей. Солдаты показались им страшно грозными, когда скакали стройной колонной на мощных лошадях, одетые в одинаковые мундиры, пуговицы которых пылали на солнце. Потрясло индейцев и количество огнестрельного оружия, и число солдат. Степным племенам никогда прежде не доводилось видеть такого скопления белых, а тут, когда перед ними предстали только военные люди, индейцы, похоже, задумались: сколько же ещё всяких торговцев и охотников осталось в тех краях, откуда приходят белые?

Больше всех тут собралось Сю, но пришли также Шайены и Арапахи. Со стороны Сю долго выступал Бычий Хвост, совсем дряхлый старик. Он обеими руками опирался на копьё, обёрнутое мехом и украшенное по всему древку орлиными перьями.

Сегодня было много всяких разговоров. Обстановка несколько натянутая, хотя полковник Кирни предложил дружбу и раздал подарки. Но на Арапахов смотрел с подчёркнутой суровостью и пригрозил, что расправится со всем племенем, если они тронут ещё хоть одного европейца.

Солдаты сделали пару выстрелов из пушки, что привело дикарей в ужас. Многие попадали на землю.

Вечером в небо пустили сигнальные ракеты. Что тут творилось! Сколько неопишемого удивления и восторга проявили дикари!

В этом лагере я повстречал Мато. Когда грянули пушки, он стоял возле меня, и я почувствовал, как мне передалось его возбуждение и даже дрожь в теле. Он странный человек. Таинственный. Он умеет перекидывать на других своё состояние. Я легко поддаюсь и ничего не могу с этим поделать.

Он сказал, что немедленно отправится в свою деревню рассказать о том, что видел. Спросил, приеду ли я, потому что Мэгги давно по мне скучает.

20 августа

Два дня назад Джек-Собака, Пьер Рилье и я приехали в лагерь Арапахов. Они очень любезны. Мы выгодно выменяли у них много пушнины.

Их деревня ничем не отличается от стойбища Сю, разве что производит впечатление менее опрятного места. Угощали нас отменно, так как мяса в деревне было вдоволь после только что закончившейся успешной охоты. Я видел в нескольких местах большие груды мяса, вокруг которых растянулись без сил обожравшиеся собаки.

Вождь активно предлагал мне взять в жёны его младшую дочь. Я отвертелся, сказав ему, что у меня не было при себе ни лошадей, ни достаточно хороших вещей, которые я мог бы дать ему за любимую дочь.

Сегодня должна состояться церемония женского Буйволиного Общества. Нас пригласили посмотреть.

Подчёркнутое дружелюбие индейцев я могу объяснить только тем, что они ждут появления армии[1]. Однако солдаты не приходят.

Мы с Джеком-Собакой решили уехать, но Пьер Рилье хочет задержаться.

Мне вдруг бросилось в глаза, что Джек совсем состарился за последний год. Ходит медленно, в седло садится тяжело, беспрестанно кашляет и дышит с каким-то неприятным свистом. Тот небольшой участок его лица, который не покрыт волосами, похож из-за бесчисленных морщин на растрескавшуюся от жары поверхность коричневой земли.

30 августа 1845

Никаких известий о Пьере. Думаю, что он погиб. Я слышал, что Арапахи вновь выслали военные отряды.

15 сентября

Мы в лагере Оглалов.

Мато всё время расспрашивает меня о белых людях, и вопросы его очень глубоки. Он с удивительной лёгкостью произносит многие фразы на английском языке, хотя очень редко имеет возможность общаться со мной. Я одолел диалект Оглалов потому, что у меня под боком частенько бывает Мэгги, правда, последний год я ездил без неё. Мато же успевает схватить за неделю моего пребывания в его лагере немыслимый объём английской речи. Если так пойдёт дальше, уверен, что вскоре он сможет уже объясняться со мной на моём родном языке без всякого труда. У него удивительная голова.

Мой сын Дик заметно подрос за время моего отсутствия. От белого человека в нём нет ничего. Он выглядит стопроцентным индейцем. Меня не признал и убежал из типи, как если бы я напугал его.

20 сентября 1845

Сегодня состоялся любопытнейший разговор с Мато. Я спросил, что он думает о Боге белых людей, принимает ли он его. Он ответил только после того, как мы выкурили весь табак в трубке.

— Ты говоришь так, будто Создатель Жизни у каждого народа разный. Но он один, он есть всегда и везде. Вчера он уже был в завтрашнем дне. А завтра он будет и во всех прошедших зимах.

— Вы называете его *Вакан-Танка*. Это имя самого главного существа?

— Нет. Это не имя. Это не существо. Это всё вокруг нас и внутри нас. Это *Таку-Шкан-Шкан*, то есть сила всех сил.

— Какая сила?

— Сила, которая заставляет ветер мчаться над землёй, заставляет воду струиться в реке, заставляет дым подниматься вверх, заставляет кровь бежать в наших телах. Если нет *Шкан*, то нет ничего.

— Ты сказал слово *Шкан*, а сначала *Таку-Шкан-Шкан*. Это одно и то же?

— Да.

— А *Вакан-Танка* тоже *Шкан*?

— Да.

— Это Великий Дух?

— Великий Дух есть *Шкан*, и он есть часть *Вакан-Танка*. — Безумный Медведь говорил медленно, давая мне возможность разобраться в этой невообразимо сложной структуре. Я торопливо записывал наш разговор, а индеец внимательно следил за движением моей руки. Он говорил на родном языке. Поэтому я постоянно

обращался к Джеку за уточнениями, ведь он знал все тонкости их причудливого языка, а я мог разговаривать лишь на бытовом уровне.

— Объясни мне точнее, что такое *Шкан*?

— Буквально это слово обозначает движение. Поэтому *Шкан* находится во всём, что движется. Точнее сказать, двигаться начинает то, что имеет внутри себя *Шкан*. Это также и небо.

— Это, как я понимаю, и есть Великий Дух.

— Великий Дух — это *Наги-Танка*, — засмеялся Джек. — Зачем тебе нужно всё это, Скотт?

— А что в точности означает *Вакан-Танка*?

— *Танка* — большой. А *Вакан* подразумевает очень много разного, но всегда это нечто таинственное и необъяснимое. О женщине во время менструации тоже говорят *вакан*. Даже виски, по словам индейцев, содержит в себе *вакан*.

— Почему?

— Выпивший человек становится ненормальным.

Тогда я снова повернулся к Мато:

— *Вакан* есть везде?

— *Вакан-Танка* есть везде. У каждой вещи есть дух. Этот дух есть *Вакан*. Если *Вакан-Танка* желает что-то сделать человеку, то он сообщает ему об этом через видения.

— Как он выглядит?

— Никак. У него нет одного лица. Солнце, Небо, Земля, Камень — это *Вакан-Танка*. Это можно видеть. Но он не есть что-то одно из них. Существует много маленьких *Вакан*, они сильны каждый по-своему, но все они составляют *Вакан-Танку*. Если я молюсь кому-то из них, то называю его конкретным именем, чтобы именно к нему пришли мои слова. Но я могу обращаться и сразу к *Вакан-Танке*. Это как волосы на голове человека. Волосы не есть весь человек, но лишь незначительная часть его. И человек не есть волосы. Но волосы — часть человека, и их бесконечно много.

— Значит, у вас нет изображения *Вакан-Танки*, как у нас есть Христос, которому мы молимся?

— Я видел такую фигурку у Чёрной Рясы. Он не *Вакан-Танка*, потому что он человек, но он *Вакан*, *Лила-Вакан*. Ему можно молиться, так как он связан с Великим Духом и с Творцом.

И тут Медведь сказал такое, от чего у меня глаза на лоб полезли от изумления.

— Я разговаривал с тем, кому вы дали имя Христос.

— Что? — Даже Джек-Собака поперхнулся.

— У меня было видение. Он был голый, весь покрыт кровью и лежал за земле перед высоким деревянным крестом. Крест был громадным и тонул своей вершиной в густых облаках. А горизонтальная перекладина иногда становилась не деревянной, а живой, как крылья орла. Небо опустилось очень низко над окровавленным человеком. Мне казалось, что *Шкан* хотел тучами обернуть измученное тело этого человека, чтобы скрыть его... Я подошёл и наклонился. У лежавшего были длинные светлые волосы, они спутались и слиплись от крови. Лицо его сильно распухло от многочисленных ударов. Видно, его долго били. Я не знаю, кто это сделал, я не заметил поблизости никого. Вокруг его головы были накручены колючки, и шипы глубоко вонзились в лоб. На первый взгляд он не был крепким воином, но я хорошо видел, как светилось в глубине его тела *Ни*.

— Что такое *Ни*?

— *Ни* есть то, что даёт человеку силу, но не силу рук и ног. *Ни* поддерживает чистоту внутри человека.

— И ты видел, как Он светился изнутри?

— Да. Он разлепил глаза, посмотрел на меня и встал. Но он сделал это так, будто кто-то невидимый поднимал его под руки. Он почти скрылся в облаках, когда распрямился. По телу его бежала кровь. Я спросил, не нужна ли ему помощь, и он улыбнулся мне. Я никогда не чувствовал прежде, чтобы кто-то был мне так приятен, как этот израненный человек. Он сказал, что исполняет важный ритуал, что должен пройти через страдания, чтобы очистить души многих людей. Я увидел глубокие рваные раны у него на руках и ногах и спросил, не проводит ли он Танец Солнца, ведь Лакоты тоже подвергают себя сильным истязаниям во время этой церемонии. Он объяснил мне, что его обряд можно сравнить с Танцем Солнца, но он более важен, более труден. И тут он сделался огромным, как гора, и из груди его, где была большая рана, кровь хлынула и превратилась в водопад. Я разделся и ступил в кровавый поток, чтобы омыться в нём. После этого я поднял голову вверх и спросил великана, как его называть. Он приложил к левой груди ладонь и сказал, что его не нужно называть по имени.

— Что было дальше?

— Он исчез. Его поглотило Небо.

Я старался не пропустить ни слова. Казалось невероятным, что ему открылась такая фантастическая картина. Послушал бы это кто-нибудь из миссионеров. Мато говорил без тени волнения, говорил

неторопливо и спокойно, словно его не потрясло то, о чём он рассказывал, словно такие вещи были ему привычны. Впрочем, Мато уже не раз доказывал, что он вхож в мир, о котором мне и не снилось ничего. Мне пора бы привыкнуть к этому, но увы.

21 сентября

Опять разговариваю с Мато. Такие беседы протекают очень медленно, потому что я стараюсь записывать слова сразу. Иногда приходится подправлять кое-что в каракулях после разговора.

— Что может человек, если всем руководит *Вакан-Танка*? — спрашиваю я его.

— Человек может сделать всё, что позволяет *Вакан-Танка*, потому что лишь для этого *Вакан-Танка* вкладывает в него силу. Если человек совершает что-то неверное, то он наказывается.

— Каким образом?

— Есть много путей. *Вакан-Танка* посылает болезнь или может убить человека. Но может убить родственников или друзей, чтобы предупредить человека, что ему нужно действовать иначе. Но мало кто понимает это.

— То есть Он может убить не меня, а других, даже если виноват я?

— Да.

— Почему?

— Ты можешь быть нужен для какой-то цели, о которой ты не знаешь, и тебя надо направлять.

— Но зачем губить невинных?

— За всеми есть вина, — ответил спокойно Мато, и мне сделалось холодно на сердце. Затем он помолчал и продолжил: — Есть и такие люди, которых Творец создал специально, чтобы пользоваться ими для назидания другим. Никто из нас не знает до конца, для чего он послан в этот мир. Каждый выполняет свою задачу. Дело некоторых — служить пищей другим. И это не только звери. Кое-кто из людей тоже служит дичью.

— Неужели Великий Дух рождает кого-то лишь для того, чтобы уничтожить их?

— Ты рождён с белой кожей, а я с тёмной. Но ни ты, ни я не знаем, почему так получилось. Мы — часть Великой Тайны. Мы служим целям, о которых не знаем ничего. При рождении каждому из нас даётся *Сичун*.

— Что такое *Сичун*?

— Это дух, который сопровождает нас по всей жизни до самой

смерти. Но он не умирает, он вечен. Он — часть каждого из нас, поэтому мы тоже вечны. Мы привыкли видеть, как погибают наши друзья. Мы прощаемся с ними, когда кладём мёртвое тело на погребальный настил. Но дух не умирает. Он есть наша главная часть. Он важнее тела, хотя пользуется телом и живёт в нём. Без него человека не бывает. *Сичун* есть составная часть *Вакан-Танки*.

— Если мы вечны, то как можно нас наказывать? Как можно нас убить? Разве Вакан-Танка не знает, что мы бессмертны?

— Вакан-Танка знает всё, потому что он есть всё. Но человек считает, что тело — главное, потому что оно пьёт и ест, потому что ему приятно и больно. Человек думает, что он кончается, когда тело умирает. Вакан-Танка забирает у тела жизнь, когда человек выполнил то, что ему предназначено, или если мешает другим сделать своё дело. Но потом человек опять приходит сюда, чтобы исправить свои ошибки.

— Человек снова рождается?

— Да.

Я опять сражён, как и вчера, когда услышал от него о Христе. По сути, он рассказывает мне о воскрешении, но не в той форме, как об этом говорит Библия. Он ставит меня в тупик. Я не знаю, о чём его спрашивать. Я не готов к разговору с этим странным дикарём.

— Вакан-Танка злой?

— Нет, — Мато отвечает не задумываясь.

— Добрый?

— Нет.

— Какой же Он?

— Никакой. Он всё, что есть вокруг и внутри. Разве всё может быть каким-то одним?

Я прекращаю разговор.

22 сентября

Джек сказал мне, что ему пора умирать. Посмеялся над моим любопытством. Сказал, что не мне, а ему надобно про загробный мир вынюхивать.

1 октября 1845

Мато собирается присоединиться к делегации Сю, которых везут в Вашингтон. Он уверен, что жизнь его народа скоро изменится, но сначала будет много горя. Он странен. Как всегда, знает много разного, о чём никому не рассказывает. Как-то я спросил, почему он

не открывает своим людям то, что ему сообщают духи. Он сказал: «Люди сейчас не поймут. Они постигнут это, получив страшный урок. Так мне сказали духи».

15 октября

Вчера Джек-Собака прошептал мне: «Человек должен умирать, как птица, которая со всего лёту ударяется о скалу. А я сохну, словно старый пенёк. Вот уж и трубку в руках не удерживаю».

Сегодня он умер. Утром, когда мы поднялись, он продолжал спать. Мэгги первая услышала, что он не дышит.

Мато распорядился, чтобы для Джека поставили небольшую палатку. Женщины выполнили это очень быстро. Я много раз встречал подобные типи в местности, где мало деревьев, а мы как раз стоим в степи. Внутри палатки зажгли свёрнутые косичкой стебли сладкой травы и оборудовали для старика Джека ложе из выделанной добела буйволиной шкуры с магическими рисунками. Когда его уложили, края шкуры набросили на него, будто он укрылся ими. Рядом оставили всё его оружие. Кто-то привёл его лошадь, отрубил ей голову и водрузил её на шест перед входом в типи. Мато покрыл лицо Джека красной охрой, вымазав заодно и всю его бороду. На груди у него, между ладоней, приспособили расшитую бисером сумку с трубкой.

Всё это время поблизости стучали в бубны два старика, исполняя прощальную песню.

Мне странно думать, что Джек-Собака больше никогда не заговорит со мной, что не будет задорно смеяться, откашливаясь ежеминутно. Я вижу, что он мёртв, но не чувствую этого.

Всё чаще меня посещают мысли о смерти. Для чего нам даны наши желания? Для чего мы стремимся куда-то, если всё прервётся одним разом? Коли смерть отнимет у нас всё, то и жизнь сама — ничто!

Сейчас вдруг припомнил: когда в прошлый раз пуля пробила мне руку, я впервые увидел кровь по-особенному. Я увидел, что она не есть что-то самостоятельное, но она есть я. Из моей раны вытекал я сам. Я капал на землю, впитывался в землю, растворялся. Значит, часть меня уже никогда не вернётся ко мне, останется в той самой земле. Получается, что я немного уже похоронен где-то.

Хотел бы я понимать то, что понимает Мато. Он спокоен. Он не похож на остальных индейцев. Он не рвётся за почестями и не состоит ни в одном воинском обществе. Но все настаивают на том, что он был самым свирепым бойцом племени. Что изменило его? Лишь однажды я видел, как он впереди других помчался навстречу

Воронам, которые атаковали наше стойбище. Он свалил двух врагов с невероятной лёгкостью и развернул коня обратно в лагерь. Остальные Оглалы подоспели в тот момент и вступили в бой. Мато остановил врагов, но не принёс никаких трофеев, не участвовал в победном танце, не похвалялся своими подвигами в тот день. Он словно выполнил то, что требовалось от него, и ушёл со сцены. Он очень странный.

[1] Арапахи неоднократно посылали в форт Ларами делегации, предлагая в знак примирения большое количество лошадей, но от их подарков отказались. Тогда индейцы уехали, перепугавшись не на шутку, так как сочли такое поведение белых людей угрожающим: от подарка отказывался лишь тот, кто затаил смертельную злобу. Но время шло, драгуны не объявлялись, и Арапахи пришли к заключению, что белые люди только похвалялись своей силой, а на самом деле боялись Арапахов. И они вновь принялись совершать разбойные нападения на переселенцев и охотников.

Мато Уитко

(его собственные слова)

Жизнь всегда меняется, но мало кто знает, в какую сторону она повернёт в ближайшее время. В дни моей молодости я никогда не смог бы предположить, что добровольно сойду с военной тропы.

Я и сегодня очень ясно вижу себя рядом с моими друзьями на холмистой прерии, вижу нас скачущими на резвых конях навстречу врагам, обнажённые тела которых покрыты священной раскраской. Я помню все сражения с Псалоксами посреди Голубых Гор. Я не забыл ни одного момента из жестокого боя, когда мы совершили поход на племя Совиных Перьев, которые жили в земляных домах, окружённых деревянной стеной, как крепость белых людей. Я помню многочисленные схватки с Волками на равнинах.

Я гордился моими подвигами, я похвалялся сорванными с поверженных врагов скальпами. Но это было давно. Затем всё изменилось.

Причиной тому был Красный Лось. Ты уже знаешь об этом.

Но я не рассказывал тебе о том, что я поехал однажды с нашими вождями к тому, кого белые люди называли Великим Отцом. Я не понимал тогда, кого можно называть так, потому что знал лишь одного Великого Отца, имя которому Вакан-Танка. И когда после долгого путешествия мы приехали в город Вашингтон, я был сильно удивлён, увидев перед собой обыкновенного человека. Он не был Великим Отцом, как и все другие после него. Среди наших людей он не смог бы занять место военного вождя, потому что не обладал достаточной силой. Это было видно по его лицу. Но вокруг него всегда находилось много белых людей, и они оказывали ему знаки внимания. Потом я услышал, как они называли его президентом, но никогда, обращаясь к нему, не называли его Великим Отцом. Нас они просто обманывали.

Я молчал всю дорогу, начиная с того момента, как я попал на борт парохода. В очень далёкие времена я думал, что это был злой дух Унктехи, живущий под водой. Но оказалось, что это просто громадная лодка, которой управлял белый человек. Чем дальше мы плыли, тем чаще попадались на глаза деревянные дома белых людей. Поначалу они стояли по два-три около фортов, затем я увидел первый город, и он

меня поразил. Но это был не самый большой. Мы проехали через много других. И повсюду жили белые люди. Их оказалось гораздо больше, чем звёзд на небе.

Я понял тогда, что Лакоты ничего не знали о жизни. И никто из наших соседей, дружественных и враждебных, тоже ничего не знал. Мы считали, что земля безгранична, что на её просторах жили только индейцы.

Я был уверен, что Светлоглазые — это небольшое племя, которое забрело на наши земли. Впервые я увидел много белых охотников, когда поехал вместе с Ичи-Мавани в торговый лагерь в стране Змей. Потом я увидел много-много Бледнолицых воинов, когда они приехали в форт на Лошадином Ручье и выстрелили там из своих пушек. Тогда мы все сильно удивились их численности. Но никто не представлял, сколько их на самом деле. Когда же я сошёл с парохода, я понял, что вся земля сплошь покрыта ими. И не только ими. Я видел и людей с абсолютно чёрной кожей. Но Светлоглазых было больше всех.

Я не испугался. Я уже умел не испытывать страха, потому что знал, что нашей жизнью руководит Вакан-Танка. Раз Бледнолицых было много, значит, того хотел Создатель. И я понял, что белые охотники в наших краях были первыми из тех, кто должен прийти следом. Наша жизнь должна была измениться в скором времени. После встречи с президентом я знал наверняка, что на наших землях появятся такие же большие города. Я также знал, что все индейцы будут сопротивляться этому.

Это имели в виду голоса невидимого мира, когда шептали мне, что на мой народ обрушится страшное горе, что мы получим ужасный урок. Тогда я думал, что речь шла об оспе, от которой умирали сразу тысячи людей за несколько дней. Но посетив мир Светлоглазых, я понял всё до конца. Белые люди рассказывали нам о том, что города их стоят там, где раньше тоже жили племена индейцев.

Бледнолицые хотели, чтобы мы поняли и передали нашему народу, какой они обладают силой. Разве можно было не понять? Только слепец и упрямец мог не увидеть нашего будущего. Побывав в стране Бледнолицых, я бы знал исход дела, даже если бы Великий Дух не разговаривал со мной через своих посланцев.

Из нашей деревни вместе со мной путешествовал Хромой Пёс. Он был очень стар, и потрясение от увиденного согнуло его больше, чем все прожитые годы. Первые несколько дней, когда мы вернулись в нашу деревню, он лишь удручённо качал головой, хотя вокруг нас собирались все мужчины племени, чтобы услышать наши слова.

Поэтому говорил я, хотя он гораздо старше. Я не уверен, что люди поверили мне. Они слушали с возгласами удивления и переспрашивали по много раз, но я знаю, что они не осознавали, о чём я рассказывал. Я думаю, что тоже не смог бы представить себе такого, если бы выслушал чью-то подобную историю. Это было похоже на вымысел.

Все поволновались, но очень быстро успокоились.

— Пусть белых много, земли хватит всем. Нам нечего бояться. Мы сильны, мы сможем защититься, — так говорили Лакоты. — Если они приедут к нам с войной, то мы сумеем одолеть их.

Они уже не помнили, как потряс нас всех выстрел из пушки, которая сначала с грохотом окуталась дымом сама, а затем с таким же шумом подняла столб земли на большом расстоянии перед собой.

Я знал, что к нам подкрадывалась беда.

Я хотел отыскать Ичи-Мавани и просить его отвезти своего сына в мир Бледнолицых. Он мог бы сделать из Лунного Света человека, знающего белых людей изнутри. У него было имя Дик, в его жилах бежала кровь Лакотов и кровь Светлоглазых. Я знал, что Ичи-Мавани был послан мне не случайно, и судьба доказала это. Я был уверен, что сам он был лишь частью великого замысла Великого Духа. Его сын был другой частью этого замысла. Дик Лунный Свет должен был получить в мире Светлоглазых знания и вернуться к Лакотам, чтобы повести их за собой.

Я уплыл на пароходу осенью и вернулся к Лакотам летом. И возвратившись, я не нашёл Ичи-Мавани в наших палатках. Магажу-Уинна сказала мне, что её муж опять уехал.

Бродяга

Уже совсем стемнело, когда Рэндал Скотт добрался до небольшого индейского лагеря на берегу ручья Большая Трава, расположенного в глубокой лошине между крутыми холмами. Это была группа Падающей Птицы, одна из южных общин Лакотов. Рэндал близко знал Падающую Птицу, неоднократно навещая его в сопровождении Медведя, года три назад он даже зимовал в этой общине вместе со своей семьёй.

Семь палаток почти полностью растворились во мгле наплывающей ночи, но в одной различалось внутри красное мерцание. Стояла глубокая тишина. Казалось, что в жилищах никого не было.

Приблизившись к подсвеченному жилищу, путник остановился, но не услышал ни звука, кроме глухого топота копыт двух своих коней, на одном из которых были навьючены тугие тюки. Наружу вышла женщина и приняла повода.

Он вошёл внутрь и увидел множество индейцев. Тесным кольцом они сомкнулись вокруг очага, и огонь отражался в их чёрных зрачках. В полном молчании они потеснились и дали вошедшему возможность усесться возле входа.

Время остановилось. Кто-то скончался в общине, люди скорбели. Часть живой плоти большой семьи умерла.

Рэндал невольно вздохнул и подумал, что лучше бы он заночевал в стороне, если бы знал, что тут кого-то провожали в иной мир.

Так в молчании прошла вся ночь. Временами костёр едва не затухал, погружая типи в темноту, и тогда какая-то женщина подкладывала хворост и вспыхнувший огонь вырисовывал в чёрном пространстве рельефные лица.

На рассвете собравшиеся встали и подняли лежавшие позади каждого из них свёртки — прощальные подарки умершему. По одному они зашли в соседнее типи, где находился покойник. Он был в сидячем положении, облачён в парадную рубаху и, казалось, терпеливо дожидался появления соплеменников, закрыв глаза. Это оказался младший брат Падающей Птицы, который считался в группе военным вождём.

Рэндал неслышно выругался на неудачную ночь, на это бесконечно долгое и ненужное прощание, на свою усталость. Он хотел спать и есть, но знал, что в такое время его никто не накормит.

Он пошёл к своим лошадям и поспешно покинул лагерь в направлении Белой Реки, скрывшись в тумане. Позади уже послышалось громкое причитание женщин, и было похоже, что множество волков тоскливо вторили друг другу.

Рэндал намеревался перебраться через Белую Реку, которую Лакоты называли Дымной Землёй, доехать до Плохой Реки, спуститься вдоль неё к форту Пьер и там сесть на пароход до Сент-Луиса. Он бешено хотел развеяться после долгой зимы, проведённой среди Оггалов. Со дня кончины Джека-Собаки его не покидало ощущение странной душевной тяжести.

— У тебя есть типи, семья, прекрасные лошади, — говорил он сам себе. — Ты можешь отправиться в любой уголок этой обширной земли. Чего ещё можно желать?

Двенадцать лет, проведённые бок о бок с Джеком-Собакой, не прошли бесследно, хотя Рэндал никогда бы не подумал, что старый траппер занял такое большое место в его душе. С прошлого лета рядом с Рэндалом ежедневно находилась красивая и всегда внимательная жена. Семилетний сынишка с явными задатками будущего военного вожака успел вновь полюбить его и беспрестанно осыпал его наивными вопросами (почему отец часто разговаривает на чужом языке, почему у него лицо покрыто волосами, почему он не ходит с другими мужчинами против Вороньих Людей). Любой, кто привык к кочевой жизни, кто считал сложенный из елового лапника шалаш вполне достаточным удобством, мог бы чувствовать себя вполне счастливым — что ещё ему нужно? Но Рэндал Скотт по прозвищу Ичи-Мавани ясно видел, что ему не хватало Джека. Ему не хватало той спокойной, нешумливой, умудрённой опытом надёжности, которую излучал Собака. Рэндал вдруг понял, что в лице старого Джека он утратил единственного в своей жизни друга, которому доверял безоглядно и которого, оказывается, считал почти отцом.

Когда-то этот траппер сказал Рэндалу, что человек, вкусивший дикой прелести гор и равнин и не испугавшийся этого вкуса, никогда не сможет жить в обычном городе.

— Но ты не сказал мне, старина Джек, что познавший дружбу не сможет жить без друга, не испытывая постоянный холод одиночества, — бормотал себе под нос Скотт. — Что мне жена и сын, если они — часть дома, в который я никогда не стремился? Они — атрибут семьи, а я привык странствовать. Кров мне нужен лишь для ночлега... Теперь я тащусь в город. Я продам там все меха, а дальше? Я спущу все деньги. Я буду бродить по улицам, где никто не остановит

тебя и не пригласит в свой дом поесть... Иногда город представляется мне хуже пустыни... Мне нет до него дела... Но и здесь я не хочу быть...

Рэндал жаждал перемен, надеясь, что они изменят что-то у него внутри, и не желал думать над тем, куда они могли привести его.

Мато Уитко

(его собственные слова)

Лакоты всегда были одной большой семьёй. Все мы доводились близкими родственниками друг другу. Брата отца у нас было принято всегда называть отцом, а сестру матери — матерью. Но сестру отца и брата матери (они другого пола) мы называли тётей и дядей. Все дети, родившиеся у брата отца и у сестры матери, считались братьями и сёстрами. А дети тех, кого принято было звать дядей и тётей (брат матери и сестра отца) считались двоюродными братьями и сёстрами. Вам, белым людям, это может показаться сложным, но нам было легко, потому что мы с этим жили всегда, мы понимали, почему так было.

Дик Лунный Свет, сын Ичи-Мавани, был сыном моей сестры, поэтому ему полагалось называть меня дядей. Но у каждого из наших детей были ещё вторые родители, которых выбирали из числа родственников или друзей настоящие отец и мать. Меня и мою жену выбрали вторыми родителями Лунного Света.

Однажды я сказал ему:

— Я хочу с тобой поговорить.

— Я слушаю тебя, отец, — сказал он мне и сел напротив меня.

— В тебе бродит кровь храброго воина. Я вижу это. Но я хочу предупредить тебя о некоторых вещах, к которым люди обычно бывают слепы и глухи. Ты ведь знаешь, что нами управляет Великая Сила, что она вдыхает в наши тела жизнь и предписывает каждому из нас идти своей особой Тропой. Я много раз слышал голоса Громовых Существ, и они говорили мне о тебе... Ты предназначен для святой жизни, сын мой. Я знаю, как трудно сильному молодому человеку отказаться от воинского пути, не принимать участие в жарких битвах, не похвастаться перед родственниками и друзьями своими заслугами. Но жизнь мудреца — тоже путь воина. И этот путь более труден, чем Военная Тропа. Посмотри на меня. Я пользовался славой самого бесстрашного бойца в нашем племени, но я отложил оружие, потому что мне об этом сказал очень сильный Вичаша-Вакан, который среди нашего народа был известен под именем Красного Лося. Но я не стал более трусливым, не сделался слабее. Когда требует необходимость, я выхожу защищать мой народ и убиваю врагов. Но я не бегу за славой, я не участвую в торжествах, потому что я не могу праздновать чью-то

гибель, даже гибель наших врагов... Я хочу сказать тебе, что Великий Дух проложил перед тобой Тропу гораздо более тяжкую, чем моя. Он дал тебе отца из могущественного народа, детей которого больше, чем звёзд на небе. Белые люди владеют всем миром, и мы должны научиться жить, как живут они, иначе мы пропадём. Сегодня мы похожи на горсть песка перед громадной накатывающей волной... Когда я услышал голос Неба, повелевший мне отдать мою сестру в жёны чужестранцу, я не колебался, потому что невидимая страна Теней живёт и в нас, и вокруг нас. Она больше, чем мы. Она руководит нами. Что происходит в ней, отражается у нас. Когда Духи велят нам делать что-то, мы должны повиноваться, потому что мы не всегда различаем верный путь перед собой. Духи приходят, чтобы помочь. Но если мы сопротивляемся и поступаем по-своему, то нарушаем закон Творца. За это людей наказывают. Сперва чуть-чуть, затем сильнее. Вакан-Танка устраивает нам маленькие неприятности, показывая, что мы ошибаемся в выборе пути. Затем он ударяет нас сильнее, посылая нам болезни, а потом и смерть близких. Если мы не понимаем, то Вакан-Танка заставляет наших родственников и друзей сильно мучиться перед гибелью. Этим Творец пытается пробудить нашу внимательность, наше сознание.

— Отец, почему же Вакан-Танка сразу не убьёт того, кто провинился?

— Если человек рождён для определённой миссии, если в него вложены необходимые силы, но он не хочет идти по предначертанной специально для него Тропе, то его нужно уничтожить лишь в самый последний момент, когда он окончательно сбился с пути, когда данная ему сила бесповоротно начинает служить иной цели.

— Что же должен делать я?

— Ты рождён стать великим вождём.

— Я совершу много подвигов?

— Тебе предстоит стать святым человеком. Ты не должен воевать. Громовые Существа скоро придут к тебе, чтобы ты услышал их голоса. Я же могу сказать тебе лишь одно: не стремись стать военным вождём. Каждый твой поход за скальпами врагов будет отдалять тебя от твоего истинного предназначения. Каждый всплеск твоей ненависти будет бить по твоим друзьям и родственникам.

— Что же я за мужчина, если не сумею проявить моих мужских качеств? Как же Лакоты поверят в мою силу?

— Ты повторяешь мой вопрос, который я задавал Красному Лосю. Я тоже терзался и не сразу смог отложить в сторону колчан и стрелы,

топор и ружьё. Но однажды я понял, что так надо... Сколь бы смел и силен ни был человек, он останется лишь человеком — крохотной песчинкой в великом потоке жизни. Ты не сумеешь стать лучшим, потому что лучших не бывает. Я много сражался, много охотился, но что такое мои подвиги, если сравнить их с деяниями всего народа? Подумай о том, что я сказал тебе, мальчик мой.

Я прекрасно понимал, в каком смятении находился Лунный Свет. Он был моим собственным отражением. Точно так сидел я перед Красным Лосем и не мог ничего взять в толк. Но я в то время уже общался с Миром Теней. Лунный Свет пока не имел видений. Ему было трудно.

Много дней мы сидели с ним вместе и я объяснял ему, что ему было нужно покинуть наш край и отправиться со своим отцом в страну Бледнолицых, чтобы набраться там знаний. Он молчал в ответ. Он не говорил мне «да» и не говорил «нет».

В конце концов он поднялся и угрюмо сказал:

— Я слышал твои слова.

Это означало, что больше я не должен был убеждать его. Он понял меня, но решение оставалось за ним.

Возвращение

Летом 1848 года Рэндал Скотт появился на берегу реки Платт в сопровождении трёх личностей вороватого вида. Больше года он искал в городе желающих составить ему компанию, чтобы заняться поиском золота в Чёрных Холмах, но все смотрели на его предложения с явным подозрением. Потоки переселенцев катили по наезженной дороге на противоположный край континента, опьянённые надеждой разбогатеть в два дня. Но Рэндал хотел вернуться в край, который он знал, который стал ему дорогим и желанным. Но хотел вернуться туда не звероловом, вечно зависящим от скупщиков меха, а свободным старателем, запросто набивающим кошелёк золотом.

— Копаться в земле на территории Сю? Да ты безумен!

— Я знаю этих людей и сумею с ними договориться, — убеждал он.

— Времена меняются. Сю ведут себя слишком враждебно, они находятся почти в состоянии войны с армией... Лучше я отправлюсь по Орегонскому Тракту в Калифорнию. Там-то золото точно есть.

— Это всё равно дорога через страну Сю...

Он-таки нашёл трёх желающих, которые не вызывали у него полного доверия, но они утверждали, что разбирались в геологии. С их помощью он надеялся быстро найти то, о чём давно мечтал.

Они доплыли на перегруженном пароходе до Вестпорта и там сошли на берег, смешавшись с гудящим потоком переселенцев. Повсюду организовывались обозы. Возбуждённые люди сновали по улицам, выпрашивая друг у друга информацию о начальниках караванов, чтобы устроиться понадёжнее. Тут и там в толпе встречались раскрашенные индейцы с гладко выбритыми головами, выпрашивая что-то у белых людей. Некоторые дикари были одеты в поношенные рубахи и куртки, вымененные у переселенцев.

Рэндал, видевший всё это много раз, равнодушно протолкнулся сквозь людскую массу и направился к загону, где со знанием дела отобрал трёх выучных мулов и четыре лошади для себя и своих компаньонов.

На двадцатый день пути они обогнали длинную вереницу крытых фургонов, из которых на них с завистью смотрело множество утомлённых лиц. Этим переселенцам предстоял долгий и нелёгкий путь, в конце которого большинство из них ожидало глубокое разочарование.

Ближе к реке Платт они повстречали человек десять Поуней. Индейцы были бедно одеты и знаками выпрашивали еду. Они следовали за путниками весь день и ночью устроились неподалёку. Поскольку индейцы вели себя совершенно спокойно, Рэндал не волновался. Но утром, отъехав вперёд, чтобы обследовать местность, он услышал позади ружейную пальбу. Вернувшись быстрым галопом, он обнаружил одного из своих спутников лежащим лицом к земле в луже крови, на поверхности которой плавала пыль. Второй сидел на корточках, обхватив голову руками, но не был ранен, его лишь сильно стукнули прикладом отобранного пистолета. Третий, сильно запыхавшись, подъехал к Рэндалу, держа двух выючных мулов на поводу.

— Они подошли к нам и внезапно схватили наших лошадей под уздцы, — заговорил он, тараща глаза. — Я вырвался, а этих двоих индейцы сбросили с сёдел. Я выстрелил, и они поскакали прочь, но Бэйкера ударили топором, когда он вцепился в ногу какого-то краснокожего...

Испуганные спутники Рэндала повернули обратно, наотрез отказавшись от дальнейшего пути. Смерть оказалась сильнее страсти к золоту.

Рэндал добрался до форта Ларамы в одиночестве и провёл там дней пять. Неподалёку от военного поста всегда стояла дюжина индейских палаток. Их обитатели приспособились жить под боком у солдат, перебиваясь кое-как подачками с проезжавших обозов и наряжаясь в мятые одежды белых людей. Лакоты называли их Болтающимися-Около-Форта или Бездельниками. Среди тех Бездельников Скотт узнал трёх воинов из группы диких Оглалов. Они выменяли несколько волчьих шкур на пачку патронов и теперь собирались возвращаться в родной лагерь, стоявший, по их словам, где-то на Вишнёвом Ручье вместе с Сиротливой Общиной. Они не относились ни к Оглалам, ни к Сичангам, хотя чаще эта группа жила вместе с последними, кочуя между Белой Рекой и северным рукавом реки Платт.

Индейцы не казались особенно дружелюбными, но позволили ему поехать рядом. Они не вступали с ним в разговоры и старались даже не смотреть на Рэндала, хотя он заметил, как они бросали косые взгляды на его винтовку и пистолет. Всю дорогу он не позволял себе расслабляться, опасаясь разбоя с их стороны, но индейцы не тронули его. Так, держа палец на спусковом крючке, он добрался до Вишнёвого Ручья. В лагере Рэндал обнаружил женщину по имени Чёрная Олениха, которая доводилась двоюродной сестрой Шагающей Лисице,

и через неё он узнал, где находилась деревня Странного Медведя.

— Их группа сейчас на Ручье Длинного Серого Камня вместе с несколькими отрядами Опалённых Бёдер. Но ты не должен ехать туда один. Наши люди сильно злятся. Лакоты поговаривают о войне против Бледнолицых. Они могут убить тебя, если ты поедешь один. Плохое время для человека с белой кожей, — сказала Чёрная Олениха, и Рэндал согласился с ней, видя вокруг мрачные лица.

Лишь через месяц он попал в стойбище на Ручье Длинного Серого Камня, где сошлись Оглалы и Сичанги. Там к нему на грудь бросилась Мэгги, Медведь пожал ему руку, как это было принято у белых людей.

— Я видел сон, — улыбнулся Медведь. — Я знал, что Ичи-Мавани должен появиться... Я хочу поговорить... Я купил хороший табак в торговом посту и заготовил прекрасную смесь[1]...

Сидя перед уютным костром, Рэндал слушал рассказ краснокожего свояка о его путешествии в Нью-Йорк и Вашингтон, о беседе с самим президентом, и молча удивлялся, сколько, оказывается, всякого успело произойти за время его отсутствия. Он чувствовал полное спокойствие, сидя в обществе этих индейцев. Напротив него расположилась его жена, поджав под себя ноги, как это было положено у женщин Лакотов.

Подступила осень. Лес вокруг постепенно становился серым, теряя пожелтевшую листву и оголяясь. Кое-где среди чёрных стволов различались белые чёрточки худых берёз. В прозрачном ручейке виднелось каменистое дно, над которым юрко скользили серебристые рыбы. Позади лесного массива вздымались мрачные горные кручи страны, которая носила таинственное название *Паха Сана* — Чёрные Холмы.

Осень считалась неподходящим временем для военных походов. Нужно было охотиться и заготавливать мясо на зиму, и вскоре лагерь свернулся и выдвинулся на большую охоту.

Дни стояли тихие. Всё шло своим чередом. Время неторопливо утекало, унося с собой горести и радости и приближая с каждым часом новые. Незаметно пришла зима. Несколько раз небольшие группы юношей уезжали на север в сверкающую снежную даль, чтобы сразиться с Вороным Племенем и, возвращаясь, пригоняли немного лошадей. После этого в деревне устраивались праздничные пляски...

Жена Рэндала вновь забеременела, что вызвало у него заметную досаду, потому что это лишило его женских ласк. Никакие уговоры не могли заставить Мэгги разделить с ним ложе, едва она поняла, что в ней зародилась новая жизнь. Она строго соблюдала правила,

предписанные женщинам в её положении.

Однажды Медведь пришёл в типи к Рэндалу и, выкурив с ним трубку, решительно завёл разговор о Дике:

— Ты должен отвести сына в свою страну. Лунный Свет ничего не знает о мире белых людей.

— Ему и не нужно ничего знать. Разве здесь плохо?

— Большинство наших людей не понимают, что такое белый человек, и готовятся к войне против твоих братьев. Это приведёт к большой беде... Лунный Свет должен понять, что жизнь не ограничивается этими прериями, что есть ваши громадные дома, города. Ты — отец своего сына не по случайности. Ты должен выполнить то, что тебе положено.

— Я знаю. Ты привёл мне сестру не потому, что ей был нужен мужчина, а мне — женщина. У тебя было что-то ещё на уме.

— Ты должен был дать жизнь человеку, который смог бы повести за собой народ. Но для этого ты обязан показать ему мир, громадный мир Бледнолицых.

— Я никому ничего не обязан, — возмутился Рэндал.

— Если человек сходит со своей Тропы, то он погибает. Так говорят Духи. Не отворачивайся от них. Ты знаешь, что жизнью правят вовсе не твои желания, а Создатель. Он посылает на землю каждого из нас, даёт нам наши лица, наши голоса. Но мы не должны гордиться нашей красотой, нашей ловкостью, нашей силой, потому что нас такими сделал Вакан-Танка. Все, кто летают, ползают, ходят, будь у них по четыре ноги или по две, все они — дети Единого Духа. Но человек создан, чтобы, оставаясь частью целого, уметь исправлять ошибки, строить будущее, управлять жизнью. Он должен парить высоко, подобно орлу.

— Я не понимаю тебя.

— Ты был послан в наш край, чтобы встретиться со мной, чтобы дать жизнь мальчику, чтобы познакомить его с миром белого человека и дать ему знания. Этому мальчику суждено вырасти в великого вождя, если ты выполнишь то, о чём я говорю тебе.

— А если нет? — ухмыльнулся Рэндал.

— Тогда ты погибнешь. Таков закон. Кто сходит со своей Тропы, тому больше нечего здесь делать...

Рэндал Скотт продолжал сидеть с кривой улыбкой на губах, но почувствовал, как его спина покрылась испариной. Слова индейца заставили сердце сжаться. И дело было не в смысле и не в интонации сказанного. Что-то невидимое прикоснулось к груди Рэндала. Он

на мгновение увидел перед собой забытую сцену первого своего столкновения с дикарями. Перед ним возникла мощная фигура в медвежьей маске, и наконецник стрелы в натянутом тугом луке. Видение ушло через секунду, но ощущение страха перед чем-то огромным и непостижимым продолжало висеть в воздухе.

— Помолись перед тем, как ты решишься на что-то, — проговорил негромко Медведь. — Попроси у Великого Духа, чтобы он открыл тебе глаза и дал силу уму, дабы ты стал подобным Духу всего живого. Тогда ты сможешь идти твёрдо...

Больше Медведь не поднимал эту тему ни разу, хотя частенько заходил в палатку Рэндала узнать о самочувствии Мэгги и просто посидеть.

Ближе к лету Рэндал собрал кое-что из вещей и сказал жене, что отправляется в форт. Как всегда, он ничего не объяснял и ничего не обещал. Как и большинство трапперов, он называл индеанку своей женщиной, себя же он считал не её мужчиной, но свободным человеком. Он уезжал, когда хотел, и возвращался лишь тогда, когда обстоятельства приводили его в племя жены.

Деревня тоже снялась с места, разделилась на отдельные группы и разъехалась по равнинам, выискивая стада бизонов. Зимние запасы сушёного мяса кончились, предстояла долгая охота.

Почти месяц Рэндал Скотт промышкался в Чёрных Холмах, выискивая следы золотого песка. Кое-где он просиживал подолгу, неумело промывая грунт, но результаты были столь незначительны, что набранного золота хватало лишь на несколько стаканов виски. Временами ему попадались мелкие золотые камешки. Но всё это было случайно. Настоящего золотоносного участка он не отыскал. Ему по-прежнему было легче ставить капканы и так получать деньги. Но жизнь уже сильно изменилась. Пушного зверя стало заметно меньше.

Всякий раз, появляясь в форте на берегах Ларами, он отправлялся в небольшое строение, возле которого постоянно гомонили возбуждённые солдаты и слышался смех женщин, расположившихся перед дверью на скрипящих старых стульях. Эти напояженные дамочки прибыли специально для развлечения солдат, точно рассчитав, что в таком заброшенном месте у мужчин будет неутолимый аппетит на женское тело, а у них — возможность утолить этот солдатский голод и заработать на этом денег. Жившие возле форта Лакоты с интересом следили за странными отношениями между мужчинами и женщинами, с которыми им прежде не доводилось сталкиваться.

— У Синих Мундиров нет семьи, — удивлялись индейцы. — Должно быть, Бледнолицые солдаты не умеют делать семью. Они умеют только совокупляться с женщинами. Это общие женщины. С каждой из них спит много мужчин. Но эти женщины не рожают детей. Откуда тогда берётся столько Синих Мундиров?

Из всех проституток, живших около форта, Рэндалу нравилась только рыжеволосая Магнолия. В её койке, на порванном в двух местах полосатом матрасе, он находил то, что не встречал ни в Сент-Луисе, ни в индейской деревне. Магнолия тоже выказывала признаки равнодушия к Рэндалу, но деньги всё же брала, хоть и отработывала их с особым усердием и даже страстью.

— Я бы с удовольствием стала твоей женой, Скотт, — сказала она ему однажды, — но у тебя за душой нет ни цента. Ты просаживаешь все сбережения за один приезд сюда. А какого дьявола мне идти за человека без состояния? У тебя отличный член и хорошая морда, но этого мне мало. Нет, мой милый, я решила. Я поеду в Орегон, там сейчас полным-полно удачливых золотоискателей, новые города, обеспеченность...

Она лежала на спине, бесстыдно раздвинув ноги, и поглаживала себя одной рукой по внутренней стороне бёдер, другой рукой лаская мужское достоинство Рэндала.

— Скоро я отыщу золото в Чёрных Холмах, — отозвался он. — Я угробил уйму времени на это. Теперь я не отступлюсь. У меня будет золото.

— Если это случится, то не забудь сообщить об этом и позвать меня. Клянусь, тебе не придётся упрашивать меня. Но это лишь в том случае, если речь пойдёт о реальном золотишке, а не о пустых словах, мой милый, — хохотнула она и прильнула ртом к его паху.

— Не понимаю, зачем тебе деньги, — пробормотал он. — Ты всё спустишь на губную помаду, белила и подвязки для чулок. Наверняка купишь всевозможных побрякушек. За несколько дней у тебя не останется ничего.

— Пусть тебя не заботят мои будущие траты, — оторвалась Магнолия от него.

— Не понимаю, почему вы, женщины, так любите побрякушки. За кольца, серьги и тряпки вас можно купить с потрохами.

— Что же тут плохого?

— Ничего. Просто вы ничем не отличаетесь от дикарей. Вы все называете себя цивилизованными людьми и смотрите на индейцев с презрением. Но в действительности вы точно такие же дикари,

любите безделушки и погремушки, мажете свои лица краской, украшаете платья рюшечками, бантиками, ленточками, бахромой. Смешно...

— Кроме того, дорогой, — проститутка посмотрела ему прямо в глаза, — мы так же, как дикари, раздвигаем наши ноги, а вы суёте в нас ваши члены. Да, мы дикари. Только лично я хочу быть чисто вымытой и хорошо пахнувшей дикаркой. Понимаешь ты это, мой милый? И я желаю, чтобы в моём доме было уютно и чтобы его не заполнял дым от такой вот закопчённой печки. Я хочу удобств, уюта, а твои дикари не хотят ничего, кроме сытого брюха и вороха вонючих шкур...

Осенью проститутки загрузились в фургон и укатали, присоединившись к какому-то очередному каравану, и солдаты вновь окунулись в унылое пьянство.

[1] Индейцы не использовали табак в чистом виде, но всегда смешивали его с красной ивовой корой и некоторыми травами. Собственно табак составлял значительно меньшую часть курительной смеси, а основной частью была древесная кора. Любопытно, что курительный табак Дакоты называли *чан-ли* или *чан-йа*, что происходит от слова «чан-ха» (кожа дерева, т. е. кора).

Чёрное Платье

Всадник был одет в сильно поношенную чёрную робу, заштопанную во многих местах и подпоясанную верёвкой из конского волоса. Судя по его облачению, он принадлежал к иезуитскому ордену. Впрочем, на его голове сидела коричневая, совсем не монашеская, шляпа с обвисшими широкими полями — свою он, должно быть, где-то потерял. Наряд его промок насквозь под только что прошедшим дождём и ещё не успел высохнуть, тяжело облекая долговязую фигуру всадника сырыми складками. Грубое платье налипло на тонких волосатых ногах иезуита, и Рэндал увидел под задравшейся робой острые колени миссионера и красиво расшитые мокасины, плотно облежавшие его ступни.

Соскользнув с серой индейской кобылки, священник решительным шагом подошёл к Рэндалу и протянул для пожатия худую руку. Вид тонкого запястья вызвал у Рэндала чувство жалости. Иезуит напоминал беззащитную тростинку. Ему было не более тридцати лет. Жиденькая светлая борода покрывала впалые щёки.

— Грие, — представился он, широко улыбаясь. — Весьма рад увидеть белого человека в этой глуши. Вы смотрите на мою обувку? Прекрасная работа! Это подарок Черноногих. Женщина по имени Мелкие Камни сшила специально для меня три пары... Да ниспошлёт Господь ей счастье за щедроту её сердца! К сожалению, две пары я уже сносил... Простите, я много говорю, я отвык от общества белых людей... Я не расслышал вашего имени...

— Меня зовут Рэндал Скотт. Присаживайтесь к костру, я только что сварил кофе. У меня всегда получается хороший кофе. А вот лепёшки у меня обычно хромают, то недожаренные, то пересошенные выходят.

— Я с удовольствием проглочу даже самый твёрдый-претвёрдый сухарь, — поправив длинные полы плаща, Грие опустил на корточки и отвязал от пояса жестяную кружку. — Я сегодня ничего не ел, и одного вида ваших лепёшек достаточно, чтобы мой желудок начал петь псалмы.

— Далеко ли держите путь, отец? — Скотт налил ароматный напиток в подставленную кружку и усмехнулся слову «отец», с которым он, пятидесятилетний мужчина, обратился к молодому человеку.

— Я кочую от одного племени к другому. Дорога моя, будучи слишком витиеватой, делается бесконечной. Последнее время я жил

у Черноногих, в клане Коротких Рубах.

— Пытаетесь обратить дикарей в истинную веру?

— Пытаюсь, — вздохнул священник. — Не всегда, конечно, мне хватает смиренного усердия. Приходится то и дело обращаться к Господу за помощью и к примеру старших моих братьев, праведные труды коих дают чудесные результаты.

Прожив почти двадцать лет на Дальнем Западе, Рэндал Скотт ни разу не встречался ни с одним миссионером, хотя слышал о них много разных историй. Легендарной личностью был иезуит Де Смет, прекрасно знавший все равнинные племена и ладивший со всеми. Индейцы относились к нему если не с любовью, то с неисчерпаемым доверием. Он же, стараясь не давить на туземцев, дабы не отпугнуть их чрезмерной своей настойчивостью, всё же не упускал ни одного случая, чтобы произнести христианскую молитву в их присутствии. Когда воины возвращались из набега, он непременно обходил лагерь, звоня колокольчиком, привязанным к поясу, и созывал дикарей в свою палатку, чтобы обратиться к Иисусу и возблагодарить его за удачное возвращение людей с военной тропы. Де Смет нередко выступал и в роли посредника между правительственными чиновниками и краснокожими жителями прерий, и не было, казалось, такого дела, которое было бы ему не по плечу[1].

— Божьей милостью я выполню любое возложенное на меня поручение, — говаривал он, скромно улыбаясь и показывая свои крупные передние зубы, за которые получил от индейцев прозвище Длинные Зубы.

Рэндал слышал от Лакотов об удивительных душевных качествах Де Смета и теперь, ведя неторопливую беседу с Грие и с любопытством разглядывая его, невольно пытался наделить его всеми свойствами отца Де Смета.

Грие был на редкость худ. Когда он вытягивал руки, то они, бледные и тонкие, высовываясь из обтрёпанных широких рукавов, напоминали Рэндалу ветви деревьев, с которых была начисто очищена кора. Эти руки не обладали достаточной силой, чтобы носить тяжести, колоть дрова, разделывать туши зверей. Такими руками, похоже, нелегко было справляться с лошадей. И всё же этот тридцатилетний священник, похожий на мечтающего мальчишку, жил в прерии и не боялся переезжать с места на место в полном одиночестве, не имея при себе никакого оружия. Как ему удавалось выживать в столь диком краю? Как ему удавалось находить общий язык с индейцами?

— Очень трудно приучить дикарей отдыхать на седьмой день, —

рассказывал Грие, почёсывая жиденькую бородку. — Эти дети природы не понимают, почему следует устраивать день отдыха, почему не следует ходить на охоту или мездрить шкуры в воскресенье. Я обязательно провожу воскресную службу, но далеко не всегда, к сожалению, удаётся собрать на службу достаточное число индейцев. Хотя, скажу я вам, в основной своей массе они с уважением относятся к моим проповедям, даже если и не соглашаются принять крещение. Одним словом, приходится попотеть...

— Стало быть, не без проблем, — не то спросил, не то сделал вывод Скотт.

— Да. Всякое случалось... Не везде меня принимали хорошо. Например, когда я попал к Большебрюхим, меня избили и раздели. Мою сутану забрала себе какая-то женщина. Видите на спине пришито несколько лосиных зубов? Это она решила сделать из моей одежды платье для себя и уже начала украшать его на свой манер. Они заставили меня надеть ноговицы и рубаху из кожи. Это страшный грех для меня. Я не имею права снимать мою одежду.

— Но я вижу, вы всё же вернули её себе.

— Вернул, но не сразу. До Большебрюхих я жил у Черноногих, и там у меня осталось много хороших друзей. Я был настолько расстроен приёмом, который оказали мне Большебрюхие, что не мог совладать с моими чувствами и поспешил уйти от них обратно к Черноногим. Меня, знаете ли, не так легко оскорбить. Воспитание в иезуитской школе отличается не только суровыми физическими наказаниями за провинности, но также приучает нас сносить самые страшные унижения. Нас ничем не удивить.

— Так-таки ничем? — не поверил Скотт.

— Быть может, вы не знаете, друг мой, но иезуиты не только обязаны терпеливо сносить страдания, доставляемые им другими людьми, но и сами бичевать себя за несправедливые мысли. Мне не раз приходилось хлестать самого себя колючками за то, что я начинал думать, например, о женщинах... Я самолично наказывал себя, а для этого, согласитесь, надо быть достаточно честным перед самим собой... Так что синяками меня не испугать...

— Вы, как я погляжу, способны потягаться в терпеливости с краснокожими.

— Да, дикари умеют сносить боль. Все эти кровавые Пляски Солнца и прочие варварские ритуалы...

— Так что с вами дальше произошло? Ну, после того, как с вами полюбезничали Большебрюхие?

— Признаться, я сильно разгневался и обещал моим обидчикам, что Бог накажет их в скором времени... Прости мне, Господи, мою несдержанность... Это случилось весной, а в конце лета я вновь встретился с Большебрюхими. Дело было так... — Грие замолчал на некоторое время и прикрыл глаза тонкими пальцами, будто пытаясь воскресить в памяти картины тех дней. — Несколько молодых людей уехали охотиться на антилоп. Кажется, это были Левая Рука, Жёлтая Птица, Порванное Ухо, впрочем, не в именах дело... На них напал военный отряд Большебрюхих, и только Левая Рука сумел избежать гибели. Черноногие сразу принялись созывать людей, чтобы отомстить врагам. Но я отговорил их, хотя, поверьте, остановить рассвирепевших мужчин не так легко. И всё же я убедил их не ехать в поход. Большебрюхие были удивлены, что никто не погнался за ними, и приняли это за трусость Черноногих. Через пару дней пятеро их людей прокрались под утро в наше стойбище. Стоял густой туман, и это играло им на руку. Они надеялись украсть лошадей из нашего лагеря. Но Господь распорядился иначе. В тот самый момент, когда конокрады начали отвязывать лошадей, туман внезапно рассеялся, и вору оказались на виду у всей деревни. Черноногие убили их сразу, едва обнаружили их. Но я снова уговорил их сдерживать свой гнев и не преследовать тех врагов, которые были за пределами деревни. Большебрюхие вновь не поверили в благородство Черноногих. Они наивно полагали, что наша деревня была населена трусливыми людьми. Но Бог наказал их за излишнюю самоуверенность. Они напали на нас через пару дней, подступив к нашему стойбищу большим отрядом. Они ехали, оглашая воздух ужасными песнями и криками. Многие держали в руках зеркала и пускали в нашу сторону солнечные блики, выказывая тем самым своё презрение к нам. Лица густо покрыты яркими красками. Волосы либо подняты дыбом над лбом, либо прямо расчёсаны, либо в косы заплетены. Тела смазаны жиром. Это было ужасно.

— Я знаю, что такое военный отряд краснокожих, — хмыкнул Скотт, — можете опустить детали. Дайте-ка вашу кружку, я плесну ещё вам кофейку, правда, тут уж одна гуща осталась...

— Большебрюхие надеялись на стремительную победу, ожидая, что им придётся лишь убивать убегающих людей, — продолжал Грие. — Но в этот раз я не только не сдерживал моих друзей, но даже сам выехал с ними на поле боя, обращаясь с громкими речами к Господу и моля его о содействии. В руке я держал крест со святым распятием. Думаю, это было странное зрелище, ведь я был одет в индейскую

рубаху и набедренную повязку. Меня отличала от них только борода и отсутствие оружия. Крест в руке и молитвы были моим единственным оружием... Я полагал, что Черноногие проявили достаточное терпение и послушание, не ответив жестокой мстью на предыдущие нападения врагов. Теперь я молил о том, чтобы небо наградило их за послушание. И Господь услышал мои молитвы. Большебрюхие были разбиты, многие из них пали в том бою, многие бежали. А их вождь Синяя Тетива спрятался в кустах, как самый жалкий трус. Черноногие долго насмехались над ним, но сохранили ему жизнь и прогнали, вымазав с ног до головы собачьими испражнениями. Этот позор останется с Синею Тетивой до конца его дней. Зато Большебрюхие увидели меня и сочли, что именно я был виной их поражению, вспомнив, что я обещал им ужасную кару за нанесённое мне оскорбление. Вскоре они прислали в наш лагерь мирных гонцов и выкурили трубку с вождями Черноногих и со мной. Гонцы привезли мне и мою сутану, отнятую у меня Большебрюхими. Я решил не спарывать пришитые к ней лосиные зубы в память обо всём случившемся. Они долго извинялись, но я уже не злился на них, ведь Господь послал им страшное наказание, возможно, даже более тяжёлое, чем я мог ожидать.

— Вы верите в то, что это кара Божья, отец? — Рэндал пристально посмотрел на миссионера.

— А вы полагаете, что я заблуждаюсь? — Грие ответил таким же пристальным взглядом.

— Это просто война. Иногда везёт одним, иногда — другим. Нас преследуют самые удивительные случайности.

— Случайность? Мой друг, никаких случайностей не бывает. Случайность — это воля Господа, сокрытая от человеческих глаз, — уверенно проговорил иезуит.

— Не спорю, временами кажется, что человека настигает возмездие за подлые поступки. И всё же... Одним словом, я не знаю... Но я завидую вам, вашей вере, святой отец...

— Человек привык считать себя хозяином своей судьбы. В этом его беда. Нет, конечно, я не призываю никого сидеть сложа руки и ждать манны небесной. Но я твёрдо знаю, что все ваши усилия не дадут никакого результата, если вы хотите сделать что-то наперекор Божьей воле. Я встречал множество людей, которые брали в руки оружие, дабы совершить возмездие. Такие люди наивно считают, что способны вершить суд. В действительности же им удаётся покарать обидчиков лишь в том случае, если на то есть воля Господа. Они же считают, что

сами сделали всё... А у многих в голове мысли и того страшнее. Знал я одного человека, который побывал, несмотря на свою молодость, во многих страшных сражениях. Нет ничего ужаснее наёмного солдата... Этот Жак Вернье, о коем я говорю, был моим другом с раннего детства, но мы пошли разными путями. Он француз по рождению, но служил в английской армии и совершенно утерял чувство родины. Я тоже не знаю родины, я живу слишком далеко от отцовского дома, но я не горюю. Земля — общий дом для всех нас, пусть мы и разнимся друг от друга. Господь поселил нас на этой планете, научил нас переезжать с места на место, дабы мы общались, обменивались непохожими сторонами наших культур, познавали друг друга... Так вот этот мой Жак настолько привык убивать людей саблями и пулей, что очень быстро перестал воспринимать человека как человека. Всякое живое существо стало в его глазах просто куском мяса. Он начисто утратил ощущение чужой жизни, ибо мог оборвать эту жизнь взмахом руки. Убийство сделалось для Жака столь незатейливым и естественным делом, что он прибежал к нему всякий раз, когда кто-то перечил ему в чём-либо. Представьте только: не нравится ему что-то в ваших мыслях, и он не утруждает себя ни малейшим усилием переубедить вас, он просто выхватывает пистолет и пронзает пулей ваше сердце. Вот и весь спор. Любой, кто перечит ему, кажется ему помехой, которую он без колебаний сметает с пути. Для него чужая точка зрения, противоречащая его собственной, просто не имеет права на существование. Это страшно... Однажды он приехал погостить домой, и мне случилось быть там в то же самое время. Именно поэтому я смог узнать его взгляды на жизнь. Жак искренне обрадовался, увидев меня, хотя моя сутана немало озадачила его. Мы долго разговаривали с ним, вспоминали наше детство. Но какой же силы отчаянье охватило его, когда он вдруг обнаружил, что мои мысли радикально отличаются от его идей! Он вскочил, рассыпался бранными словами и готов был уже оторвать мне голову. Но он не сделал этого. Он внезапно упал лицом на стол. Господь лишил его сил. Жак долго рыдал, будучи не в состоянии объяснить свои переживания. Я — некогда его ближайший друг — перестал быть для него другом, едва я стал противоречить Жаку. Чужая жизнь для него — ничто. Он не видит в ней никакого веса, никакой ценности. Он привык разрушать её, едва она становилась на его пути малейшей помехой. Понимаете, Скотт, о чём я говорю?

— Думаю, что понимаю, — кивнул Рэндал.

— Жизнь не нужна Жаку, если она противоречит ему, если она

оказывает ему сопротивление. Что может быть ужаснее? Ведь это полное отсутствие любви! Полный отказ от Бога! Вот вы говорите, что в вашем сердце нет веры. Вы ошибаетесь. Вы наполнены тысячами чувств, вы способны осознавать их, вы способны делиться ими. А Жак, мой несчастный Жак Вернье, лишён этого. Он не принимает ничего... Вы можете прийти к Богу, по крайней мере, можете приоткрыть своё сердце, а он — нет. Он лишён любви. Он считает себя судьёй, который правит миром.

— Что же с ним теперь?

— Полагаю, он погиб где-нибудь. Я не видел его больше с того дня, но много раз молился о его душе.

— Послушайте, отец. — Рэндал взял Грие за локоть. К своему удивлению, он вдруг понял, что теперь уже он ничуть не смущался говорить иезуиту «отец». В этом худом и слабом на вид человеке он увидел нечто особенное, мощное, непоколебимое. — У меня был друг по прозвищу Джек-Собака. Он умер, старость подточила его. Давайте я покажу вам его могилу. Он погребён по всем индейским правилам, ему были оказаны высокие почести. Но христианского слова над ним никто не произнёс. Я не знаю, был ли он христианином. Мы здесь все — дикари, независимо от нашей веры. Однако я руку дам на отсечение, что Джек-Собака был настоящим человеком. Я никогда не видел его злым. Я не знаю, нужна ли ему хорошая молитва, чёрт её... простите, отец. — Рэндал шлёпнул себя по губам. — Быть может, вы не откажетесь исполнить эту мою просьбу, отец. Здесь недалеко, три дня пути. Мы можем даже собрать его кости и закопать их в землю, как это полагается... Если, конечно, мы найдём кости... Койоты, знаете, всюду пролезут...

— Разумеется. Я готов отправиться к вашему другу хоть сейчас, — с готовностью ответил иезуит. — Но я бы хотел немного просохнуть у огня.

— Да, да, спешить некуда, — согласился Рэндал. — Кстати, как вас называют индейцы, отец?

— Раньше я был Чёрное Платье, — отозвался иезуит, — дикари почти всех миссионеров так зовут. Но после того сражения, где я ехал вместе с воинами, держа в руке распятие, Черноногие нарекли меня Крест Вперед.

[1] В 1840 году группа миссионеров во главе с отцом Пьером Де Сметом основала миссию Святой Марии в долине Горького Корня на территории Плоскоголовых. В течение нескольких следующих лет Де Смет и его помощники (Грегори Менгарини и Николас Поинт) обратили в христианство Плоскоголовых, Кутенаев и Проткнутых Носов. Священники Де Смета сумели окрестить даже некоторых индейцев из клана Коротких Шкур (небольшая самостоятельная группа Пъеганов, часто кочевавшая рядом с Плоскоголовыми). Обращая индейцев в новую веру, иезуиты старались приучить их к мирной жизни. В 1846 году Де Смет собрал вместе две тысячи представителей различных горных племён и Черноногих на Реке Раковин. Интересно, что индейцы пришли не столько ради мира, сколько из любопытства. Дело в том, что в последнее время у племён, принявших крещение, заметно улучшились результаты военных походов. Именно это привлекло внимание остальных индейцев. Они готовы были принять крещение, если оно гарантировало им успех в войне.

Татанка Ханска

(рассказ в переводе Уинтропа Хейли)

Вдоль Реки Раковин проходила тропа, по которой постоянно проезжали белые люди. В те годы их стало очень много. Они двигались в палатках, поставленных на колёса, и гнали с собой лошадей с длинными ушами и бизонов странного вида и цвета. Трава, которой раньше питались наши кони, была вытоптана в тех местах и съедена их пятнистыми бизонами[1]. Эти переселенцы вырубili там лес и перестреляли всю дичь.

Мы никак не ожидали, что кто-то мог так изменить внешний вид нашей земли. Но в то время мы не догадывались, что это было лишь начало. К тому времени мы уже долго называли белых людей словом *Васичу*. Ты спрашиваешь, что оно означает? *Вашин* — это то, что образуется поверх кипящего супа, пенка. Те, которые стараются первыми снять эту пенку, и есть *Васичу*. Белые люди забирали лучшее, что попадалось им на пути.

Солдаты поселились в форте Ларами, где мы раньше обменивались товарами с белыми охотниками, и возвели ещё один городок для себя на берегу Реки Раковин неподалёку от большого острова. Мы уже не боялись солдат, ведь они совсем не воевали с нами. Они напугали нас только, когда приехали в первый раз в наш край, потому что мы никогда не видели такого оружия, которое они прикатали на колёсах.

Когда нам надоело постоянное присутствие белых людей на дороге вдоль Реки Раковин, мы собрали огромный отряд и решили показать всем, находившимся на той территории, кто был её настоящим хозяином. К Лакотам присоединилось много Говорящих-На-Чужом-Языке, потому что мы давно водили с ними дружбу.

Мы поставили лагерь недалеко от городка солдат, чтобы они увидели нашу мощь. Это был крупный военный лагерь. Много позже я слышал разговоры о том, что в том лагере находились только вооружённые мужчины, но это не так. С нами были и женщины, но очень мало, не больше десятка человек на сотню воинов, женщины занимались приготовлением пищи. Если бы отряд был небольшим, то воины справились бы своими силами, но нас было слишком много, мы везли с собой даже типи, мы нуждались в женских руках. Принято считать, что женщины не ходят в поход с мужчинами. Это правильно.

Но почти в каждом воинском обществе есть молодая женщина, которую все члены этого общества называют сестрой. Она иногда отправляется в военные походы с мужчинами. Вот таких сестёр мы и пригласили с собой, чтобы они следили за нашей одеждой, кровом и пищей. У них было много забот.

Мы напали на деревню Волков и сильно побили их. Помню, как один мальчик, который не принадлежал ни к какому воинскому обществу, так как был слишком молод и последовал втихомолку за нашим большим отрядом, во время атаки на деревню Волков вырвался вперёд на своей лошади и дважды ударил длинной палкой врагов, выбежавших навстречу. Под ним убили лошадь, и он упал на землю. Но в следующее мгновение он поднялся на ноги и бежал вперёд. Он был застрелен возле первого дома Волков, когда хотел ворваться внутрь. Этот мальчик очень хотел стать славным воином, но он слишком спешил. Его звали Порезанный Палец. Мы оставили его тело в палатке, и я повесил перед входом в палатку мой щит, чтобы он оберегал мальчика от злых людей и злых духов. С тех пор у меня не было щита, но я не горюю. Я уверен, что тень моего щита помогла мальчику в дороге по невидимому миру.

После этого наши воины остановили обоз белых людей, который направлялся к солдатам и вёз им оружие и патроны. Это был очень быстрый бой, никто из наших не погиб, а каждый Васичу проявил себя трусливым псом и поджал хвост. Мы отняли у них всё и ускакали. Когда вечером мы перечисляли наши подвиги в том столкновении, мы насчитали много прикосновений к Бледнолицым. Мы чувствовали себя очень довольными, потому что не понесли потерь и сумели доказать Васичам нашу силу.

Но радость наша не была долгой. К нам пришла беда, которую не ждал никто.

Мы много раз видели мертвецов, которых Бледнолицые оставляли лежать вдоль дороги, и встречали могилы, куда они клали покойников. Некоторые Лакоты забирали одежду с этих трупов, не подозревая, что в ней таилась страшная болезнь[2].

Она поразила нас коварнее всякого врага, который нападает со спины. И мы не знали, как сопротивляться этой болезни. Многие люди угасали на глазах, их лица чернели, руки и ноги тряслись. Иногда здоровый мужчина умирал за два дня.

Мы пустились бежать из этих мест, решив скрыться в деревнях наших северных сородичей. Но некоторые наши колдуны велели нам не встречаться ни с кем, сказав, что мы принесём им болезнь

и убьём их.

Мы разъехались небольшими группами и стали ждать.

Две мои жены умерли на первой стоянке. Я не смог устроить им полагающиеся проводы в Мир Теней, потому что сам уже не ходил. Мои дети умерли ещё в дороге.

Пока мы ехали, мы оставляли мёртвых лежать в типи. Иногда мы складывали в одну палатку по десять человек. И опять пускались в путь. Но пришёл момент, когда наша группа остановилась.

Среди нас было два мудрых человека — Длинный Конь и Странный Медведь. Они заставили всех нас разойтись подальше друг от друга, чтобы больные не соприкасались со здоровыми. Длинный Конь ездил по равнине и собирал черепа бизонов. Затем он клал их перед входом в те палатки, где находились больные или умершие. Бизоны — самые сильные существа на земле. Дух их племени способен защитить от любой напасти, если *правильно его попросить*. Длинный Конь поворачивал черепа быков так, чтобы они не выпускали болезнь из типи, куда она проникла. Странный Медведь сидел за пределами лагеря и молился. Все знали, что он обладал великой силой, но он сказал, что Духи нашей земли не были знакомы с нагрянувшим врагом, они не знали языка, на котором говорила страшная болезнь, им требовалось время.

— Мы должны молиться и ждать, — сказал тогда Медведь.

Среди нас был очень отважный воин по имени Красный Лис. Поняв, что он погибает, собрал последние силы и вышел из типи в боевом убранстве. Он затянул священную песню и встал перед своим жилищем, опершись на копьё. Он обращался к Злым Духам, требуя, чтобы они появились перед ним и сразились в честном бою. Он был так слаб, что упал, не допев песню. Кто-то направился к нему, чтобы поддержать, но Медведь отогнал их, угрожая ружьём.

Так умер Красный Лис, защищая свою семью, но его родственники всё равно не выжили.

Чёрный Щит, Крапчатая Шапка, Сильная Рука, Боящийся Орла, Притаившийся, Длинный Нос, Короткие Волосы — все они были сильными и храбрыми молодыми воинами, но умерли. В нашей общине было пятьдесят человек, и двадцать ушло в Мир Теней той осенью.

Я выжил, но долгое время после этого чувствовал себя слабым и не отправлялся в военные походы.

Шагающая Лисица, жена Медведя, тоже поправилась. Даже его дочь Священная Песня поднялась на ноги, хотя болезнь напала на неё

раньше других. А вот родившийся у его сестры Магажу второй ребёнок скончался.

[1] Не имея домашнего рогатого скота, индейцы не знали соответствующего для него термина и называли его единственным известным им словом *татанка* (бизон), но так как облик фермерских коров казался индейцам странным, они называли их *странными бизонами* и *пятнистыми бизонами*.

[2] В 1849 году на Миссури вспыхнула азиатская холера, и переселенцы привезли её в страну Лакотов и Шайенов. Спасаясь от убийственной болезни, индейцы бежали прочь. В 1850 году сообщалось, что от холеры погибла половина племени Шайенов. Лакоты пострадали чуть в меньшей степени, так как обитали севернее своих союзников, и лишь их южные группы подверглись уничтожительным ударам эпидемии. Холера продержалась почти год. После неё сразу пришла оспа.

Трубка мира

Всё лето 1851 года агенты по делам индейцев рассылали гонцов в разные общины Лакотов и Шайенов, созывая индейцев на большой совет. Планы правительства были грандиозны, но на их пути столетним валежником громоздилось индейское упрямство.

Прослышав о том, что белые люди желали заключить мир не только с Лакотами и их союзниками, но хотели, чтобы Лакоты выкурили Трубку и со своими древнейшими врагами, Странный Медведь первым принялся уговаривать соплеменников отправиться в городок Бледнолицых. Он знал, что Лакоты ещё не представляли, каким могуществом обладали Светлоглазые. Он понимал, что мир был необходим индейцам так же, как постоянная охота на бизонов, потому что проявление враждебности Лакотов по отношению к белым грозило перерасти в настоящую войну, исход который не мог быть в пользу краснокожих.

— Братья, раскройте свои уши и услышьте меня! Сейчас в вас говорит гордость, но не разум. Я не могу заставить никого произносить добрые слова, если он жаждет мести и крови. Но Вакан-Танка добр к нам лишь до тех пор, пока мы добры к окружающему миру. Если в наших сердцах злость, если мы позволяем ей обрушиться на кого-то, то Вакан-Танка отворачивается от нас и насылает на нас беду. Она приходит в виде коварных врагов, которые убивают лучших из нас и воруют наших женщин и лошадей, или в виде болезней, которые страшнее всякого врага. Я призываю вас забыть о ненависти, отложить в сторону оружие и отправиться священной поступью по Тропе Жизни! Когда мы сделаем так, Великий Дух улыбнётся нам сверху, как послушным детям. Когда мы будем терпеливо сносить все невзгоды, а не хвататься за оружие, Вакан-Танка сам защитит нас от врагов! — Медведь с жаром выступал на каждом совете, пытаясь передать соплеменникам свои чувства. Они слушали его, но многие скептически покачивали головами. — Хранитель Очага Жизни обладает силой, которая не знает предела. Сама жизнь бесконечна, мы должны понять это, и наши страхи перед смертью будут развеяны, как пыль. Вакан-Танка создавал людей и животных не для того, чтобы они умирали.

Однажды Белый Подбородок, снискавший популярность среди воинственной молодёжи своей безрассудной отвагой, поднялся, когда

Медведь закончил говорить, и дотронулся ладонью до своего виска.

— Я давно слушаю слова Медведя, — сказал он задумчиво, — и вижу, что его слова полны мудрости, которую я не в силах постичь. Такие слова не может произнести обычный Лакот. Они могут сорваться только с губ безумного человека. Я слышу речь Безумного Медведя. Нормальный Лакот понимает, что наши женщины, дети и старики нуждаются в защите. Кто оградит их от врагов, если мы отложим оружие? Мы все знаем, как коварны наши враги. Неужели мы согласимся зарыть боевые топоры? Мир — хорошее дело. Но когда угли костра переговоров остынут и мы разъедемся в разные стороны, что мы будем делать? Как мы будем жить, если перестанем воевать? Что подумают о нас наши женщины? Они станут считать нас трусливыми собаками, которые боятся проверить себя на поле боя. Нет, я не поеду разговаривать о мире со Змеями. Я буду курить трубку с Голубыми Облаками и с Говорящими-На-Чужом-Языке, потому что они наши друзья. — Юноша задумался и добавил: — Дружба и мир это хорошо. Но Медведь хочет, чтобы мы навсегда зарыли боевой топор. Он безумен...

После этого за Медведем само собой закрепилось имя *Мато Уитко*, то есть Безумный Медведь. Никто не желал оскорбить его, ведь Лакоты считали, что каждый настоящий мудрец и каждый святой человек был немного ненормален, так как его ум был устроен иначе, чем у всех.

До сих пор большинство соплеменников считало его просто странным, не умея объяснить многие поступки Медведя. Редко кто слышал его речи, потому что он не принимал участия в советах, и это словно отодвигало его в тень, не привлекало к нему внимания. Теперь он заговорил, и мысли, теснившиеся в его голове, выплеснулись наружу, сделав его в глазах людей ещё более странным. Лакоты сознавали, что слова Медведя были весомы, но соплеменники не могли принять их.

Тем летом ему исполнился сорок один год. Он был по-прежнему силен и ловок, как и полагалось настоящему воину. Он был мудр, каким и должен быть святой человек. Он никогда не проявлял назойливости, чем сильно выделялся среди соплеменников, так как они всегда бурно отстаивали свои взгляды, быстро приходили в возбуждение, с лёгкостью обвиняли друг друга и ссорились, не желая принять во внимание чужое мнение. Мато Уитко чаще оставался спокойным наблюдателем, даже присутствуя на воинских собраниях. Какая-то скрытая сила властной рукой прикрывала его рот, когда он временами хотел подняться и гневно прервать чью-нибудь горячую

речь, удивляясь неразумности брошенных слов оратора. Невидимый наставник ждал, покуда сердце Медведя успокаивалось, и отпускал его, после чего он спокойным голосом говорил одну или две фразы и опять погружался в молчание.

Но случилось событие, после которого община решила последовать его совету.

Однажды после очередной сходки Медведь отправился поститься и провести никому не известную церемонию в стороне от стойбища. Многие слышали, как он исполнял странную песню без слов, и позже кто-то утверждал, что это была та же песня, что звучала с горы в день рождения его дочери. Он не возвращался в деревню два дня. На третий день рано утром, когда трава ещё полулежала под тяжестью крупной росы, Медведь бесшумно вошёл в круг лагеря с бубном в руках и долго стоял там без движений. Он был совершенно наг, длинные волосы распущены по плечам и спине и даже падали на лицо. Когда он вдруг громко запел под звуки бубна, люди в ближайших типи испуганно высунули наружу головы. Потом они рассказывали остальным, что видели, как перед входом каждой палатки маячили неясные тени, похожие на страшные коряги с растопыренными в разные стороны чудовищными лапами-ветвями. Но песня Медведя развеяла эти тени. Когда же пробудился весь лагерь, индейцы сбились плотным кольцом вокруг поющего Мато Уитко.

— Люди не поймут, люди не поймут, — тянул он чужим голосом.

Глаза его были закрыты, будто он спал, босые ноги слегка притопывали. Женщины сперва перешёптывались и хихикали, указывая пальцами на неприкрытую мужскую плоть Безумного Медведя, но вскоре весёлое настроение покинуло собравшихся.

— *Уитко, уитко*, — доносилось иногда из толпы, — он сошёл с ума.

Совершенно неожиданно кто-то в задних рядах воскликнул:

— Бык!

Женщины бросились врассыпную, увидев громадного бизона с мощной головой и большими рогами, на которых налипли комья земли и длинные листья травы. Мужчины кинулись за оружием. Бык мчался прямо на индейское селение, словно ослеплённый яростью. Гулко отдавался топот его копыт, и казалось, что земля содрогалась под его весом.

Безумный Медведь остался один посреди палаток. Он оборвал свою заунывную песню и развёл руки в стороны. Глаза его оставались закрыты, волосы лениво шевелились на ветру.

Он сделал шаг вперёд, и свирепый бык внезапно замедлил бег

и остановился перед индейцем на расстоянии вытянутой руки. Поднявшиеся было со всех сторон крики, подобно брызгам от ударившейся о камень волны, опали. Повисла глубокая тишина.

Зрелище было настолько поразительным, что никто не осмелился даже громко вздохнуть.

Бизон был покрыт длинной грязной шерстью, свисавшей с брюха почти до земли. Он стоял перед одинокой фигурой голого дикаря и не двигался. Индеец тоже не шевелился. Он смотрелся абсолютно беспомощным перед горбатым исполином, и нагота его жилистого тела на фоне почти чёрной шерсти быка усиливала это впечатление. Хрупкая человеческая фигурка, не делая никаких движений, удерживала могучее животное на месте какой-то неведомой силой.

Затем словно что-то толкнуло Безумного Медведя, и он вновь ударил в бубен. Бизон медленно повернулся и пошёл прочь из лагеря.

Никто из Лакотов не решился сразу приблизиться к Безумному Медведю, а он всё стучал и стучал по звонкой гудящей коже бубна. И вдруг он упал. Волосы разметались по земле, глаза раскрылись и устремились в высокое небо, уже пронизанное сиянием утреннего солнца.

Его отнесли в палатку, и там он очнулся. Шагающая Лисица заставила всех уйти, и никто не знал, что происходило там дальше. Но к полудню Медведь вышел наружу. Волосы его были расчёсаны на прямой пробор и стянуты у висков в косы, как и полагалось истинному Лакоту. Длинную рубашку из мягкой оленьей кожи украшала лишь бахрома, светло-коричневые штанины и мокасины тоже не имели никакой вышивки. Это был прежний Медведь, каким его привыкли видеть соплеменники.

Никто так и не узнал, что было с Безумным Медведем и помнил ли он сам, что с ним произошло.

В тот же вечер на сходке воинских обществ было решено отправиться к форту Ларами, куда звали гонцы.

— Мато Уитко не может желать зла своему народу. Видно, он знает то, о чём не догадываемся мы все. С ним рядом всегда стоят могущественные духи. Мы поедem к городку белых солдат и послушаем, что они скажут нам. Мы всегда сможем свернуть наши типи и уйти от них, если решим, что этот разговор нам не нужен...

Возле форта они обнаружили множество других Лакотов. Огромные табуны паслись по всему берегу реки, поднимая пыль. Воздух был пронизан голосами тысяч собравшихся для переговоров индейцев. Огромный лагерь гудел, встречая новоприбывших.

В тот же день появились гонцы с известием о приближении большого отряда Шошонов. Лакоты заволновались и нетерпеливо разъезжали на своих гривастых лошадках перед стенами укрепления из необожжённого кирпича. Увидев возбуждение дикарей, из домов, построенных за пределами крепостных стен, стали выходить торговцы. Женщины подняли душераздирающий вой, оплакивая своих мужей и братьев, погибших в войне с Шошонами. Солдаты, застёгивая на бегу мундиры, поспешили на шум, чтобы полюбопытствовать, как станут разворачиваться события.

Шошоны появились из-за гребня холма, вытянувшись длинной вереницей. Они сидели на красивых лошадях и были хорошо вооружены. Впереди ехали мужчины в парадной одежде, держа наготове ружья. Следом двигались женщины с детьми, а позади — ещё воины для охраны. Всего их насчитывалось около двухсот человек. Рядом с головным всадником ехал белый охотник, осматриваясь с той же настороженностью, что и его краснокожие спутники. Это был Джим Бриджер, взваливший на себя бремя проводника и своего рода гаранта безопасности Шошонов на территории враждебных Лакотов.

Колонна в полном молчании приближалась к долине, усеянной индейскими жилищами. Глядя на этих ещё далёких всадников, приехавших в самое сердце страны Лакотов, Медведь вспоминал себя в торговом лагере на берегу Зелёной Реки. Он также видел перед собой тьму врагов, провожавших его хищными взглядами. Но он был на земле Змей один. Шошоны же пришли сюда сильным отрядом.

Внезапно из плотной толпы Лакотов с криком вырвался молодой индеец и, яростно нахлёстывая коня, ринулся на остановившихся Шошонов. В его левой руке был лук и стрела. Следом за ним пришпорил гнедого жеребца какой-то человек в кожаной куртке (переводчик, как выяснилось позже). Он настиг дикаря метрах в ста от застывшей вереницы всадников, приготовившихся к бою, и, вцепившись разгорячённому юноше в волосы, стащил его за косы с коня. Он что-то кричал сброшенному на землю индейцу, быстро жестикулируя и указывая на застывших Шошонов. То ли его слова, то ли ружейные стволы, направленные на него, убедили дикаря, но он вспрыгнул на коня и поскакал обратно с угрюмым лицом. Огнестрельное оружие среди Лакотов в те дни было ещё явлением редким. На сотню воинов приходилось от силы два-три ружья.

К полудню суперинтендант распорядился, чтобы все собравшиеся общины свернули палатки и перебрались на Лошадиный Ручей, так как громадные индейские табуны вытоптали всю траву вокруг форта.

То, что предстало чуть позже перед взором стороннего наблюдателя, являло собой одно из самых необычайных шествий за всю историю Дальнего Запада. Грандиозную кавалькаду возглавляли два отряда военных, над которыми лениво колыхался американский флаг. За ними катили повозки, в которых тряслись правительственные чиновники, чихая в мутных клубах пыли. Следом громыхали фургоны с разного рода припасами. Позади почти на две мили растянулась колонна индейцев. Военные лидеры были при полном параде, надев самые яркие наряды, покрыв лица краской и украсив головы пышными уборами. В руках были копья, увешанные волчьими шкурами и перьями, священные жезлы воинских обществ с кожей гремучих змей и птичьими чучелами, магические барабаны... Мужчины двигались в полном молчании и выглядели спокойными, но все сжимали оружие, готовые в любую секунду развернуться веером и броситься на врагов. Женщины кутались в расшитые пёстрые одеяла и шкуры. Они то и дело оглядывали шуршавшие по земле волокуши, где устроились самые маленькие дети. Тут и там виднелись собаки с волчьей наружностью, они выглядели не менее гордыми, чем их хозяева, и некоторые, подобно лошадкам, тоже тащили за собой небольшие волокуши с вещами.

На следующий день напряжение спало. Из одного лагеря в другой ходили делегации индейцев, предлагая друг другу выкурить трубку. Чиновники в чёрных одеждах заседали за столом под натянутым тентом, объясняясь с вождями через переводчиков, доказывая что-то, убеждая, настаивая. Индейские ораторы выступали спокойно, выразительно жестикулируя и играя голосом, словно профессиональные актёры на театральных подмостках.

Вечером в стойбище Лакотов готовилось пиршество. Каркасы двух самых высоких палаток были поставлены вплотную друг к другу, и с одной стороны поверх жердей были натянуты шкуры, что образовало весьма просторный крытый полукруг, где, как под навесом, собралось почти полторы сотни самых важных воинов. Шошоны и Псалоки сидели бок о бок с Лакотами, Шайенами, Арапахами. Десяток котлов стояло перед расположившимися по кругу индейцами, и из них поднимался ароматный пар.

— Братя, — встал один из вождей Лакотов, простирая руки к собравшимся. — Мы сошлись здесь, чтобы проявить нашу добрую волю. Это земля принадлежит нашему народу, но мы хотим, чтобы вы чувствовали себя здесь легко и беззаботно, потому что вы наши гости. Мы хотим, чтобы вы знали, что наши сердца открыты для дружбы

и добрых слов. Мы убили сегодня наших лучших собак, которые верно служили нам, убили специально для этой встречи, чтобы вкусно накормить вас. Мы не жалеем ничего, потому что хотим проявить нашу доброту...

Вместе с краснокожими перед костром устроились, слушая длинные речи вождей, ухмыляющиеся и скептически настроенные старые трапперы. Они давным-давно изучили нравы индейцев. Опустив на самые глаза меховую шапку с торчащим козырьком из жёсткой кожи, чуть в сторонке устроился Джим Бриджер. Из сумрака сгущавшейся ночи к нему подседа тень в военном мундире с поблёскивающими пуговицами.

— Что ты думаешь, Джим? Сумеют они успокоиться и жить мирно? Это бы сняло много ненужных забот с наших плеч...

— Краснокожие похожи на двух остервенелых псов, которых можно, конечно, оттащить друг от друга во время драки, но стоит отпустить их, и они снова сцепятся, — проворчал охотник, потягиваясь.

Мато Уитко

(его собственные слова)

Большой совет на Лошадином Ручье был странным делом. Приехало очень много отрядов Лакотов, почти шесть тысяч воинов, а с ними их семьи. С нами были Арапахи и Шайелы. А белые призвали туда наших врагов, Псалоков и Змей. Мы курили трубки и пожимали друг другу руки. Одна из наших женщин отвела в лагерь Змей своего маленького сына и отдала его вождю Змей на воспитание. Тот вождь убил отца этого мальчика в бою, теперь он должен был заменить ему погибшего отца. Мне даже стало казаться, что мы, так долго враждовавшие, сумели договориться и на самом деле примириться — так много добрых слов было произнесено!

Там я увидел Ичи-Мавани. Он показался мне сильно постаревшим. Ичи-Мавани был без бороды, и волосы на его голове стали редкими, особенно на макушке, где индейцы срезают скальп. Я не увидел былой силы в его глазах. Он смотрел так, как смотрели наши люди, когда их сваливала с ног страшная оспа. Я помню этот взгляд.

Он приехал в наш лагерь и находился возле своей жены почти всё время, пока продолжались переговоры. Очень долго он разговаривал с Лунным Светом, но я не слышал их разговора. Лунному Свету исполнилось тринадцать лет, он был уже взрослым мальчиком и беседовал с отцом, как подобало мужчине. Это был последний раз, когда он видел отца, и он запомнил его именно таким — безбородым, с жиденькими короткими волосами, поседевшими на висках.

Когда я спросил Ичи-Мавани о его планах, он ответил, что отправится в Чёрные Холмы, потому что отыскал место, где было золото. Я не стал задавать ему вопроса про его сына, отвезёт ли он его в большие города белых людей, так как знал, что Ичи-Мавани никуда больше не уедет из нашей страны. И я ушёл от него.

На сердце моё лёг камень, потому что многое теперь должно было пойти не так, как полагалось. Один из людей окончательно вышел из цепочки, где ему было отведено место. Он не сел в круг, куда ему предназначалось сесть, и кольцо разорвалось. Назревала беда.

Переселенцев становилось больше с каждым днём, и наши люди считали, что пришельцы разоряли страну, поэтому удержать их от военных действий оказалось невозможно. Все с лёгкостью позабыли

о выкуренной трубке. Старики не особенно отговаривали молодёжь, и юноши начали открыто высказывать свою враждебность по отношению к Васичам.

Через три года после совета на Лошадином Ручье наше племя почти в полной силе вновь стояло неподалёку от форта Ларами. Все южные группы Титонов собрались в долине: Оглалы, Сичанги, Миниконжи. И вот однажды кто-то из молодых людей застрелил корову, которая шла позади обоза переселенцев. Солдаты решили наказать виновного и пришли из форта в наш лагерь. Глупый поступок. Они прихватили с собой пушку, но их было лишь тридцать человек. Лакоты убили их всех. Эти двое стали разжигателями огня войны. Молодые воины очень гордились тем, что они совершили. Они просто раздувались от важности и смеялись над теми, кто говорил о силе солдат и о мощи их оружия. Юноши, горевшие желанием завоевать себе славу в бою, не слушали ни меня, ни других, кто выступал за мир, и постоянно совершали налёты на проходившие обозы. Они не подозревали, что очень скоро многие из их вожаков сами зароят боевые топоры в землю.

А на следующий год Длинные Ножи атаковали деревню Маленького Грома, которая стояла на Синей Воде. В лагере находилось почти триста человек, и около ста из них погибло. Никогда прежде наш народ не терпел такого поражения. Все вещи, все запасы мяса, все жилища были потеряны при бегстве, все лошади попали в руки солдат, почти сто женщин и детей оказались в плену.

Белые люди не способны понять, что означало то сражение для Лакотов, у которых за всю их историю ни разу ни один большой лагерь не был захвачен врагами! Попробуй представить себе, мой друг, что должны были чувствовать наши люди, которые потерю нескольких лошадей считали огромным горем, потерю двух-трёх воинов в бою — величайшей трагедией! Теперь же большая деревня была разрушена, люди разбежались в разные стороны, прячась от преследователей, не имея ни оружия для защиты, ни крова над головой. А уже стояла осень.

Я не был в стойбище Маленького Грома, когда случилась эта беда. Но я не мог не рассказать тебе об этом. Будь мои слова только историей моей жизни, я бы не стал говорить ничего. Ведь сколько бы ни осталось за моей спиной прожитых зим, о них не стоило бы даже упоминать, когда бы я жил только для себя. Но мне и сейчас, когда всё уже далеко позади, больно вспоминать о бедах моего народа...

Мы были подавлены. Мы впервые ощутили на себе сокрушающий

удар армии. Больше никто не мог стучать себя в грудь и похвастаться ловкостью. Белые солдаты воевали не из-за лошадей, как привыкли делать Лакоты. Они воевали, чтобы убивать.

Но некоторые группы Лакотов, жившие гораздо севернее, не испытали на себе ничего подобного. До них дошли только рассказы, но слова нельзя сравнить с жизнью. Я встречал людей, которые умели хорошо говорить и считались весьма разумными. Когда же касалось дела, ими управлял не разум, но чувства. А чувства нередко ослепляют человека.

Прошло ещё две зимы и Лакоты собрались в Чёрных Холмах у подножия Медвежьей Горы для большого совета. Тут были и северные племена, и южные. Все Титоны пришли, чтобы решить, что нам делать. Большинство склонялось к войне. Но как бы ни хотели наши воинственные юноши остановить вторжение Бледнолицых, они больше времени уделяли жарким спорам, распаляя себя громкими фразами. Они хотели быть героями и забывали о том, что им было суждено исчезнуть, в бою ли, от старости ли. А вот земля, по которой ступали они, останется и не изменится. Горячие головы думали о собственной славе, о важном положении в родном племени. У каждого из них были свои заботы. У каждого человека, у каждого отряда, у каждой родовой группы. Наш народ не сумел собраться и стать единой силой. Все общины существовали порознь. У каждой были свои интересы.

У нас есть сказание о том, как к нам попала священная трубка, которую белые называют Трубкой Мира. Это случилось так давно, что никто не может сказать когда.

Однажды двое Лакотов отправились выслеживать бизонов и взобрались на высокую гору. Оттуда они увидели, как между холмов шла одинокая женщина. Они направились встретить её и, приблизившись, поняли, что она принадлежала неизвестному им племени. Женщина была очень красива, так красива, что от вида её кружилась голова и захватывало дух. Даже с большого расстояния доносилось удивительное благоухание женщины. Один из Лакотов почувствовал к ней сильное влечение и вздумал завладеть ею. Но второй остановил его и сказал:

— Взгляни на неё внимательнее. Это *Вакан-Уинна*, священная женщина. Не поступай дурно. Подумай о Великой Тайне...

Она остановилась перед мужчинами и сказала:

— Я вижу, что один из вас очень хочет сокопиться со мной. Но знайте, что этого нельзя сделать, ибо я не плоть, но дух плоти. Я

пришла с важным делом, и сейчас не время для удовольствий. Учитесь сдерживать свои порывы. Тот, кто притронется ко мне, немедленно погибнет.

Но похотливый Лакот всё же направился к ней. Он понимал, что женщина была беззащитна перед его мускулистыми руками. Однако едва он приблизился к ней, с неба спустилось густое белое облако и накрыло его. А через мгновение оно опять вознеслось, и от нетерпеливого мужчины остался только скелет, кишевший червями. Эти черви — наши желания и жадность. Они живут в нас и подтачивают наш дух.

— Теперь мы пойдём к твоему народу, и я буду разговаривать с вождём, — обратилась женщина к оставшемуся Лакоту, и они отправились в его деревню.

Там она протянула вождю какой-то свёрток и объяснила:

— Здесь лежит очень важная для вас вещь, священный предмет, через который ваши слова будут доходить до ушей Великого Духа. — Она развернула мягкую кожу и показала людям курительную трубку. — Это священная Трубка. Выкуривая её с врагом, вы обещаете ему никогда не поднимать на него руки. Дав какую-либо клятву с Трубкой в руках, вы не можете отступить от своих слов ни при каких обстоятельствах, иначе вас ждёт гибель...

Так Лакоты получили Трубку.

Когда мы выкурили её во время больших переговоров на Лошадином Ручье, мы обязались не воевать, но сразу же позабыли об этом. А ведь от Создателя ничего нельзя скрыть.

Рэндал Скотт

(из дневника)

Сегодня 20 августа 1861 года

Мне исполнилось ровно шестьдесят четыре года. Всё подсказывает мне, что пора собираться в мир иной, а я продолжаю намыывать золото, которое, как мне кажется, уже никогда мне не понадобится. Станный я человек. Я многие годы стремился к тому, что мне теперь не нужно. Я состарился, во мне не осталось ни капли радости. Для чего мне это золото? Я складываю его в мешочки и храню под изголовьем моей лежанки. Вот уже несколько лет подряд я с опаской слежу за всеми моими компаньонами: как бы не отобрали то, что принадлежит мне, как бы не обсчитали меня, как бы не решились вдруг просто стукнуть меня по моему плешивому затылку.

Мне шестьдесят четыре года. Двадцать восемь лет я бродил по этому краю, дрался, иногда едва не умирал от ран и голода. Я убивал животных и людей. Я рубил лес, строил крепости, возводил запруды на реках. И вот уже добрых десять лет я, подобно кроту, роюсь в земле, выковыривая из неё золотые камешки, которые когда-то считал залогом счастья.

Было время, когда я отказался от карт, но не отрёкся от игры. Если говорить о золоте, то нынче я в крупном выигрыше. Золота у меня в достатке, чтобы купить большой дом и обзавестись слугами, но мне не нужен такой дом. Мне нет дела до персидских ковров, шикарной мебели, красивых женщин. Я хочу жить в лесу и дышать дымом костра, как это было во времена Джека-Собаки.

Получается, что в действительности я проиграл.

Когда-то Мато сказал мне, что я не смогу владеть золотом, что у меня его никогда не будет. Оно лежит себе под моей головой. Оно принадлежит мне. Но на самом деле у меня его нет, так как мне от него нет никакой пользы.

У меня вообще ничего нет, кроме прожитых лет. Я холоден в сердце моём. Холоден и пуст. И это означает, что Мато оказался прав.

На душе тошно.

1 сентября 1861 года

Сегодня поблизости проехала очередная военная партия Лакотов.

Они всё чаще нападают на отдельно стоящие дома. Думаю, что вскоре доберутся и до нашей берлоги.

2 сентября

В двух милях от нашего лагеря я наткнулся на труп белого человека. Он раздет догола и сильно изрезан ножом. Похоже, его прикончил какой-то воин-одиночка. Будь это отряд, дикари не упустили бы случая напасть на нас или хотя бы угнать наших коней. Мне стало жаль этого незнакомого парня с окровавленным затылком. Ему не хватило нескольких минут, чтобы доехать до укрытия. Впрочем, он вряд ли знал, что совсем близко от него была наша хижина...

Я вспомнил себя. Вспомнил те дни, когда я брёл пешком по прерии после гибели Кейта Мэлбрэда, ничего не зная в этих краях, без лошади, усталый, испуганный. Возможно, этот убитый человек послан свыше, чтобы напомнить мне о чём-то?

3 сентября

Мне приснилось сегодня, что я пришёл в деревню Оглалов и повстречал там мою Мэгги. Она такая же свежая, как много лет назад. Она взяла моё лицо в ладони и поцеловала. После этого мне стало необыкновенно легко в теле, словно оно исчезло.

Мэгги произнесла слова, которые я не запомнил, но это было лучшее, что мне довелось слышать в жизни из человеческих уст. Её голос проникал глубоко в меня и пробуждал забытые нежные чувства, если во мне они вообще когда-либо говорили.

Потом позади Мэгги выросла огромная, как скала, фигура медведя. Шерсть на нём, как я разглядел, оказалась густым еловым лесом. Медведь поднял лапу с человеческими пальцами и погрозил мне.

Я проснулся с ощущением какого-то беспокойства. Необъяснимое томление не покидало меня до рассвета. Я почувствовал, что во мне возникло желание отправиться к жене и сыну. Неужели это совесть? Или вина? Или что-то ещё, с чем я раньше не сталкивался?

12 сентября 1861

Всё реже берусь за перо. Не знаю, зачем я вообще вёл этот дневник в течение стольких лет. Кому нужны эти тетради? Они истлеют в этой глуши вместе со мной.

Я бы и сегодня не сделал запись, если бы не удивительная встреча. У нас два дня жил иезуит, которого я повстречал много лет назад. Он всё так же худ и бородат, но повзрослел. Он меня, разумеется, сразу

не признал, но тут же вспомнил ту встречу, когда я растолковал ему, в чём дело. Удивительно, как люди умудряются встречаться на огромных пространствах земли.

Он сказал мне, что с тех пор дважды проезжал около того места, где мы с ним похоронили кости Джека-Собаки (запомнил же!), и останавливался, чтобы прочесть молитву. Было бы неплохо, чтобы он и над моей могилой произнёс пару-тройку слов. Что-то подсказывает мне, что я исчерпал мой срок до конца.

Визитёры

Как только до слуха Рэндала донёлся неторопливый стук копыт, он выпрямился и наморщил лоб. Лошади шли совсем недалеко, но шум ручья всё же заглушал их шаги. В падающих сквозь поредевшую листву солнечных лучах внезапно прорисовались силуэты нескольких индейцев. Рэндал метнулся к «винчестеру», прислонённому к шершавому стволу старого кедра, и решительно дёрнул рычаг затвора. Подняв оружие, он свистнул через плечо, призывая своих компаньонов.

— Не стреляйте! — Перед индейцами появилась сутуловатая фигура белого человека с поднятыми вверх руками. — Не стреляйте, мой друг!

Теперь Рэндал увидел, что на последней лошади сидела женщина и лошадь, помимо этого, тащила волокушу. Всё, в том числе и полное спокойствие индейцев, говорило о том, что приехавшие не имели враждебных намерений.

— Не стреляйте! — ещё раз крикнул белый, подъезжая совсем близко к Рэндалу. Он был одет в грязную рубаху и просторные штаны с чужого плеча. Растрёпанные волосы на голове рыжеватой копной перетекали в лохматую бороду.

— Добро пожаловать, святой отец! — проорчал Рэндал Скотт, откладывая «винчестер» и выходя из-за укрытия.

— Благодарю, что не открыли огонь, увидев нас, — ответил белый человек и, повернувшись к своим краснокожим спутникам, негромко сказал им что-то. — Но почему вы решили, что я священник?

— Разве я ошибся? — ухмыльнулся Рэндал и поскрёб бороду грязными пальцами.

— Нет, вы совершенно правы.

— Не знаю, куда вы подевали свою рясу, но лицо ваше почти не изменилось. К сожалению, не помню вашего имени.

— Поль Грие, — подсказал приехавший.

— Точно! Грие! — Рэндал щёлкнул пальцами.

— Но откуда вы знаете меня?

— Помните могилу Джека-Собаки?

— Неужели... Так это мы с вами... Удивительная встреча! Столько лет! Я рад видеть вас живым и здоровым, хоть и заметно постаревшим. — Иезуит соскочил на землю, и его примеру последовали индейцы.

— Так что с вашей сутаной? Неужели вы сняли её?

— Сколько раз моя одежда приходила в негодность! Сколько раз я шил новую! Обычно виной были дикари, но на этот раз меня обокрали люди одного со мной цвета кожи. Поверите ли? Это была грубая шутка с их стороны. Они были пьяны и выбросили мой наряд в реку, оставив меня совершенно голым. Забрали и мою лошадь, и Библию, и вообще все вещи. Особенно жаль, что пропали все мои записи. Это случилось недели две назад. Меня приютили эти индейцы и дали мне кое-что из европейской одежды. Полагаю, что они сняли это тряпье с покойников, ибо на рубашке, вот здесь, взгляните, у воротника остались следы крови.

— Должно быть, кому-то отрезали голову. Кстати сказать, это надёжное средство от облысения. Ая, как видите, стал совсем плешивым, — криво улыбнулся Рэндал и пошлёпал себя по блестящему затылку. Он задумался на секунду, затем кивнул в сторону индейцев и спросил: — Это Шайены?

Повернувшись к ним, он знаками предложил им кофе. Они молча сгрудились у входа в избу. Индеанка, придерживая обёрнутое вокруг бёдер красное одеяло, принялась копаться в сложенных на волокуше сумках. Неторопливо пришли с противоположного берега ручья другие старатели.

— Когда ты схватился за «винчестер», Скотт, я уж решил, что пришёл час Богу душу отдавать, чтоб ты треснул, — засмеялся один из них, заталкивая за щёку ломоть жвачного табака. — Сколько раз говорил я сам себе: если уж подыхать, то лучше места не найти — тишь и красота. Ан нет! Стоило мне увидеть этих краснокожих, как сразу все поджилки затряслись! Полагаю, что это место просто меня не устраивает, чтобы обустроить тут вечную постель. Ха-ха!

Второй приближался, застёгивая штаны.

— Ая только было собрался отлить, а тут вижу этих, чёрт бы их побрал! Едут себе, рожами на солнце лоснятся, прямо из-за кустов... А при мне ни ствола, ни ножа, чтоб я провалился. Я прямо одеревенел.

Третий, долговязый парень с длинными сальными волосами, шагнул из дома, не опуская длинноствольного ружья.

— Это хорошо, что вы с ними, мистер, — обратился он к Грие, — а то я бы не стал ждать, начнут они мирно лопотать или откроют пальбу. Я давно уж Скотту сказал, что никогда не буду ждать, что дикари выдадут. По мне, чем они дальше держатся от меня, тем мне спокойнее. Он, Скотт то есть, рычит на меня...

— А ты хочешь, чтобы я хвалил тебя за твою тупоголовость,

Чарли? — вяло огрызнулся Рэндал. — Встречаясь с индейцами, всегда имей выдержку. Это всё равно что с крупным хищником встретиться: поспешишь — потеряешь все шансы на победу.

— Так вы, стало быть, миссионер? Или я неверно расслышал? — уточнил Чарли, подступив к Грие. — Коли вы со Скоттом знакомы, выходит, давно тут землю топчете. Вы, отец, небось, за эти годы уж всех краснокожих переловили да обратили?

— Не стоит иронизировать, мой друг, — улыбнулся иезуит.

— Откуда же вы теперь? — полюбопытствовал Рэндал и повернулся к Чарли: — Ты бы пошевелил ногами и сбегал за кофейником...

— Я был на севере, у Хункпапов, — почти равнодушно сообщил иезуит.

— К Сидящему Быку наведывались? Каков он? Я слышал, совершенно косой, колченогий и вообще страшный, как сам чёрт.

— Слухи имеют свойство исказить действительность, — пожал плечами Грие, — такова их природа. Когда бы не это, слухи были бы информацией.

— Рассаживайтесь, — Рэндал сделал пригласительный жест Шайенам, — только принесите сперва свои чашки. — Он сделал знак, соответствующий на языке жестов слову «посуда». — У нас не хватит на всех ни кружек, ни плошек. Понятно вам?... Сколько я уже тут копчусь, а дикари остаются дикарями. Порой мне кажется, что они просто не желают меняться, несмотря на то что жизнь мордует их из года в год. Теперь в Чёрных Холмах наверняка объявится море старателей из-за золота, стало быть, солдаты отмаршируют сюда защищать старателей от индейцев, а индейцев от старателей. Сразу вырастут деревянные города. А где город, там белый человек уже надёжно чувствует себя хозяином, индейцу там места не может быть, как и всей старинной жизни. Если дикари останутся при своих нравах, то их перебьют.

— Вы правы, — согласился миссионер, растирая уставшие руки. — Эти дети природы не хотят знать ничего, кроме того, что им давно известно. Я хорошо помню времена, когда для большинства индейцев пароход был чудом. Слушая мои рассказы о том, как пароход устроен, они недоверчиво качали головами. Пароходы ходят по Миссури вот уже много лет, но сегодня на равнинах ещё много племён, не видевших ни разу ни парохода, ни паровоза. Не так давно я рассказывал одному вождю о пароходе и о его устройстве. Мне пришлось общаться с ним через переводчика, который часто видится с белыми людьми и даже когда-то бывал в Вашингтоне. Я легко изъясняюсь на языке Абсароков

и Черноногих, но язык Лакотов знаю недостаточно хорошо. «Что он говорит?» — спрашиваю я у переводчика. «Вождь говорит, что не верит в это». — «Так растолкуй ему, что ты сам видел это». — «Ладно». — «Теперь расскажи про паровоз». — «Он говорит, что в это тоже не верит». — «Так ты подтверди мои слова. Ты же знаешь, что я не обманываю. А теперь расскажи ему про телеграф». — «Что это такое?» Я подробно объясняю ему, мол, с помощью тонкого провода ты можешь общаться с кем угодно, например, сидя здесь, ты можешь разговаривать с Белым Отцом в Вашингтоне. «Я не стану это переводить», — отвечает мне переводчик. «Почему?» А он мне: «Я сам не верю в это».

— Смешно, — сплюнул Чарли.

— Вот ведь народ, — захихикал вдруг второй старатель, покосившись на Шайенов, — сидят себе и дуют наш кофе. Мы тут по их душу языки чешем, а они вытаращились перед собой и ни гугу. Одно слово — грязные варвары.

— Смешно, — повторил Чарли и, поковыряв пальцем поочерёдно в обеих ноздрях, громко высморкался.

— А вот я смотрю на их скво и думаю: а не дадут ли они нам попользоваться ею? — высказал вдруг предположение хихикающий старатель. — Я бы дал им за это нетронутую пачку патронов.

— Если желаешь тут же расстаться с волосами, а то и с головой, то можешь предложить им такую сделку, — проговорил Рэндал.

— А что такого? Я слышал, краснокожие часто торгуют своими бабёнками.

— Но не Шайены, — сказал Рэндал, отхлебнув кофе. — Эти люди пуше других пекутся о нравственности своих женщин. Так что не особенно пяль глаза на эту индеанку.

— А я вот вспомнил одну историю, — заговорил о чём-то своём третий старатель. — Будучи в Додже, сошёлся я как-то с вдовушкой Роузи...

— Раз уж вы завели речь о женщинах, — Грие вскинул брови, рисуя какие-то мысленные картины, — то я расскажу вам об одной женщине, которую я встретил у Плоскоголовых.

— Вас и к этим бестиям занесло?

— Да, приходилось бывать. Так вот о женщине... Тому уж года два, а я как сейчас помню её лицо, очень выразительное, зеленоглазое...

— Зеленоглазое? — удивился Рэндал. — Вы о белой женщине говорите?

— Да, но она много лет провела среди Плоскоголовых. Они

захватили её, когда она ехала в Орегон, где надеялась устроить свою жизнь. Вообще-то, как я понял из разговоров с ней, до того она продавала своё тело за деньги... Упокой, Господи, её грешную душу. Звали её Магнолия.

— Магнолия? — откликнулся Рэндал, и его лоб пошёл складками морщин.

— Редкое имя, — поддакнул иезуит, заметив реакцию собеседника.

— У меня была когда-то знакомая проститутка с таким именем, — задумчиво проговорил Рэндал. — Рыжая, как огонь... И горячая, как огонь...

— Рыжая? — удивился Грие в свою очередь. — Да, Магнолия была очень рыжая.

— Должно быть, совпадение. Вы говорите, что она у краснокожих жила?

— И вполне была довольна своим положением. У неё два сына, прелестные детишки, очень шустрые и задорные. Но дело не в этом. Магнолия достигла небывалых для женщины высот среди Плоскоголовых.

— То есть?

— Дикари считали её настоящим воплощением целомудрия.

— Тогда это не моя Магнолия, — покачал головой Рэндал.

— Если у вашей были рыжие волосы, зелёные глаза и очаровательная родинка над верхней губой, то это она и есть.

— Зелёные глаза? Родинка? Вот ведь сладкая чертовка! Да, столько совпадений быть не может. Моя тоже намыливалась в Орегон... Надо же! И вы говорите, что она была примерной женой? И воспитала хороших сынов?

— Больше того...

— Куда уж больше, разрази меня гром...

— После того как Змеи убили её мужа, она сама взялась за оружие. Она жаждала отомстить, но никто не хотел брать её с собой в поход. Тогда она ушла одна. И что вы думаете? Она принесла голову врага. Затем она ходила ещё несколько раз, и всякий поход оканчивался новой отрубленной головой. Она складывала их у подножия помоста, на котором был погребён её муж. Вскоре дикари признали в ней настоящего воина и даже неоднократно просили Магнолию возглавить военные отряды, посчитав, что ей всегда будет сопутствовать удача. Но в конце концов она погибла... В день, когда Плоскоголовые привезли в стойбище её окровавленное тело, я был там. Среди них много обращённых, и они согласились похоронить её по-

христиански...

— Чёрт возьми! — пробормотал Рэндал. — Бедная девочка! Она мечтала обставить свой дом мебелью в стиле какого-нибудь из Людовиков, а стала воином с выкрашенным кровью лицом... Я не могу поверить в это.

— Когда я слушал её рассказы, я тоже не верил, ибо лицо её оставалось нежным, красивым, свежим. Ни одно из совершённых ею убийств не наложило мрачной тени на её черты, — сказал Грие. — А я имел возможность проследить это, ведь я встречался с ней трижды, каждый раз с промежутком почти в год.

— Чёрт возьми, — снова проговорил Рэндал, — как нескладно вышла у неё жизнь.

— Я думаю, вы заблуждаетесь, мой друг, — покачал головой священник. — Она была вполне счастлива. Я уверен в этом...

Рэндал вдруг подвинулся к миссионеру и взял его за локоть. Глаза его заблестели.

— Знаете, святой отец, а я тоже дьявольски счастлив сейчас, так как увидел вас снова. Вы не случайно встретились мне, вы как раз в нужный час появились... И даже не потому... как бы это лучше... Словом, гложет меня что-то. Предчувствие, что ли, какое... Смешно, конечно, в моих-то летах... Не знаю, много или мало на моей шкуре грехов поналипло... Сколько бы ни было, мне самому не отмыться. Жизнь не получилась. Где-то я сделал поворот не в ту сторону, чтоб мне провалиться... Вы бы отпустили их мне, грехи-то. Или как? Не откажете мне, святой отец? — Рэндал пристально посмотрел в лицо иезуиту, затем вдруг смутился, потрескавшиеся губы дрогнули. — Впрочем, не стоит... Это лишь минутная слабость... Как бы там ни было, чёрт с ним со всем... Простите, что я чертыхаюсь.

— Зря вы смущаетесь, Скотт. — Священник внимательным взглядом ошупал лицо Рэндала. — Вы говорите, у вас плохое предчувствие? Вас что-то гложет?

— Плевать.

— Не говорите так. Я понимаю, вы боитесь показаться слабым. Но мы ведём речь о смерти. Тут надо отбросить всякое смущение. Смерть требует искренности и уважительного отношения. Вы же хорошо знаете индейцев, неужели вы не обращали внимания на то, как они обстоятельно подходят к смерти? Если уходят в поход, то они готовы не только победить, но и погибнуть. А песни, которые они поют, умирая? Это ли не настоящая обстоятельность? Это ли не внимательность к переходу в мир иной? Нет, Скотт, зря вы так

отмахиваетесь. Подумайте хорошенько...

— Плевать, — снова повторил Рэндал и нахмурился, погрузившись в себя.

Носители Ворон

Безумный Медведь улыбался, глядя на то, как Священная Песня, его дочь, кормила грудью новорождённого сына. Это был уже второй ребёнок в её семье. Первой дочери исполнилось весной два года, и она выглядела очень смышлёной малышкой.

Безумный Медведь раскурил повседневную трубку и выпустил дым из рта. Придерживая левой рукой трубку, он правой рукой подогнал к своему лицу расплывшееся перед ним сизое облачко и умылся им.

— Ты напоминаешь мне Шагающую Лисицу, когда кормишь младенца, — сказал он. — Ты очень похожа на мать в такие мгновения. Видно, все матери похожи друг на друга. Все женщины похожи. Все цветы похожи. Все деревья...

— Ты, как всегда, поёшь песню.

— Вся наша жизнь есть песня, дочка. И эта песня приятна не только на слух, но и на вкус, как воздух, как вода.

— Отец, скажи мне, почему ты не согласился возглавить Медвежье Общество? Люди говорят, что Чёрная Нога приходил к тебе с подарками и просил тебя возглавить его.^[1]

— Вакан-Танка не дал мне сына, но послал умную дочь, — улыбнулся в ответ Безумный Медведь. — Я думаю, что ты сможешь правильно понять меня... Когда в жилах горячих мужчин бежит кровь воинов, они не желают слушать разумные слова. Они не хотят ничего знать о святых вещах. Они полагают, что только их крепкие ноги помогают им стоять на земле. Вся молодёжь наша такая. Кому нужны наши культовые общества? Воины хотят, чтобы звери поделились с ними своей силой, но им нужно это лишь для войны, для убийств. Они хотят, чтобы я призвал Медвежий Народ на помощь Лакотам, но я не стану делать этого. Сегодня никто не желает слушать голос Великого Духа, но все жаждут заполучить от него поддержку для своих земных дел. Зачем освещать дорогу тем, кто хочет шагать с плотно закрытыми глазами?

Безумный Медведь докурил трубку и вытряхнул пепел.

— У тебя хороший муж, дочка, — прищурил он глаза, — но он тоже считает, что величие воина заключается в боевых заслугах. Он тоже гордится полученными ранами. Он тоже стремится к славе. Он похож на других... Скалы стоят вечно и ни с кем не враждуют, они умеют быть непреодолимой преградой. Ни один человек, пусть даже самый

доблестный воин со всеми его военными заслугами, не сможет потягаться с ними в твёрдости и надёжности. Дела людей ничтожны, когда люди считают их подвигами.

Он помолчал немного и продолжил:

— Твой муж вместе с Лунным Светом недавно были приняты в общество Носителей Ворон. Это очень смелые люди. Но что такое смелость, дочка? Никто не задумывается над этим. Мне не нужна смелость, потому что я знаю, что жизнь не прекращается, когда моё тело умирает от нанесённых ему тяжких ран. Создатель поместил нас на эту землю лишь на некоторое время, затем мы должны перейти в другой мир, после него — в другой, и так без конца. Я тоже был молодым и рвался в бой, чтобы мой народ знал, что меня не устрашат вражеские стрелы и копья. Но на самом деле все мы, я и мои друзья, испытывали страх, потому что нам угрожала смерть. Просто мы преодолевали этот страх. Мы готовы были погибнуть... Но сегодня я знаю, что никто не умирает, поэтому нет смысла похвастаться своей храбростью. Человек бесконечен, как сама вселенная, таким его сотворил Вакан-Танка. Он не умирает сам и не способен уничтожить другого. Но это — особые знания. Они составляют суть Великой Тайны. Их не может осмыслить тот, кто суетен и тщеславен. Эти знания получают, вступая в разговор с невидимым миром. Но юноши не хотят получать знания об этом мире. Они предпочитают называться героями, это льстит их самолюбию. В дни моего детства среди нас было много мудрецов и святых людей. Сегодня я вижу в большом количестве знахарей, которые умеют лечить раны снадобьем, но я почти не встречаю святых людей... Никто не стремится жить, как это задумывал Создатель. Люди считают себя умнее Творца. Они полагают, что их способы разрешения проблем гораздо правильнее. Люди позабыли о том, кто они...

Он поднялся и вышел.

День стоял пасмурный. По всей деревне громко стучали барабаны. Среди столпившихся индейцев виднелись плачущие женщины. Несколько стариков с погремушками и дымящимися стеблями полыни, сплетёнными в косички, семенили по кругу и пронзительно тянули заунывную песню. Мальчишки вели под уздцы лошадей.

Священная Песня подвесила люльку с ребёнком на шест палатки и последовала за отцом.

— Люди вышли провожать Носителей Ворон, — сказала она. — Я пойду возьму сумку с мокасинами и едой для Слепого Глаза.

Мужа Священной Песни прозвали Слепым Глазом после

последней охоты на бизонов, когда он выпустил несколько стрел в крупного быка, не заметив, что в левом боку у того уже торчали чужие стрелы. Индейцы всегда заезжали к бизонам с правой стороны, так как держали лук в левой руке, но того быка успел подстрелить охотник-левша, который всегда приближался к животным с противоположного бока.

— Слепые у тебя глаза! — смеялись охотники. — Столько стрел зазря потратил!

Так и закрепилась за ним кличка Слепой Глаз.

Сегодня он отправлялся вместе с Лунным Светом и десятком других молодых воинов из общества Носителей Ворон в поход за лошадьми.

Собравшиеся Лакоты расступились, пропуская всадников с выкрашенными в чёрный цвет лицами. Рукава их военных рубашек свободно колыхались. Они не имели швов и затягивались кожаными шнурами в нескольких местах. Такими рубашками владели только Носители Ворон. Во время сражения шнуры развязывались, и руки освобождались от одежды, а рукава развевались за спиной всадника, подобно крыльям. К сёдлам их были привязаны длинные кожаные, разрисованные магическими символами сумки, где лежали вороны ожерелья[2].

Ехавший впереди других Лунный Свет остановил коня и тряхнул головой, и медвежьи клыки на ожерелье громко брякнули.

— Мы вернёмся победителями, как всегда, отец! — воскликнул он и широко улыбнулся, и зубы его вспыхнули снежными искрами на чёрном лоснящемся лице.

В древние времена Носители Ворон не ходили в походы за лошадьми и скальпами. Они считались главными защитниками деревни и, выходя навстречу врагам, обязаны были погибнуть, но не отступить ни на шаг. При входе в палатку их общества, где Носители Ворон собирались по вечерам и пели священные песни, всегда стояло зачехлённое священное копьё с многочисленными привязанными к нему амулетами. Хранитель этого копья всегда брал его в бой при нападении противника и втыкал в землю, указывая границу, которую ни один враг не мог перейти.

Но то было во времена прадедов. Сегодня Носители Ворон отправлялись в разбойные рейды, как и все другие воины, добывая военные трофеи, приводя лошадей, а иногда и пленных женщин...

Высоко из-под густых серых облаков донёсся клёкот орла. Птица парила над деревней, то утопая в мутном воздухе, то выныривая

из мохнатых туч.

— Прекрасный знак! — закричал Слепой Глаз. — Я видел сегодня ночью сон, где пятнистый орёл помогал нам, указывая дорогу к стану врагов.

В эту минуту к нему приблизилась Священная Песня и подала сумку с вяленным мясом. Он привязал её к седлу и кивнул своим товарищам. Не проронив ни слова, женщина шагнула к Лунному Свету и протянула ему пару мокасин. Братьям и сёстрам не полагалось разговаривать друг с другом, и это правило строго соблюдалось Лакотами во все времена. Но мужчина всегда отдавал лучшее из захваченной добычи своей сестре, она же обязательно шила ему обувь и мастерила люльку для ребёнка, если у него был малыш.

Отряд проскакал между палаток, поднимая пыль и издавая гортанные возгласы. Люди провожали всадников взглядом до тех пор, пока они не растаяли во мгле громоздившихся гор. Безумный Медведь повернулся к дочери. Она опустила глаза и стояла молча.

Тем временем ветер усиливался, и Носители Ворон, глубоко втягивая ноздрями струящийся пыльный воздух, подгоняли своих низкорослых жеребцов.

— Мы будем лететь, как настоящие вороны, сквозь бурю! — засмеялся Лунный Свет.

Из-за кустов выпрыгнул взъерошенный волк и пустился наутёк. Громко хлопая крыльями, поднялись две куропатки.

По земле забарабанили крупные дождевые капли. Сперва они падали очень редко и скатывались в пыли горошинками, но через несколько минут дождь обрушился сплошной стеной, оглушительно шумя и низвергаясь грязными ручьями по отвесным скалам.

Отряд остановился.

— Мы несём с собой бурю! — воскликнул Лосиный Зуб и поднял чёрное лицо к небу, раскинув руки в стороны ладонями вверх. — Громовые Сущности, не оставьте нас! Наделите нас своей силой!

Дождевые капли ударились о его лоб и рассыпались брызгами, жирная чёрная краска струилась по лицу и быстрыми пятнами покрывала кожаную рубаху. Его лошадь понуро опустила голову к земле.

Лунный Свет принялся неистово срывать с себя одежду и распускать волосы. Остальные непонимающе следили за его действиями. Слепой Глаз вдруг ударил себя раскрытой ладонью по широкому лбу и принялся стаскивать свою рубаху. Кожаная одежда отяжелела от воды и липла к телу. Лунный Свет сбросил мокасины

и прыгнул на землю.

— Услышь меня, Гром-Отец! Повернись ко мне лицом и вдохни в меня свою силу! Надели меня способностью управлять тучами, подари мне могущество ветра! — пел во всё горло Лунный Свет, шлёпая босыми ногами по пузырявшимся лужам. Он то и дело нагибался, не прекращая приплясывать, набирал в руки жидкой земли и размазывал её по своему лицу и телу. Глаза его безумно сверкали. — Великий Громовержец, услышь мои мольбы! Уподобь нас своей тени! Нам нужна ловкость, какой нет ни у кого, нам нужна стремительность и сила. Мы — Носители Ворон! Мы хотим, чтобы наши стрелы были так же быстры, как эти священные птицы, и чтобы летали они так же далеко! Помоги нам повергнуть врагов. Преврати их в пепел, и мы развеем его вороньими крыльями!

Фигуры Лунного Света и Слепого Глаза извивались в густой пелене дождя, подобно обезумевшим призракам. Они вытягивали вперёд левые руки и отводили правые назад, будто натягивая луки. Незримые стрелы уносились в бурю. Невидимые противники падали поверженными. Наблюдавшие Лакоты молчали, втянув головы в плечи. Иногда им казалось, что кто-то сквозь шум дождя вторил словам Лунного Света, но они не могли быть уверены.

Внезапно ливень прекратился.

Оба танцора застыли, безвольно свесив руки. Донесли ли их слова до ушей могущественных Громовых Существ? Индейцы не знали. Они старались из всех сил, и теперь чувствовали себя уставшими. Лунный Свет опустил на землю и лёг на спину. Его нагое тело легонько подрагивало, кулаки сжимались, словно стискивая рукояти топоров.

— Мы должны привести себя в порядок, — произнёс Лосиный Зуб. — Нам надо решить, что нам делать дальше. Небесная вода смыла с нас боевую раскраску. Это может быть знак, что нам не стоит продолжать поход. Но может означать, что нам нужно лишний раз провести церемонию очищения. Мы должны выкурить трубку и обсудить это... Сообщили тебе что-нибудь Громовые Существа или нет? Скажи нам, Лунный Свет.

— Нет, — юноша недовольно потряс головой.

Лосиный Зуб прыгнул с коня. Остальные последовали его примеру. Со всех сторон слышалось, как вода стекала по листве и журчала между камнями на земле. Казалось, горы громко пели. Хмурые тучи ползли над тёмными утёсами, иногда проглатывая их вершины. На усевшихся в кружок дикарей веяло свежестью.

— О, Вакан-Танка, мы обращаемся к тебе через дым нашей священной трубки... Мы — Носители Ворон. Мы следуем повадкам этих птиц, чтобы всегда быть мудрыми и быстрыми. Когда в Чёрных Холмах собираются разные звери на свой праздник, ворона всегда прилетает туда первой. Она возвещает нам, что таинство животных начинается, и мы не появляемся в Чёрных Холмах в это время. Никто из нас не видел никогда праздник зверей, но ворона поведала нам, что на Дороге Скачек[3] звери состязаются в быстроте своих ног. Даже черепахи принимают участие в беге, но первой всегда прибывает ворона. Мы хотим быть похожими на неё... Сегодня мы выступили в поход, но Громовые Существа остановили наш отряд. Мы не знаем, как нам теперь поступить. Может, ты хочешь сказать, что мы нарушили какой-то закон? Тогда дай нам ещё один знак... Сейчас мы выкурим трубку, снова раскрасим себя и наденем военные наряды. Мы достанем из чехлов наши луки. Если ты против этого похода, тогда облей нас водой снова и размочи тетиву наших луков...

Как бы в ответ на эти слова сквозь тучи проглянул тонкий солнечный луч и упал на каменную стену позади индейцев. Они переглянулись, и на лицах, по которым только что блуждала растерянность, появились улыбки. Дикари расстелили свои вещи, понимая, что кожаная одежда будет сохнуть долго, и устроились на валунах, неторопливо доставая мешочки с порошком чёрной краски и коробочки с бизоньим жиром. Из длинных круглых коробок диаметром почти в ладонь они извлекли вороны ожерелья, подготавливая их для окуливания шалфеем и сладкой травой.

Весь вечер они провели в церемониях.

Едва забрезжило утро, они сели на коней, одетые и раскрашенные по всем правилам, и поскакали по чуть видимой в траве тропке. По левую руку от них шумел Боевой Ручей, устремляясь к Доброй Реке, на берегу которой осталась их деревня. Впереди вздымались мрачные отроги Чёрных Холмов.

К полудню всадники увидели высланного вперёд разведчика. Он появился из-за мохнатых елей, обрамлявших подножие горы, и направился к отряду, иногда придерживая своего жеребца и заставляя его ехать по кругу, давая понять Лакотам, чтобы они поспешили к нему.

— Я видел трёх Васичей у истоков Боевого Ручья. Они делают что-то непонятное в воде, — сообщил он, — что-то высматривают. Они, должно быть, что-то потеряли.

— Три человека?

— Я столько видел. Там деревянный дом, в котором может жить гораздо больше, но я видел только троих. Если там живёт кто-то ещё, то сейчас их нет, ушли куда-то...

— Бледнолицые в Чёрных Холмах! Вонючие Бледнолицые прокрались на священную землю, как трусливые койоты, и теперь заражают своими болезнями траву и деревья! Они хотят осквернить весь наш край!

Добравшись до указанного места, индейцы притаились. Перед их глазами стояло кособокое строение, обшитое древесной корой. По всему берегу были разбросаны щепки, тут и сям лежали в опилках брёвна. Позади дома виднелись шесть лошадей.

Длинное, ровное, хорошо оструганное дерево с выдолбленным по всей длине ствола жёлобом с насыпанной в него землёй тянулось от склона горы к воде. Над ним стоял, склонившись, человек в пыльной одежде и постукивал по дну, встряхивая породу и ковыряясь в ней пальцами. Длинные седые волосы Бледнолицего свисали с задней части головы на плечи, но весь затылок был лысый и лоснился, как обглоданная кость. Лицо его заросло седой бородой почти до самых глаз.

Второй Бледнолицый сидел на корточках у самого ручья и, словно глубоко задумавшись, покачивал в руках плоскую посудину, медленно выплёскивая из неё воду. Он был одет в мятые тряпичные штаны и кожаную куртку с множеством заплат. Голову его прикрывала шляпа с провисшими полями.

Третьего белого индейцы разглядели в тени деревьев возле бревенчатого дома, перед дверью которого стоял невысокий стол. Этот человек гремел жестяной посудой и напевал что-то, временами покашливая. Позади стола потрескивал дымящийся костёр.

Лосиный Зуб знаками дал понять Лунному Свету, что спешится и обойдёт жилище Бледнолицых с обратной стороны, чтобы захватить лошадей. Лунный Свет кивнул и показал ожидавшим индейцам, чтобы набрались терпения. Через некоторое время он услышал троекратно повторившийся крик вороны, и сжал коленями своего послушного скакуна. Конь вынес его из зарослей.

— *Хоно!* Вперёд! Поехали! — Голос Лунного Света хрипло разорвал уютную тишину.

Индейцы шумно вылетели из рощи, похожие на оперённых чёрных демонов. Вороньи крылья вокруг их шеи судорожно встряхивались. Лошади подняли столб брызг и в мгновение ока перенесли всадников на берег, где лепилась к скале кособокая избушка. Белые люди

застыли. Они не сразу бросились бежать к укрытию, но стояли несколько секунд и растерянно вертели головами.

Слепой Глаз первым подлетел к человеку с плоской посудиною в руках и пустил ему в грудь две стрелы. Скакавший следом за ним индеец с прицепленным к голове чучелом ястреба пронзительно закричал и хлестнул упавшего Бледнолицего своим луком, зарабатывая почётное прикосновение к врагу.

— Я ударил его! — громко закричал он.

Из домика полоснул ружейный огонь, и в воздухе расплылся сизый пороховой дым. Лунный Свет услышал, как пуля разбила ветку прямо над его головой. В поле его зрения ворвались два Лакота, разворачивающие лошадей. Ещё один свесился на бок коня, скрываясь от выстрела, но не удержался и покатился кубарем. Он тотчас поднялся и спрятался за толстый ствол спиленного дерева, что лежал поблизости.

Бородатый старик со сверкающей лысиной сделал несколько шагов и поднял с земли винтовку. Привязанный к ней кожаный ремень раскачивался и сбивал пыль с рукавов его рубашки. Мужчина не остановился и продолжал бежать в сторону избышки. Его руки нервно рвали затвор, но что-то не позволяло ему сделать выстрел.

Лунный Свет приближался к нему, вонзившись глазами в его блестящее темя, вокруг которого плескались редкие длинные волосы. Воздух громко растекался по лицу Лунного Света, будто прилипая к жирной краске на лбу и щеках. словно преодолевая огромное сопротивление, ветер проскальзывал сквозь чёрные крылья вороны, колыхавшиеся около щёк дикаря. Гладкий затылок жертвы приближался, заполняя собой всё пространство. Вот уже стали ясно видны поры на коже, из которых торчали грязные седые волосы, и старческие пятна, вид которых вызвал у Лунного Света отвращение.

Лунный Свет с силой обрушил боевую палицу с каменным набалдашником на голову Бледнолицего. Послышался тупой удар. Лошадь пронесла дикаря дальше, а беглец ткнулся лицом в песок.

Лакоты кружили вокруг домика. С громким стуком стрелы втыкались в деревянные стены, отщепляя мелкие кусочки коры. На пороге распахнутой двери корчилась фигура в красной рубахе и пыталась руками выдернуть из своего живота стрелу. Перед входом распластался человек с двумя жестяными кружками в нелепо вывернутой руке.

Сквозь дымную пелену Лунный Свет увидел, что Лосиный Зуб и Хромой Каменный Телёнок поймали лошадей Бледнолицих и гнали

их через ручей на противоположный берег.

Слепой Глаз носился перед окном избушки, заставляя своего коня то кружиться на месте, то подниматься на дыбы, и громко выкрикивал оскорбления стрелявшему в него врагу. Он не мог видеть человека, который скрывался в густой тени помещения, но колотил себя в грудь и потрясал над головой копьём с мохнатой связкой волос посередине древка. Его глаза углями горели на чёрном лице. Внезапно он ударил коня пятками и направил его прямо на окно, из которого высунулся ружейный ствол.

Раздался выстрел, второй. Слепой Глаз всколыхнулся, как мягкая крона дерева при внезапном порыве ветра, сорвался вниз. Пуля прошила его насквозь под левой ключицей.

Лунный Свет на скаку подцепил друга за длинные волосы, ловко перехватил под мышками и перекинул через своё седло, быстро увозя его с поля боя.

— Это плохой день для смерти, — прошептал Слепой Глаз, когда его опустили в траву. — Сегодня я не отправлюсь по Тропе Теней. Я чувствую себя хорошо...

Но Лунный Свет уже мчался обратно к избе. Его охватило безумство. Он спрыгнул с коня со всего маху и очутился внутри, но никого не увидел. Вероятно, последний Васичу успел улизнуть, пока Лакоты занимались Слепым Глазом.

Индеец выбежал наружу с воплем, от которого его горло раздулось, как пузырь. Он яростно сорвал обеими руками воронье чучело со своих плеч и, упав на колени, несколько раз вонзил длинный нож в землю. Затем он метнулся к ближайшему трупу, быстрым движением срезал с макушки покойника кожу с волосами и пробил дубиной его череп. И тут он увидел перед собой лысину — второй покойник был без волос. Сверху донеслось карканье вороны. Услышав её хриплый голос, индеец опустил одним коленом на голову мертвеца и принялся отрезать ножом его голову.

[1] Каждый из зверей обладал своей особенной силой, которой поклонялись члены тайных обществ. Сила медведя считалась наиболее действенной в войне и медицине. Члены Медвежьего Культа во время церемоний наносили на лицо раскраску, похожую на царапины от когтей медведя. У некоторых членов этого общества имелись особые ножи с рукояткой из челюсти медведя и лезвием, заточенным с обеих сторон.

[2] Воронье ожерелье представляло собой чучело вороны, разрезанное от хвоста до головы и укреплявшееся вокруг шеи человека таким образом, чтобы голова птицы торчала из-под подбородка воина, крылья лежали у него на плечах, а хвост спутывался с распущенными позади волосами. Помимо этого, члены общества иногда носили в качестве амулетов небольшие обручи на голове, которые обшивались бисером и украшались птичьими перьями. Эти же обручи могли подвешиваться на копыта и жезлы.

[3] Д о р о г а С к а ч е к — так Лакоты называли таинственное место в Чёрных Холмах, где вокруг одной скалы лежит совершенно ровная земля, будто утрамбованная кем-то специально для бега. Согласно легенде, на Дороге Скачек собирались раз в году все животные и состязались в беге. Скорее всего, Дорога Скачек в Чёрных Холмах имеет отношение к священному забегу, а не к спортивным соревнованиям. Индейцы придают бегу сакраментальный смысл и нередко устраивают священные забеги, которые не имеют никакого отношения к спортивным состязаниям. Священный забег — своего рода ритуал, посвящённый прославлению Великого Духа и Матери-Земли, и молитва («Я бегу ради моего народа и моей семьи, пусть они будут здоровыми и счастливыми»). В наше время индейцы, пропагандируя священный бег, привлекают к нему участников со всего мира.

Праздник

Деревня ликовала. Военный поход Носителей Ворон мог считаться успешным, так как никто не погиб. Рана Слепого Глаза была тяжёлой, но он велел отнести себя на циновке поближе к общему костру, чтобы наслаждаться радостью соплеменников. Из-под полуприкрытых век он следил за праздником.

Костёр пылал, музыканты молотили по барабанам, певцы поочерёдно исполняли свои песни. Люди громко смеялись, глядя на танцоров и выгребая из котлов приготовленную для пира еду.

Лунный Свет сидел в палатке своего воинского общества, обхватив голову руками, и мучительно думал...

Когда поутру он влетел в лагерь, размахивая над головой мешком, который он подобрал в разграбленной избе золотоискателей и куда бросил отрезанную голову Бледнолицего, он чувствовал себя счастливым. Следом за ним скакали его верные друзья. Некоторые сжимали в руках ружья Бледнолицых, и к их стволам были привязаны скальпы поверженных врагов. Воины гнали перед собой шесть лошадей, нагруженных сумками и тюками.

Сёстры и жёны бросились встречать всадников, принимая трофеи из их рук. Теперь женщинам предстояло натянуть скальпы на маленькие обручи, чтобы они хорошенько просохли, и выкрасить их внутреннюю сторону ярко-красным цветом. После Танца Скальпов срезанные волосы врагов либо выбрасывались, либо использовались для украшения военных рубаш.

Лунный Свет не был женат. Он давно решил посвятить себя военному искусству и не желал тратить время на ухаживания за девушками. Он остановился перед типи Слепого Глаза и дождался, когда выйдет Священная Песня. Лучший трофеем он должен был подарить сестре. Так как ему не полагалось разговаривать с ней, Лунный Свет молча протянул ей повод захваченной лошади и бросил ей под ноги мешок, из которого выкатилась голова, тяжело стукнувшись о шест типи. Священная Песня ухватила её за окровавленную бороду и подняла вверх, показывая людям. Победные возгласы слились в шумный хор. Он встряхнул мешок, высыпая из него беличьи шкурки, жестяные кружки, связки стеклянных бус, скомканные клетчатые рубашки и прочую всячину.

В эту минуту появилась лошадь, волочившая за собой жерди

бесколёсой повозки, на которой лежал побледневший Слепой Глаз. Священная Песня отбросила отрубленную голову и метнулась к раненому мужу.

Безумный Медведь протолкнулся сквозь шумную толпу. Он равнодушно взглянул на сваленное в кучу добро и вдруг охнул, закрыв рот ладонью.

— Что случилось, отец? — удивился Лунный Свет. — Что особенного ты увидел?

Безумный Медведь наклонился и взял в руки толстую пачку бумаг в кожаной обложке. Он узнал растрепавшуюся и расклеившуюся тетрадь Рэндала Скотта.

— Откуда это?

— Не знаю. Наверное, лежало в мешке, когда я накидал туда других вещей, — пожал плечами юноша.

— Эта вещь принадлежит Ичи-Мавани, твоему настоящему отцу. Ты видел его там, где вы дрались?

— Нет, — решительно покачал головой юноша и нагнулся к валявшейся у его ног голове.

Мато Уитко остановил взгляд на вспухшем бородатом лице, по которому скользнула бахрома на рукаве рубашки Лунного Света. Что-то толкнуло его изнутри, и он забрал кровавый трофей из рук молодого индейца. Приблизив голову к своим глазам, он молча изучал её.

— Правильно ли поступит стрела, вонзившись в человека, её пустившего? Он вложил в неё силу движения. Он был ей отцом... — заговорил он, повернувшись к Лунному Свету. — Правильно ли поступит сын, убив своего отца, который вложил в него силу жизни?

Безумный Медведь поднёс отрубленную голову к лицу Лунного Света и встряхнул её.

— Посмотри, ты убил своего отца...

Молодой индеец заморгал.

— Почему отца?

— Это голова Ичи-Мавани, — произнёс Медведь.

— Нет! Не может быть! — воскликнул изумлённый юноша. — Это совсем другой Васичу!

— Это Ичи-Мавани. Он стал седым и старым, его лицо покрыто бородой, а затылок стал гладким и безволосым, как часто бывает у белых людей... Ты не узнал его, — спокойно объяснил Медведь и протянул голову Лунному Свету. — Пойди и расскажи об этом своей матери. И не выставляй голову на пляску вместе с другими скальпами...

Ичи-Мавани — твой отец по крови...

Теперь была уже ночь, и участники похода танцевали вокруг большого костра под восхищённые крики соплеменников. Жёны и сёстры победителей стояли внутри круга, подняв над собой палки с привязанными к ним скальпами поверженных врагов. Все радовались, а Лунный Свет сидел, охваченный печальными мыслями, в полном одиночестве. Он не чувствовал горя или сожаления о содеянном, но понимал, что ему полагалось отправиться к избушке золотоискателей и устроить погребение изуродованного отцовского тела, как того требовали правила Лакотов. Суеверие не позволяло ему бросать умершего родственника на земле, как падаль.

Он вышел из типи и увидел Шагающую Лисицу и Магажу, лицо которой было вымазано золой. Она много лет не видела мужа, и он давно умер для неё. Но сегодня она получила подтверждение, что его больше не было в этом мире, и очернила лицо. Она не плакала, как делали другие вдовы, однако на сердце её, как нарыв, назрела тревога. Сын убил отца...

— Завтра я отправлюсь к месту, где мы убили тех Васичей, — заговорил Лунный Свет, — и похороню останки Ичи-Мавани...

Все вместе они зашагали ярко освещённой танцевальной площадке, где плясали пять человек, одетых в короткие юбочки, сделанные из орлиных и вороньих перьев. У двоих из них с ягодиц свисали привязанные чучела птиц, подметающие хвостами землю. Громко стуча погремушками о свои копыя, танцоры подскакивали к зрителям и вертелись перед ними, низко склонившись к земле и просительно вытягивая шеи. В голове одного из пляшущих вертикально торчало длинное перо, и при каждом шаге оно жалобно сотрясалось.

Это были Попрошайки — самые выдающиеся молодые люди деревни, превращавшиеся на время танца в нищих. Они кривили лица, стараясь сделать их невозможно жалкими, и на самых высоких нотах тянули заунывную песню, выпрашивая подарки. Люди отскакивали от них, но не убегали. Всякий, до кого дотрагивались копыя или руки танцоров, громко смеялся и спешил принести что-нибудь к костру, показывая свою щедрость. Вскоре на земле выросла заметная куча самых разных лакомств и бытовых предметов.

Как только Попрошайки почувствовали себя удовлетворёнными, они ловко свалили набранное добро на растянутую оленью кожу и побежали по деревне, раздавая подарки наиболее бедным соплеменникам.

Подойдя к освещённому пространству, Лунный Свет увидел перед костром стоящего на коленях голого по пояс мужчину, который подбирал руками дымящиеся угли. Его длинные волосы были необычным образом стянуты в тугую косицу на темени, и она торчала над головой, будто ветвь дерева. Руки и лицо человека лоснились свеженамазанной белой глиной. На ногах были выведены длинные молнии. Схватив угли в ладони, индеец энергичными движениями растирал их в порошок и подносил ко рту, изображая, что его мучила страшная жажда и он утолял её жарким огнём.

— Хейока! Хейока!^[1] — восторженно визжали детишки и указывали на странного человека пальцами.

Затем индеец выпрямился в полный рост. На груди у него висел круглый кожаный щит и колчан с луком и стрелами. Все эти вещи воины вешали всегда за спину, но это был не обычный человек, а хейока, которому полагалось всё делать наоборот. Он резко согнулся, просунув голову между коленей, и лицо его появилось из-под набедренной повязки, зажав в зубах свисток из кости орла. Собравшиеся вокруг люди громко смеялись. Свистнув пару раз, индеец призвал к себе ярко-рыжего жеребца с нарисованными на крупе белыми кругами, какими обычно обводили глаза боевых лошадей, чтобы усилить их зрение. Едва конь вбежал в шумный круг, хейока прыгнул к нему, схватил обеими руками длинный пушистый хвост и начал прилаживать к нему уздечку из тонкой верёвки, будто это была морда животного, а не хвост. Приспособив кое-как верёвку, индеец издал победный клич и вспрыгнул на своего коня, устроившись на его спине задом наперёд. Зрители радостно зашумели, и всадник пустил рыжего в галоп. При этом он нагнулся к хвосту своего скакуна и кричал туда пронзительным голосом:

— Неси меня, брат мой! Унеси подальше от жестоких врагов моих, и за это я привяжу к твоей шее кусок красивой красной материи! Помоги мне, и я подарю тебе по орлиному перу на каждое ухо!

Зрители размахивали руками и улюлюкали, изображая злых врагов, тянущих к всаднику руки. Наездник строил гримасы, корчился, извивался, как бы уклоняясь от сыпавшихся на него ударов. Иногда он неожиданно вытаскивал из чехла лук и бил им кого-нибудь из подвернувшихся зрителей, рыча при этом по-медвежьи.

То было импровизированное участие хейока в празднике, и люди были счастливы, что им представилась внезапная возможность не просто потанцевать по случаю удачного военного похода, но и посмеяться.

Обычно выступление хейоков было целой церемонией, к которой долго готовились. Специально для их обряда забивалась собака, чтобы сделать подношение шести силам и четырём сторонам света. Никто собак не убивал так, как это делали хейоки: они удушали её при помощи петли каким-то неуловимым движением, и смерть наступала мгновенно, как от удара молнии.

Хейоками становились те, кто обладал священной силой и получил в своих видениях указания Громовых Существ. Они умели вызывать дожди и отгонять ураганы. Таинственная сила начинала снисходить к ним с Небес, когда их поведение становилось похожим на поступки глупцов. Временами они всё делали наоборот, и, глядя на них, люди смеялись. Хейоки веселили соплеменников, чтобы человеческие сердца раскрывались и с лёгкостью впускали в себя истину, которая скрывается под слишком разными лицами и всегда приходит к людям неузнанной, поэтому её трудно принять. Хейоки умели отвлекать и приносили истину как бы шутя...

Внезапно всадник остановил рыжего жеребца перед Лунным Светом и спрыгнул на землю, сделав в воздухе лихой переворот. Шагнув к молчаливому юноше, хейока смешно присел и развёл руками, показывая величайшее удивление и непонимание.

— Скорбное выражение лица присуще людям, в которых нет жизненной силы, сын мой! — воскликнул он, придвинувшись к Лунному Свету. — Радуйся и пой песни вместе со всеми, вознося благодарения Крылатому Духу за каждое подаренное тебе мгновение жизни!

Шагающая Лисица и Магажу всплеснули руками, узнав под толстым слоем уже потрескавшейся белой глины черты Безумного Медведя.

— Моё сердце погружено в печаль, отец, — ответил Лунный Свет.

— Какой прок в слезах, юноша? Разве они помогают исправить наши ошибки? — воскликнул Медведь. — Печаль не есть воинский путь. Подними голову и соверши поступок, подобающий мужчине! Ты способствовал наступлению дурных времён. Ты — один из тех, кто раздувает страшный ветер. Теперь придёт ураган. Может быть, завтра, может быть, позже. Его не избежать. Но мир обновляется даже после самой ужасной бури, сын мой. Даже на обуглившейся после пожара прерии вырастает зелёная трава. Великий Дух посылает нам тяжёлые испытания. Мы можем погибнуть все. Но мы снова придём в эту жизнь, потому что каждый должен пройти свою Тропу до конца, даже если ему придётся сотни раз начинать свой путь заново...

[1] *Хейока* — имя одного из таинственных существ, которого иногда называют властелином противоестественных сил. Обычно он появляется перед людьми в облике крохотного старичка в высокой шапке на голове. Зимой он ходит голышом, а летом кутается в тёплую бизонью шкуру. Хейока является воплощением всего противоестественного. Так же называли людей, которые подражали образу жизни этого таинственного существа. Стать хейоками могли только те люди, которых посетили воины-помощники (собака, лягушка ястреб и др.) или Громовые Существа и одарили их умением контролировать силы природы. Поклонение Грому встречается у подавляющего большинства североамериканских племён.

Акичита Нажин

(рассказ в переводе Уинтропа Хейли)

Мало кто из нас прознал, что Дик Лунный Свет зарубил своего собственного отца. Но я слышал, как Безумный Медведь разговаривал с ним после его возвращения из того похода. Я никому не открыл этого, потому что у каждого есть своя жизнь, в которую посторонним нельзя заглядывать.

Да, это очень плохое дело — убить своего предка. Но кто мог знать? Мы все отправлялись на войну, готовые пролить кровь, свою и чужую. И никому из нас не ведомо, какие испытания заготовил нам Великий Дух.

Я помню, как юноша покинул деревню на следующий день, и никто не догадывался, куда он направился. Безумный Медведь поехал с ним.

Позже я узнал от них, что они устроили небольшой помост на дереве и сложили на него всё, что смогли отыскать. Волки успели сильно погрызть трупы тех Васичей. Безумный Медведь сказал, что видел там очень много следов. Он настоял на том, чтобы Лунный Свет прошёл возле места боя Обряд Очищения. Я думаю, он беспокоился, что дух Ичи-Мавани станет мстить нашему племени. Но я не знаю наверняка.

Безумный Медведь был шаманом, который легко общался с тенями из мира призраков. Никто из наших знахарей и колдунов не был столь умел и опытен в этом деле. Поэтому я не могу говорить за него. Раньше он много молчал, потому что о тайнах не полагается говорить. Но теперь мы все стары, и нас очень мало осталось из тех, кто помнит далёкие времена, поэтому мы рассказываем всё, что знаем и помним.

Безумный Медведь говорил, что Великая Тайна карает того, кто отступает от линии, обозначившей правильный путь для каждого из нас. Он предупреждал, что Лунный Свет сильно виновен перед всеми нами, так как не захотел посвятить себя строгой жизни святого человека. Молодой человек выступил против воли Великого Духа, и расплатиться за этот выбор ему предстояло не только своей жизнью, но и чужой. Так говорил Безумный Медведь. Я помню, как в его глазах навернулись слёзы, когда он сказал это. Он чувствовал великую боль из-за чужих страданий, но ничего не мог поделать.

Первым ощутимым ударом для этого храброго Лунного Света было убийство Ичи-Мавани, потому что тяжесть умерщвления сородича невозможно искупить ничем. Лунный Свет это знал. Он понимал, что последуют другие страшные события, за которые он будет себя бесконечно винить.

В конце Месяца Опадающих Листьев мы свернули палатки и отправились к месту зимовки на Ручье Жёлтого Целебного Корня. Но разведчики сообщили нам, что там они заметили отряд Длинных Ножей. Мы не знали, что это были за солдаты, но решили не встречаться с ними, потому что никто не был уверен, что они не проводали об убийстве тех Васичей в Чёрных Холмах. Мы не чувствовали за собой никакой вины, потому что Бледнолицые прокрались на землю, которую мы считали священной. Они должны были заплатить жизнью. Но Длинные Ножи стремились наказать нас за каждого убитого белого. Поэтому мы двинулись дальше по Дымной Реке и добрались до того места, где в неё вливается Ручей Чёрной Трубки. Там мы хотели присоединиться к лагерю Большого Копья.

Но по дороге к Ручью Чёрной Трубки случилась беда.

Мы ехали длинной вереницей. Некоторые сильно вырвались вперёд, кое-кто отстал, как это часто случается. Среди последних была Священная Песня с ребёнком. Одна из жердей её волокуш застряла между камней и сломалась. Две женщины направились к роще, чтобы срубить подходящее деревце, а муж Священной Песни остался возле неё, оглядывая окрестности. В то время его называли Слепым Глазом из-за смешного случая на бизоньей охоте, но я всегда любил его прежнее имя — Много-Следов-На-Тропе. Все признавали его лучшим следопытом и охотником в нашем роду.

Я помню, как из лошадины выкатил фургон с Бледнолицыми. Все наши, кто был поблизости, насторожились и стали звать удалившихся женщин обратно, но белые люди ничего не делали. Мы решили, что они сами испугались нас. Однако мы ошиблись. Я услышал выстрелы и увидел, как возле повозки появились облачки дыма. Воздух был морозным и чистым, и выстрелы прозвучали, будто кто-то звонко хлопнул в ладоши.

Тогда наши люди забеспокоились всерьёз. Мы не знали, сколько человек притаилось в фургоне, и решили уехать. Но две женщины, ушедшие к роще, не успели вернуться, их нужно было подобрать. И пришлось бы бросить вещи Священной Песни, потому что волокуши были не пригодны для дальнейшего движения. Пока мы возились с лошадьми, одна из женщин споткнулась. Через мгновение я

услышал, как вскрикнула Священная Песня и схватилась за грудь. Заметив, что в неё попала пуля, Слепой Глаз повернулся к фургону и пустил коня на белых людей. Он подскакал совсем близко к ним и упал на землю. Несколько фигурок выпрыгнули из повозки и опустились на колени, стреляя в нас.

Тут примчалось десять наших воинов, и я присоединился к ним. Мы убили всех, кто был в фургоне и возле него. Один белый человек притворился мёртвым, стараясь обмануть нас, но мы всех избили топорами, и этот сильно кричал, когда я ударил его в плечо, чтобы отрубить ему руку и повесить её над входом в типи.

Слепой Глаз лежал без дыхания, когда мы к нему приблизились. Пуля насквозь пробила ему горло, и две другие попали в грудь. Ещё двое наших оказались ранены, но не сильно. Священная Песня скончалась в пути. Мы довезли её до стоянки уже окоченевшей. Её малыш упал в ручей, когда её руки ослабли, и сильно промёрз в ледяной воде, пока мы дрались. Мы не сумели выходить ребёнка.

Это было большое горе для Безумного Медведя и Шагающей Лисицы. Они всю зиму ходили к могиле дочери и подолгу сидели под настилом, разговаривая с её духом. Внучку (старшую дочь Священной Песни) они забрали в свою палатку. Девочке исполнилось той зимой пять лет, её звали *Уачанга-Уин*, то есть Сладкая Трава.

Лунный Свет не находил себе места. Он изрезал ножом себе руки и грудь и обрезал косы на голове. Для мужчины это очень необычно, потому что у нас принято, чтобы только женщины истязали себя в знак скорби. Воины обычно покрывают лицо золой и погружаются в глубокое молчание. Лунный Свет раздал всё своё имущество, оставил себе лишь оружие, двух боевых лошадей и бизонью шкуру, чтобы прикрывать тело. Многие в стойбище слышали его голос, когда он садился на коня, выезжал в горы и выл там по-волчьи.

Весной он несколько раз возглавлял отряды и отправлялся за скальпами белых людей. Он казался мне таким же неистовым, как и Безумный Медведь в дни своей юности. Он был отважен, и люди уважали его.

Так начались наши беспрестанные столкновения с Васичами.

Две зимы спустя мы увидели много солдат. Мы никогда прежде не думали, что столько солдат сразу могло появиться в нашей стране. Они шли с трёх сторон большими колоннами[1]. С ними ехали Волки. Это нас не удивило, потому что мы всегда знали, что Волки пошли бы на всё, чтобы досадить нам. К тому времени они уже не были способны воевать против нас своими силами, поэтому присоединились

к Длинным Ножам и служили им, как псы. Они даже носили синюю одежду солдат.

Лакоты долго уходили от солдат, не вступая в бой. Но сразиться всё же пришлось, и битвы получились жаркими. С тех пор война не покидала нашу землю до тех пор, пока последний из наших боевых вождей не сложил оружия. После того мы лишились всего, что имели.

[1] Экспедиция в долину Пыльной Реки. В начале августа 1865 года генерал Патрик Коннор заявил, что «на индейцев следует охотиться, как на волков», и направил три армейские колонны в район Пыльной Реки. Одна колонна (полковник Коул) должна была двигаться из Небраски к Чёрным Холмам, вторая — из форта Ларами прямо на север (полковник Уокер) на соединение с Коулом, третья (генерал Коннор) направилась на северо-запад к штату Монтана. Независимо от планов Коннора некто по имени Джеймс Сойерс организовал свой отряд и двинулся к Пыльной Реке, надеясь открыть золотые прииски в Монтане. Группу его старателей сопровождали две роты пехоты. Военная кампания закончилась полным крахом Коннора. Серьёзных сражений не произошло, индейцы лишь изредка тревожили солдат и угоняли их лошадей. С наступлением зимы многие армейские лошади Коула и Уокера пали, и кавалеристам пришлось идти пешком, что сделало их абсолютно небоеспособными. Коннор построил небольшое укрепление, где намеревался провести зиму, но к исходу зимы около половины его солдат умерло от цинги или воспаления лёгких.

Мато Уитко

(его собственные слова)

Среди наших молодых вождей в те годы стал подниматься необыкновенный человек по имени *Ташунке Уитко*, то есть Неистовая Лошадь. Во время той войны мне довелось встретиться с ним лишь однажды, так как военные группы постоянно находились за пределами стойбищ и воинам было не до разговоров. Но после того как солдаты покинули наши земли, я близко познакомился с ним.

Ташу́нке[1] Уитко́ был не просто вожаком тех, кто жаждал военных побед. Он был настоящий *Вичаша-Вакан*, посвящённый в тайны мироздания, обладавший даром видеть будущее. Я был рад ему, как никому другому, потому что сразу определил в нём человека великой силы.

Он не был высок и отличался этим от большинства наших людей, ведь Лакоты почти все очень рослые. И ещё он сильно выделялся среди других цветом волос. Они были не чёрные с синим отливом, как у всех, а почти коричневые. Это казалось странным, потому что он был чистокровный индеец. Его отец принадлежал к Огламам, а мать была из Сичангов. Он признался мне, что в детстве, когда палатки его общины стояли неподалёку от Лошадиного Ручья, проезжавшие мимо Васичи в фургонах часто звали его с собой, полагая, что он был белым мальчиком, попавшим в плен к Лакотам.

Все предки по линии его отца были знахарями и шаманами, но ни один не обладал такими способностями, как он. Никто из них никогда, как он рассказывал, не становился военным вождём. Он первым в роду сделался Носителем Рубахи и стал поднимать отряды в военные походы. Что же касалось Бледнолицых, то он думал, что с ними не нужно сражаться. Но раз уж этого жаждали Лакоты, он считал себя обязанным помочь им и для этого обращался в мир теней за советом. Он не верил, что мы одержим верх, но не опустил рук и не сложил оружия.

Через два года после большого похода Длинных Ножей в нашу страну Красное Облако одержал решительную победу возле горы Палаточный След в бою, который мы называли Сто Убитых[2]. Ташунке Уитко был одним из тех, кто заманивал солдат в западню. Я знал, что таких побед Лакотам достанется мало, но всё же был горд за мой народ.

Среди нас были смелые и сильные воины, и мне было жаль, что сам я не принял участия в том сражении. Я смотрел с некоторой завистью на юношей, чьи глаза пылали азартом, и вспоминал, как сам возвращался с военной тропы. Я видел, каким счастливым вернулся Лунный Свет, демонстративно не перевязывая простреленные руки и ноги, и вызывающе посмотрел на меня.

— Разве мы не разбили Васичей? Разве не одолели их? Где же их хвалёная сила, отец?

— Это победа над отрядом, сын, но не над народом, — пытался объяснить я, но Лунный Свет не желал мыслить здраво. Он был похож на большинство наших юношей, которые довольствовались разовым успехом, не заботясь о последствиях и не воспринимая мир как огромное целое, где всё тесно увязано между собой.

Ташунке Уитко — Неистовая Лошадь — возвратился без единой царапины. Я не помню, чтобы его хоть раз задела стрела, пуля или нож, когда он отправлялся воевать. По крайней мере, так рассказывали его друзья. В том бою он заманивал солдат в ловушку, постоянно слезая с коня, чтобы послужить привлекательной мишенью для солдатских ружей. В него стреляли беспрестанно, но пули не касались молодого вождя. Несколько раз возле него разрывались снаряды, выпущенные из пушки с крепостной стены, и всё же он остался невредим.

— Я никогда не боялся их огня, — сказал он мне однажды. — Я всегда делал то, что должен был делать. Вакан-Танка охраняет меня, покуда я не преступаю дозволенного. Я стараюсь быть внимательным.

Он никогда не стремился возвыситься среди соплеменников, не выпячивал себя. Он не участвовал в торжественных плясках, возвращаясь из военных походов, и не привозил с собой вражеских скальпов. Я не видел перед входом в его палатку боевых трофеев. Он никогда не старался для себя. Он даже не воровал лошадей у Псалоков, потому что не нуждался в богатстве. Он никогда не забывал, что в каждом его поступке присутствовала Священная Сила, поэтому всё, что он делал, совершал не он, а Великий Дух. Ташунке был уверен, что будет наказан в тот момент, как только протянет руку, чтобы взять что-то для себя лично.

Так и случилось однажды.

С юных лет он любил девушку, которую отец отдал другому. И вот как-то раз Ташунке Уитко решил увезти её. Он поступил так же, как я с Шагающей Лисицей в дни моей молодости. Молодой Волк прискакал забрать Шагающую Лисицу обратно, но я убил его. С Ташунке Уитко случилось иначе. Оскорблённый муж вошёл в его типи и выстрелил

из револьвера. Пуля попала в голову Ташунке и раздробила скулу. Никто другой не выжил бы после этого, но помощники из невидимого мира помогли ему подняться и выздороветь очень быстро. На его лице остался крупный шрам. Этот случай окончательно утвердил Неистовую Лошадь в мысли, что ему не позволялось того, что могли другие. Он был инструментом в руках Великого Духа. Он исполнял лишь волю Небесного Отца, не имея права на личные желания.

Шаманы постоянно напоминают людям, что они занимают место не важнее самого мелкого муравья. Но мало кто умеет сохранить в себе такое понимание. Когда меня изгнали из Общества Лисицы, я почувствовал себя смертельно оскорблённым. Я не понимал, что я, привыкший слышать похвальные речи и пользоваться всяческими знаками внимания, слишком высоко поставил себя в собственных глазах. Я должен был пройти через унижение, чтобы вспомнить о моём истинном месте в жизни и закалить мой дух.

Неистовую Лошадь лишили почётного звания Носителя Рубашки за то, что он увёз чужую жену. Этим ему отказывали в праве водить военные отряды. Не столь велика была провинность, и другому человеку не сказали бы ни слова, раз женщина решила оставить мужа. Но Неистовая Лошадь не принадлежал к числу обыкновенных людей. Сделавшись однажды Носителем Рубахи, он обязался быть примером во всём. И забывать об этом ему не полагалось.

Он обратился к Духам. Он молился в одиночестве, уходя на много дней в Чёрные Холмы. И молодые воины вновь собрались вокруг него, несмотря на неудовольствие старейшин. Неистовая Лошадь ушёл на север, где соединился с племенем Сидящего Быка, и несколько лет старался держаться в стороне от белых людей.

Но вскоре Синие Мундиры наводнили Чёрные Холмы, и вспыхнула новая война. Многие Лакоты покинули резервации и пришли в стойбище Ташунке Уитко, чтобы схватиться с Длинными Ножами. Тогда и произошла битва, которую наш народ называет самой крупной победой над Бледнолицыми.

В долине реки под названием Сочная Трава собрались тысячи Лакотов. Табуны были столь огромны, что их пришлось пасти на большом расстоянии от огромного стойбища, дабы люди не задохнулись от поднятой лошадьми пыли. Когда появились солдаты, наши люди не были готовы к бою, так как мы не верили, что Длинные Ножи осмелятся напасть на такое скопление индейцев. Но солдаты повели себя беспечно. Они надеялись на лёгкую победу. Их возглавлял человек, которого мы называли Длинные Жёлтые Волосы.

В том яростном бою погиб Дик Лунный Свет. Пуля ударила его точно в сердце. Друзья оставили его тело лежать в одной из погребальных палаток. Кто-то подарил ему на прощанье расшитую рубашку. Своей одежды у него не было со дня смерти Священной Песни и её мужа. Он отправлялся в бой совсем голым, даже без набедренной повязки, полностью покрывая тело краской. Остальное время он кутался в единственную свою бизонью накидку. Его оставили лежать красивым, в богато расшитой рубаше из мягкой оленьей кожи, но через несколько дней пришли новые солдаты и с ними прискакали Псалоки, которые разграбили погребения и изуродовали мертвецов.

Я хотел провести обряд удержания его души, чтобы очистить её. Лунный Свет сильно провинился перед нашим народом, так как упорно отказывался от пути, который был ему предназначен свыше. Он убивал тех, кого считал своими недругами, и водил за собой других. Многие погибли из-за этой слепой страсти к войне. Он навредил не только себе, поэтому его душе предстояло скитаться между Небом и Землёй. У Лакотов есть церемония, благодаря которой шаманы помогают заблудшей душе очиститься так хорошо, что она становится единой с Великим Духом и может не странствовать долгие годы в терзаниях. Но для такого обряда мне нужно было тело Лунного Света, чтобы срезать хотя бы прядь его волос. Я же не смог получить ничего, потому как Псалоки и Волки разграбили могилы Лакотов на Сочной Траве и изрубили тела покойников. Лунному Свету они отрубили голову и увезли её. Мне пришлось лишь молить Создателя, чтобы он сжалился над моим сыном и подготовил его к новой жизни. Я знаю, что Лунный Свет вернётся, чтобы однажды повести племена по священной тропе. В невидимом мире ему откроется истина и он узрит Свет не глазами, но сердцем. Это неизбежно. Однако теперь ему придётся пройти гораздо более серьёзные испытания и искушения. Таково желание Того-Кто-Дарует-Жизнь.

После сражения на Сочной Траве Лакоты окончательно потеряли покой. Они терпели поражение за поражением. Наши деревни захлебнулись кровью. Пришла смерть, которую я предвидел давно. Она уже не подкрадывалась тихонько, а мчалась, как Громовая Птица. Все, кто попадался ей на пути, оставались лежать в обуглившихся типи. Незадолго до этого белые люди беспощадно расстреливали бизонов и перебили почти всех, теперь же место бизонов заняли индейцы. Нет смысла снова рассказывать тебе, мой друг, то, о чём уже столько раз вспоминали другие. Невозможно перечислить имена всех погибших сородичей, нет сил вновь возвращаться мыслями на ту горькую от слёз

тропу.

Неистовая Лошадь тоже сложил оружие. Он находился в резервации целое лето. Его одолевали тяжёлые мысли, и он не мог совладать с ними. Он прожил чуть больше тридцати зим, и он внимательно слушал мою историю о том, как я отказался от военной тропы в его возрасте и с тех пор не сходил с выбранного пути, потому что такова воля Вакан-Танка.

— Я не мог поступить так, как поступил ты, — сказал он мне. — Небесный Отец наделил меня силой защищать народ, и я выполнял его волю.

Но времена изменились, и жизнь нашего народа вошла в русло, совершенно не похожее на прежнюю жизнь. Неистовая Лошадь понимал это. Он сказал мне, что, когда погружался в мир духов, где слышны голоса всех живых существ и неживых предметов, которые в действительности тоже живы, он проникался покоем. Он чувствовал, как весь мир роднится между собой. Четвероногие и двуногие, птицы и рыбы, люди разных цветов кожи, которых никто из Лакотов никогда не встречал — все они сливались воедино. Но Неистовая Лошадь возвращался сюда и не видел гармонии. Он мог жить тут, пока был нужен своему народу. Люди хотели сражаться и просили его руководить ими. Он выполнил их просьбу. Когда они решили больше не воевать, он привёл их в резервацию. После этого его срок истёк. Этот великий человек сделался ненужным.

Многие вожди, давно сложившие оружие и жившие в резервации, завидовали популярности Неистойой Лошади даже после того, как он сошёл с военной тропы. Они ревновали его к прошлому и к будущему. Они боялись того, что его слава затмит их высокое положение. И они стали наговаривать на него. Это были пустые слова, ничем не подкреплённые, но у дурных людей уши устроены таким образом, что к ним просто липнут злые речи. Возможно, белые начальники и не верили в наговоры на Неистовую Лошадь, но они тоже боялись его и сделали вид, что поверили в исходившую со стороны молодого вождя опасность. В конце концов лейтенант Кларк, которого мы называли Белая Шляпа, распорядился арестовать или убить Неистовую Лошадь. Едва он принял это решение, весть облетела всю резервацию. Лакоты впитывают новости столь же быстро, сколь пересохшая земля впитывает долгожданные капли дождя.

В тот день к Белой Шляпе прискакал гонец и закричал:

— Неистовая Лошадь седлает своего коня. Он либо начнёт войну, либо сбежит!

Тогда Белая Шляпа собрал индейскую полицию и поспешил в стойбище Неистойой Лошади на берегу Ручья Белой Глины. Очень скоро им встретился Смотрящий Конь, воин из группы Неистойой Лошади. При нём были винтовка и пистолет. На его голове красовался убор из орлиных перьев. Смотрящий Конь был готов драться.

— Вы тоже Лакоты! — обратился он к полицейским. — Зачем вы приняли сторону Бледнолицых? Зачем хотите убить Неистовую Лошадь?

— Я никому не позволяю задавать мне вопросы! — крикнул в ответ скаут Бизоний Танец и тут же выстрелил в жеребца Смотрящего Коня, сразу убив скакуна.

Затем к Смотрящему Коню подъехал другой полицейский и, пока тот не опомнился, принялся колотить его револьвером по голове. Среди полицейских был Убийца Белой Коровы, брат Смотрящего Коня. Он спустился к окровавленному брату и сказал:

— Вот что с тобой случилось. Зачем ты снова взял в руки оружие?

— Ты приехал с полицией убить моего вождя. Ты приехал как враг.

— Я не враг, брат мой. Одумайся, ты ничего не изменишь, Смотрящий Конь. Теперь уже ничего не изменить. Жизнь стала другой.

Чуть позже перед полицейскими появились десять Лакотов в пышных головных уборах. Они готовы были дать бой. Впереди скакал шестнадцатилетний мальчик по имени Чёрный Лис. В свои пятнадцать он впервые принял участие в войне, сражаясь против солдат в долине Сочной Травы. Теперь он был готов снова драться на стороне любимого вождя. В его одной его руке был револьвер, в другой — карабин, на голове покачивались орлиные перья.

— Люди! — воскликнул Чёрный Лис. — С тех пор как я стал пригоден для войны, я ищу возможностей проявить себя в бою! Я готов погибнуть, если вы, Лакоты в синих мундирах, решите убить меня!

Он выхватил из-за пояса нож, зажал его зубами и вытянул перед собой винтовку и револьвер. Как только он ударил коня пятками, пустив его вскачь, ему навстречу выехал Конь Бледнолицего — воин из числа полицейских, державший в руке трубку.

— Послушай, юноша! Ты доводишься мне племянником, но я готов убить тебя, если ты откажешься принять трубку! — Полицейский оглянулся на своих спутников. — Не стреляйте, но будьте готовы. Если Чёрный Лис возьмёт трубку, то всё обойдётся.

Мальчик остановил коня. Он не мог отказать человеку, который протягивал в его сторону трубку. Трубка священна для Лакота. Я много раз повторял это. Тот, кто отказывается от трубки, нарушает

первейшую из заповедей своего народа.

Они выкурили, и бой не состоялся. Но мальчик всё равно совершил подвиг. Он выехал навстречу сильному врагу, готовый погибнуть. На него было нацелено не менее двадцати стволов. Он был смел, даже слишком смел для своих лет.

— Неистовая Лошадь уехал из резервации, — сообщил Чёрный Лис. — Он взял с собой больную жену. Я не думаю, что он хочет воевать. Я остался главным в этом лагере, поэтому решил защитить женщин и детей, если вы попытались бы стрелять по нашим палаткам.

Неистовая Лошадь уехал из резервации, ничего не сообщив белому начальнику. Это вызвало бурю гнева со стороны лейтенанта Кларка. За вождём сразу послали погоню, чтобы привести его обратно.

Той ночью я видел в небе вокруг Луны густые чёрные тени, исполнявшие танец, похожий на Пляску Со Скальпами. Они предвещали смерть. И Неистовую Лошадь убили.

Я рассказываю тебе об этом так коротко, будто всё свершилось в один день. Но для меня это и был один день. Один долгий скверный день.

[1] *Шунка* — собака, крайне редко этим словом называли и лошадь. Чаще для обозначения лошади применяли слова *шунка-вакан* (священная собака) или *шуктанка* (от *шунка-танка* — большая собака). Воины Лакотов обычно называли лошадь словом *Ташунке* (то есть *его* лошадь) и относили это слово к специальному, воинскому лексикону, подчёркивая тем самым особую привязанность мужчины к своему боевому коню.

[2] Сражение 21 декабря 1866 года близ форта Фил-Кирни, что стоял на Малой Сосновой Реке. В официальную американскую историю сражение вошло как резня Вильяма Феттермэна. Лакоты, Шайены и Арапахи организовали нападение на обоз, занимавшийся заготовкой дров для форта, и вынудили капитана Феттермэна выступить на выручку обозу. Каждое из трёх племён выставило по два человека в качестве приманки — задача очень опасная, но и очень почётная для воина. Индейцы выехали из леса так, чтобы их было хорошо видно из форта. Они слезали с лошадей, ругались, размахивали руками и вызывали солдат к себе. Из-за стен крепости на них сыпались пули, несколько раз выстрелила пушка. Вскоре Феттермэн вывел из ворот солдат (всего 81 человек) и устремился в погоню. Индейцы сумели заманить Феттермэна в западню. Сначала в форте прислушивались к залпам, доносившимся из-за горного хребта, но через полчаса наступила мёртвая тишина. Поисковая группа нашла отряд Феттермэна к вечеру. «Все были мертвы. Мы погрузили их в повозки, в ящики для амуниции. Невозможно было отличить, кто кавалерист, кто пехотинец. Трупы были раздеты догола, черепа расколоты дубинками, уши, носы и губы отрезаны, скальпы унесены, а тела напичканы пулями и утыканы стрелами, кисти, ноги, лодыжки связаны сухожилиями. Искать их внутренности было тяжело из-за высокой травы. Подбираешь эти внутренности, и не знаешь, какому солдату они принадлежат. Так что у кавалериста могли быть кишки пехотинца, а у пехотинца кишки кавалериста» (из воспоминаний рядового Джона Гатри).

Медвежий Бык

Низко склонившись над тлеющими углями, Безумный Медведь следил, как неровный воздух двигался по их поверхности и менял её цвет. На плечах индейца лежало полинявшее одеяло, сильно обтрёпанное по краям. Сухие морщинистые руки бережно держали твёрдые кожаные ножны без единого узора, из которых торчала могучая рукоятка, сделанная из медвежьей челюсти. Слева от старика покоилась расшитая кожаная сумка с трубкой и свёртком табачных листьев.

Медленно повернув голову и слегка прищулив глаза, чтобы в них не попали распущенные седые волосы, Безумный Медведь посмотрел в сторону, где покрытая мягким мхом скала, на вершине которой он сидел, обрывалась и открывала синюю бездну. Низко плывущие густые белые облака лениво запускали в пропасть бесформенные шупальца. Временами из мутного пространства доносились звуки, похожие на чей-то невнятный шёпот, и Безумный Медведь едва заметно кивал, словно соглашаясь с невидимым собеседником. Иногда пронзительно кричал орёл.

— Мы давно не встречались с тобой, мой брат! — раздался громкий голос.

Индеец спокойно взглянул перед собой и увидел шагнувшую к нему высокую чёрную фигуру с могучим рогатым скальпом бизона поверх головы. Подошедший опустил на землю и скрестил ноги, шаркнув тёмным мокасином по мелким камням.

— Я рад приветствовать тебя, — улыбнулся индеец Медвежьему Быку.

— Ты хотел видеть меня?

— Да. Я хотел вернуть тебе твой нож, потому что чувствую, что годы мои сочтены. Никто из людей никогда не прикасался к этому оружию, как ты и велел однажды. Теперь я должен отдать нож тебе, чтобы после моей смерти он вдруг не попал в руки людей и не был использован для несправедного дела.

— Ты устал? — спросил Медвежий Бык, качнув головой, и глаза его широко раскрылись, сделавшись яркими белыми пятнами на чёрном лице. — Ты хочешь уйти?

— Нет, я не устал, брат мой. Просто мне кажется, что я сказал людям всё, что мог. Я старался сделать так, чтобы они услышали голос

Великого Духа и прониклись Его волей. Больше я ни на что не способен. Похоже, что ты выбрал не того человека. Я ничего не добился. Я не сумел даже самых близких мне людей направить верным путём. — На лице индейца появилось горькое выражение.

— Тропа, на которую ты ступил, ещё очень длинна. Чем дальше ты пройдёшь по ней, тем больше трудностей ты встретишь на пути. Я помню, как нелегко тебе приходилось в начале пути. Но ты никогда не задумывался над тем, что ты не одинок. Ты разговаривал со многими святыми людьми, но даже не представлял, как тяжело было им в своё время. Они казались тебе сильными и мудрыми от своего рождения. Разве не так?

— Ты прав, — кивнул Безумный Медведь. — Я видел в них непоколебимую уверенность и твёрдость. Меня же всегда одолевали сомнения.

— На тебя смотрели точно так же, мой брат. Тебя не случайно называли безумцем. Люди слушали тебя и не понимали. Они ещё долго не будут понимать. Но и ты когда-то мыслил иначе. Твоя Тропа предназначалась больше для тебя, чем для кого-то ещё. Твои слова были направлены к таким же, как ты, каким ты был раньше. Голоса из невидимого мира не слышны тем, кто прозрел до конца — таким людям нечего слышать, ибо они всё давно открыли для себя. — Чёрная фигура Медвежьего Быка протянула вперёд руку и зачерпнула угли. — Разве я должен объяснять тебе, что это горячо? Ты и сам знаешь, что огонь обжигает. Я появился перед тобой, чтобы сказать тебе то, о чём ты раньше не задумывался. Так же и ты беседуешь с другими. Великий Дух посылает своих гонцов лишь к заблудившимся. Тебе это известно. Почему же ты печален?

— Потому что я люблю мой народ. Мне больно смотреть на то, как Лакоты слепо бьются головой о скалу, стремясь пройти именно в том месте, где нельзя! — Индеец взволнованно поднялся, и одеяло соскользнуло с него. Он выпрямился и вскинул голову. На мгновение он стал похож на молодого человека, напрягшего все свои силы, чтобы нанести сокрушительный удар. — Почему у меня не получилось помочь людям?

— В тебе сейчас говорит разум, — спокойно ответил Медвежий Бык и вдруг сделался почти прозрачным, — и ты забываешь, что все люди есть дети. Они требуют долгой и терпеливой работы. Разве я обещал тебе, что ты изменишь судьбу Лакотов? Может быть, кто-то другой сказал тебе об этом?

— Нет.

Высоко в небе пробежал ослепительный зигзаг молнии, расползся серебряной паутиной и затух. Небосвод налился свинцом и придвинулся к земле. На размытой линии горизонта появились разноцветные всадники, перескакивающие через горные вершины. В их руках сверкали кривые лезвия молний. Всадники медленно проплыли над головой Безумного Медведя, окатив его волной дождевого воздуха, и скрылись в тучах.

— Тебе была дана возможность поведать народу о том, что случится, если он не изменит образ жизни. Ты выполнил это. Дальнейшее — за людьми, — сказала чёрная фигура Духа. — Им предстоит долгий путь, и ты сам не раз вернёшься на землю, чтобы помогать людям, потому что ты так решил.

— Но мне больно смотреть на то, как вокруг меня текут слёзы. Мужчины сломлены и не способны взять себя в руки. Дети пухнут от голода. Женщины лежат без движений, ожидая смерти. Мне никогда не доводилось видеть моё племя в таком состоянии. Я хочу помочь, но не знаю как...

— Тебе не дано изменить судьбу этой страны. Людям придётся страдать, потому что слишком долго они сопротивлялись воле Великого Духа, и теперь им нужно пройти через унижения, чтобы очиститься. Индейцам не поможет сегодня обряд *Инипи*, сколько бы они ни потели в очистительной палатке, сколько бы ни изгоняли из себя скверну. Если они ничего не поймут сейчас, то им придётся получить ещё не один урок... Уже много лет ты нёс им слова Того-Кто-Дарует-Жизнь, но мужчины отмахивались от тебя. Были и другие, которые пришли на Землю с той же миссией. Что поделаться? Не все понимают, что идти священной тропой — это требует большого терпения и мужества.

— Я чувствую, что беды ещё не кончились, — опустил на землю Безумный Медведь, и лицо его сразу сильно постарело. — Будет новая кровь...

— Кровь не бывает новой, — отрицательно покачал бизоньей головой человек-призрак, — всякая льющаяся кровь лишь продолжает бурные потоки древних кровопролитий. Одно и то же повторяется из века в век. Ты хорошо умеешь видеть будущее. Ты разглядел там синие мундиры солдат, стреляющих в твоих соплеменников?

— Да.

— И это тебя заботит? Но разве не предупреждал ты их? Не думаешь ли ты, что солдаты причинят кому-то вред, если Великий Дух не захочет этого? Вакан-Танка дышит на нас силой, дарующей

жизнь. Мы все доводимся ему детьми. Мы не более важны в его глазах, чем камень в горном ручье или муравейник посреди дремучего леса. Однако люди очень высоко ценят себя и считают, что сами способны управлять жизнью. Они решили, что их ружья могущественнее воли Великого Духа. Они слепы, и ты живёшь среди них, чтобы помочь им раскрыть глаза... Я не понимаю, зачем ты хотел поговорить со мной, ведь я не знаю ничего другого, что известно тебе.

— Я лишь хотел вернуть тебе твой нож. — Безумный Медведь извлёк из кожаного чехла широкое лезвие, и сталь звонко запела, задев острым концом камешек.

— Я унесу с собой это оружие. Но не думай, что твой путь закончится на этом, брат мой, — твёрдо произнёс Медвежий Бык и широко улыбнулся. Черты его чёрного лица вновь сгустились, когда он протянул руку к ножу, и Безумный Медведь увидел перед собой себя самого, словно вынырнувшего из далёкого прошлого. — Тебе предстоит ещё долгая дорога...

Приёмный сын

Резервация распласталась под палящим солнцем огромным замусоренным пятном. Тут и там лежали отвалившиеся от фургонов колёса, виднелись доски, предназначенные для строительства домов, белели клочья выброшенного полинявшего тряпья, бродили худые псины с клочковатой шерстью, понурые лошадки щипали жёлтую траву. Тут и там возле конусов индейских палаток с прохудившимися во многих местах стенами стояли грязные дощатые бараки.

Безумный Медведь шагал по краю пыльной дороги, пересекавшей резервацию прямой линией, и останавливался то и дело, чтобы поправить на голове купленную в лавке шляпу с широкими полями. Вокруг его бёдер было намотано старое синее одеяло, торс оставался обнажённым, и коричневая морщинистая кожа на плечах блестела под ослепительным жёлтым светом. Длинные волосы густо колыхались седыми струями при каждом шаге.

Пройдя мимо белой епископальной церкви, Безумный Медведь остановился перед игравшими в пыли мальчуганами. Ребятишки возились и смеялись точно так, как это происходило в далёком детстве Медведя. Их не смущало отсутствие больших табунов и обилие дощатых сараев, стоявших повсюду. О прошлой жизни они знали только понаслышке и принимали настоящее как должное. Они были беззаботны. В траве лежала пара лёгких луков со стрелами без наконечников и пара лёгких дубинок, украшенных вороньими перьями. Большинство мальчиков было одето в грязные тряпичные штаны и рубашки, но пара-тройка ребят носили только набедренные повязки, сделанные, правда, тоже из ткани, а не из кожи.

— Дети, — заговорил Безумный Медведь, глядя поверх ребячьих голов куда-то вдаль. Игра прервалась. Ребята сгрудились перед стариком, шурясь на солнце. — Кто-нибудь из вас собирается ехать в школу белых людей?

— Родители не хотят этого! — загалдели почти все разом. — Но белые начальники заставляют нас уехать туда, иногда забирают силой. Зачем нам это? Нам не нужна их жизнь! Мы хотим жить, как жили наши предки!

— А вы умеете жить по-старому?

— Конечно! Мы хорошо стреляем из лука!

— Из лука? — улыбнулся Медведь. — А во что вы стреляете?

— Мы ставим мишень.

— И что это даёт вам? Разве пробитая стрелой мишень может послужить пищей?

— Но ведь нас не пускают на охоту. Дедушка, ты сам знаешь, что Бледнолицые не разрешают никому ходить на охоту. Да и бизонов вокруг не осталось.

— Я знаю, — кивнул Медведь. — Бизонов не осталось. Это означает, что вы не сможете жить, как жил я и мои предки. Поэтому вам не следует отказываться от школы Бледнолицых. То, что вы умеете пользоваться стрелами, это хорошо. Сохраните это умение, лук может пригодиться. Но лук не будет вашим первым помощником. Мы живём на ограниченном клочке земли. Оглянитесь, присмотритесь внимательно. Вокруг нас кипит совсем другая жизнь, не та, что была до вашего рождения. Какое-то время мы сможем жить отдельно от мира белых, но настанет день, когда нам придётся слиться с их миром.

— Зачем?

— Чтобы не погибнуть. В противном случае их мир просто раздавит нас. Раньше за нашей спиной лежали бескрайние равнины. Раньше мы могли отступить. Сегодня отходить некуда.

— Но если мы сольёмся с Бледнолицыми, мы перестанем быть самими собой, — шагнул вперёд мальчик в набедренной повязке, — мы потеряем своё лицо.

— Ты так думаешь? — Безумный Медведь опять улыбнулся и покачал головой. — А сейчас у тебя чьё лицо?

— У меня лицо Лакота! — гордо воскликнул подросток и тряхнул длинными волосами.

— Но повязка на твоих бёдрах сделана из тряпки белых людей, — возразил старик.

— Мне негде достать кожи. Ни мне, ни моим родителям не удаётся добыть оленя, — огорчённо объяснил мальчик.

— Значит, у тебя уже не совсем то лицо, которое было у меня в твои годы. Тебе приходится мириться со многими фактами. Так будь мужественным и честным до конца. Было время, когда Лакоты впервые столкнулись с ружьями белых людей. Очень быстро наши люди осознали преимущества этого оружия, и никто не упрямился, никто не утверждал, что лук и каменный топор лучше, так как они сделаны руками Лакотов. Нет! Мы стали брать от белых людей то, что нам надо. И всё же мы не выстояли. В этом признаваться не обидно, так как Васичей оказалось куда больше, чем всех наших племён в прериях

и лесах. Мы сражались честно. Об этом вы, дети, слышали много раз от ваших отцов и дедов. Но тогда у нас была возможность жить на огромных пространствах степи. Сегодня такой возможности нет. Чтобы получить разрешение на вольное передвижение по стране, мы должны стать частью мира Бледнолицых, а не ютиться на этом ограниченном клочке земли.

— Если мы сделаемся частью мира белых людей, то потеряем наше лицо! — повторил подросток, стоявший ближе всех к старику.

— Если ты останешься голым, с длинными косами, с пером в голове, но забудешь родной язык, то ты не будешь индейцем. Ты не будешь индейцем и в том случае, если превратишься в попрошайку с пышным орлиным убором на голове. Перья, косы и яркая раскраска не делают мужчину воином, этого мало. Но когда ты знаешь древние ритуалы и родную речь, а при этом носишь одежду Бледнолицых, ты можешь смело сказать, что сохранил лицо своего племени. Пусть даже твои волосы коротко острижены.

При последних словах мальчики в ужасе отпрянули. Лакоты не могли терять своих волос — гордость каждого воина.

— Да, да, — закивал Безумный Медведь. — Подлинное лицо человека не зависит от причёски и перьев на голове, хотя иногда не мешает принять облик, соответствующий древности... Не упрямитесь, дети, поезжайте учиться в школу, если вас позовут. Я хорошо знаю, о чём говорю сейчас... Но не позабудьте, находясь далеко от дома, кто вы такие, к какому роду и племени принадлежите... Мой сын не захотел познать дорогу белых людей. Он предпочёл традиционный путь воина и погиб на Сочной Траве. Теперь его нет, а ведь он мог быть полезен своему народу. Лунный Свет погиб. Его смерть не принесла пользы Лакотам, не облегчила нашу участь. Мне жаль, что Лунный Свет не смог заглянуть в будущее...

Безумный Медведь замолчал. Детвора постояла некоторое время перед стариком и неторопливо отступила к месту своих игр. Снова зазвучали смех и весёлые возгласы.

Индеец поправил шляпу и медленно побрёл дальше.

— Дедушка! — послышалось за его спиной.

Он оглянулся и увидел бежавшего к нему подростка в набедренной повязке.

— Дедушка!

— Ты хочешь о чём-то спросить?

— Да. Я много слышал о твоём сыне, но никогда не видел, чтобы ты ходил на его могилу.

— У Лунного Света нет могилы, у меня нет его костей. Наши враги разграбили его захоронение, изрубили его тело. Где мне взять его кости? — Безумный Медведь пожал плечами. В его глазах не было ни грусти, ни сожаления. — Мой сын был отважным воином, доблестным, ловким. Он погиб, отстаивая любимый им образ жизни, волю, простор... — Безумный Медведь сделал широкий жест коричневой рукой. — Но вы, сегодняшние дети, не знаете той жизни. Вы знакомы только с рассказами, а это не одно и то же.

— Как же быть, дедушка? Разве мы должны отказаться от памяти?

— Я этого не говорил. Но воспоминания стариков обычно придают прошлому более яркие и привлекательные цвета, чем они были в действительности.

— Я понял, дедушка. Я поеду в школу Бледнолицых. Это будет мой воинский путь. Я буду считать, что я взят в плен. Если надо, я готов погибнуть там, но я научусь всему, что будет полезно моему народу, за время этого плена. Это будет моё сражение за жизнь моего племени. Только...

— Что такое? Не смущайся.

— Прежде я хотел бы пройти через священное испытание, — мальчик пристально посмотрел на старика. — Я слышал, что раньше воин приходил к знающему человеку и просил его о помощи в этом испытании, о наставлении. Так ли это?

— Ты говоришь об истязаниях Пляски Солнца?

— Да.

— Ты хочешь пройти через кровь? — Безумный Медведь смотрел строго.

— Пусть это положит начало моему пути, — решительно сказал подросток и сверкнул чёрными глазами. — Если я пройду через кровь успешно, то буду знать, что могу одолеть любые трудности.

— Ты молод для Пляски Солнца, — задумался Медведь, — раньше воин должен был побывать на военной тропе, а уж после того...

— Дедушка, ты же сам сказал, что времена поменялись. Куда я пойду по военной тропе?

— Ты прав, — кивнул старик. — Ты прав...

Он поднял глаза к небу и увидел в глубине белых облаков мутное очертание всадника с большими бизонными рогами на голове. Рогатая тень плавно пролетела между облачными кручами, будто между снежными скалами, взмахнула длинным копьём и растворилась в высокой лазури.

— Ты прав, — повторил Медведь, продолжая глядеть вверх, —

времена меняются.

На следующее утро в предрассветных сумерках он отвёл мальчика к ручью, где стояла небольшая округлая палатка для потения, плотно укрытая одеялами. Там их уже поджидали Стоящий Воин и Большая Раковина, индейцы одного возраста с Безумным Медведем.

— Сейчас мы проведём Инипи и дадим тебе новое имя, — сказал Медведь, положив руку на плечо мальчика.

Пока мальчик сидел внутри потельни вместе с Медведем, Стоящий Воин и Большая Раковина молились снаружи и подавали им раскалённые камни. Один из них то и дело постукивал в бубен.

— Сегодня я усыновляю тебя, — проговорил Безумный Медведь, — и даю тебе имя моего погибшего сына. Отныне ты будешь Лунный Свет.

Мальчик ничего не видел в темноте, только слышал жаркое шипение камней, поливаемых тонкой струйкой воды, и голос старика напротив себя. И ещё ему казалось иногда, что вокруг его головы вспыхивали крохотные голубые искорки. Вспыхивали, пролетали немного и угасали.

— С новым именем ты получаешь силу его прежнего владельца. Теперь обратись к Тому-Кто-Вдыхает-В-Нас-Жизнь. Поблаговари его за всё, изъяви готовность принять любые испытания как должное...

Когда Церемония Очищения завершилась, Безумный Медведь вывел мальчика наружу. Два других старика взяли подростка под руки и отвели к воде.

— Омой тело с ног до головы, — велел один из них.

Едва Лунный Свет вышел из ручья и остановился перед стариками, Медведь набросил поверх него одеяло и плотно укутал им голову мальчика.

— Мы поведём тебя на священное место, где ты останешься в полном одиночестве и будешь молиться там в течение нескольких дней. Возможно, тебя посетит видение, но может случиться так, что ты не увидишь ничего. Мы не можем загадывать. Это уже твой путь...

Они шагали долго, взбираясь по склону холма. Высокая трава щекотала распаренную кожу Лунного Света, острые камни впивались в его голые ступни. Когда наставники сняли одеяло с головы мальчика, он увидел себя на небольшой поляне, окружённой соснами. В земле была вырыта небольшая яма.

— Ложись в эту яму, сын мой, — сказал Медведь. — В ней ты проведёшь свой пост. Я оставляю тебе мою священную трубку. Тебе не надо курить её, просто держи её в руках или около себя. Если ты

почувствуешь какую-то опасность, просто возьми трубку и обратись к Великому Духу. Помни, что Вакан-Танка взирает на нас и присутствует в нас каждый миг. Нет ничего, что делалось бы без его на то воли. С тобой не случится ничего худого, если ты отдашь себя целиком в руки Вакан-Танки...

Два дня прошли для Лунного Света почти незаметно. Он лишь изредка поднимался, чтобы размять ноги, сделав несколько шагов, и опять ложился в яму, укутавшись в одеяло. Несколько раз он слышал шорох листвы неподалёку и сразу хватался за трубку, стараясь отогнать накотивший страх перед дикими животными и вселить в себя уверенность.

На третий день пребывания на горе Лунный Свет почувствовал, что его голова сильно закружилась. Погода заметно испортилась, накрапывал серый дождик. Земля в яме постепенно раскисла. Мальчик встал и сделал глубокий вдох. Желая разогреть застывшие мышцы, он нагнулся и принялся тереть обеими руками икры ног. В ту же минуту голова его отяжелела, и он упал. Принимая нормальное положение, он слегка потряс головой и зажмурил глаза. Сердце его билось учащённо. Когда же он посмотрел перед собой, то увидел голого человека, залитого кровью.

Незнакомец едва касался ногами земли, покачиваясь на ремнях, продетых сквозь кожу груди и спины и закреплённых другими концами на четырёх вертикальных шестах, воткнутых в землю. Ноги незнакомца были туго стянуты верёвкой.

— Уф! — выдохнул из себя Лунный Свет и потерял сознание, испытав внезапную боль в груди и спине.

Когда он пришёл в себя, над ним склонилось морщинистое лицо Безумного Медведя. Дождик продолжал капать, мягко постукивая по обвисшим полям шляпы на голове старика.

— Я помогу тебе спуститься вниз, — сказал Безумный Медведь, — мне кажется, что тебе пора вниз.

— Я видел, — прошептал мальчик.

— Очень хорошо. Мы обсудим это позже.

— Я видел, — глаза Лунного Света горели, — у меня было видение!

— Это великая честь, мой сын. Не каждый получает видение.

— Я думаю, что видел истязание, через которое мне надо пройти. Но это не обычная Пляска Солнца. Я видел человека, который не танцевал, а просто висел на ремнях... Два ремня продеты сквозь грудные мышцы, два ремня — сквозь плечи... И кто-то раскачивал его... Я видел это...

— Если ты готов пойти на это, то так тому и быть.

Они осторожно спускались по склону холма, придерживаясь за мокрые древесные стволы.

— Когда я могу приступить? — спросил мальчик.

— Сегодня ты отдохнёшь и расскажешь мне всё очень подробно. Я должен знать, что ты слышал во время поста, что видел, какие мысли приходили к тебе. Всё это очень важно, всё имеет серьёзное значение, сын. А завтра я подготовлю место для того, чтобы ты воплотил твоё видение в жизнь...

Старик остановился и устало прислонился к сосне, шершавая кора которой была покрыта смолой. Его взор устремился в сторону посёлка, утыканного конусами палаток, квадратиками деревянных строений и полосками заборов.

— Я хочу предупредить тебя, сын, чтобы ты никому не говорил о твоём намерении пройти сквозь самоистязание. Никто не должен знать, что ты намерен проколоть свою плоть. Ты понимаешь, о чём я говорю? Белые начальники хотят, чтобы наша религия умерла, поэтому сажают в тюрьму каждого, кто готовится к Пляске Солнца. Я уже стар, мне нечего бояться наказаний.

— Я буду молчать, дедушка.

— На твоей груди останутся шрамы на всю жизнь. В далёкой школе белых людей они помогут тебе почувствовать себя воином и придадут уверенности в самых трудных ситуациях.

— Я всё понимаю, дедушка.

— Хорошо. Надо идти дальше.

Акичита Нажин

(рассказ в переводе Уинтропа Хейли)

Васичи очень строго следили за тем, чтобы мы не проводили священных церемоний. Нам не разрешалось устраивать Танец Солнца, мы не могли проходить Обряд Очищения. Этим они сразили нас больше, чем всеми своими победами на поле боя. Они подрубили наши корни.

Когда Безумный Медведь усыновил мальчика по имени Мокрые Руки и назвал его Лунным Светом, то есть дал ему имя своего погибшего сына, он позвал меня ещё раз и сказал, что мальчик намерен пройти через истязание плоти. Я очень удивился, потому что знал, насколько сурово нас могли наказать за эту церемонию. Но Медведь объяснил, что мальчик получил видение, которое показало ему, что надо делать.

Мы не взяли с собой никого. Присутствовал только Лунный Свет, Медведь и я. Медведь заранее установил четыре шеста, между которыми должен был повиснуть мальчик. Это был очень древний способ самоистязания. Я не видел ни разу за время моей жизни, чтобы кто-нибудь из наших подвешивал себя. Обычно плясали вокруг столба.

Но таково было видение Лунного Света.

Два ремня были вдеты у него под кожу груди, а два — под кожу спины, ближе к плечам. Кроме того, Лунный Свет велел связать ему ноги. Он висел ровно два дня, а кожа всё растягивалась и растягивалась. Его мучения были страшными. В конце концов кожа лопнула, и он упал лицом на землю. Да, ему пришлось тяжело, но он проявил настоящее мужество, хотя был совсем юным. Он измучился, но чувствовал себя счастливым.

— Теперь я стал истинным Лакотом, — сказал он, когда силы вернулись к нему.

В течение пяти дней после этого мы оставались за пределами резервации, так как не могли позволить Лунному Свету появиться в деревне в истерзанном виде. Его рваные раны говорили сами за себя. Если бы кто-либо увидел его перевязанным, то непременно догадался бы о причине. А слухи разлетаются с быстротой молнии. Поэтому мы решили переждать в лесу.

Когда мы были уже почти у резервации, мы увидели внезапно

появившийся полицейский патруль и сразу залегли в траве. Едва мы опустились на землю, я услышал хорошо знакомый мне звук змеиной трещотки и понял, не поворачивая головы, что справа от меня притаилась в зарослях гремучая змея. Я не посмел достать нож и убить им змею, так как боялся привлечь к нам внимание полицейских, которые остановили коней в нескольких десятках шагов от нас. Но змея лежала слишком близко, чтобы не обращать внимания на предупреждающее движение её гремучего хвоста. И тогда я принялся осторожно собирать ртом полынную траву и пережёвывать её душистые листья. Когда во рту набралось много пахучей зелёной слюны, я повернул медленно голову и плюнул в змею. Мне пришлось повторить это несколько раз и пару раз моя слюна ударила змею в голову. В конце концов гремучка уползла, не тронув никого из нас. Вскоре уехали и полицейские, и мы спокойно добрались до наших домов.

В начале осени Лунный Свет вызвался ехать в школу белых людей. Я увидел его вновь лишь через несколько зим.

Вскоре после отъезда Лунного Света Безумный Медведь позвал меня и Большую Раковину и сказал, что решил ещё раз провести Церемонию-Смотрящего-На-Солнце.

— Силы мои уже не те. Следующего лета я могу не дожждаться, — проговорил он.

Он действительно выглядел плохо, и я не посмел отказать ему, понимая, что Медведь никогда не делал ничего просто так. Мы выкурили трубку по этому поводу, и он велел нам взять трёх мальчиков на церемонию, чтобы они увидели её собственными глазами.

— Нам нужны гонцы, которые отправятся в будущее, — пояснил он.

Поздно ночью мы ушли из резервации. Безумный Медведь повёл нас к удалённому месту, где вокруг старого тополя лежали по кругу человеческие черепа. Никто не знал, как давно они находились там и зачем их так уложили. Я думаю, это были следы древнего народа, о котором мы ничего не знаем. На верхних ветвях тополя висели мешочки из кожи и четыре бизоньих черепа. Но их было видно только зимой, а летом их скрывала листва. Наверное, эти священные предметы подвесили, когда дерево было маленьким, и за многие годы они поднялись к небу вместе с деревом.

Там Безумный Медведь и наметил провести церемонию.

Раньше на Танец Солнца съезжались родовые общины из самых дальних уголков. Многие родственники виделись только на этом

празднике. Лакоты любили его, потому что видели свою мощь, собираясь в большую деревню.

Нас же пришло всего шестеро — три старика и три мальчика. Нам настал срок покинуть мир, а им предстояло пронести знание о священном обряде через годы, чтобы когда-нибудь передать своим детям.

Впервые за много лет я вновь увидел рядом с собой людей в ритуальной раскраске. И впервые я понял, что по-настоящему одряхлел. Мои руки с трудом проткнули кожу на груди Безумного Медведя возле старых шрамов. Его кожа была сухая и жёсткая. Вонзив заострённые палочки в старческую плоть, я сначала подумал, что кровь никогда не польётся, так долго её не было. Затем я привязал к этим палочкам ремни, свисавшие с верхушки шеста.

Я сделал это перед самым восходом солнца, чтобы с первыми лучами Безумный Медведь мог начать церемонию. Он собирался танцевать целый день, как это было принято во времена наших далёких предков. Он должен был медленно переставлять ноги, перемещаясь за солнцем, словно привязав себя к нему взглядом. Я не представлял, как он мог справиться с задуманным. Просто протанцевать весь день в его возрасте сумел бы не всякий, а его ведь терзала невероятная боль. Я проходил однажды через это испытание и прекрасно знаю, какие мучения испытывают люди.

Старики — народ невесомый, да и силы у нас не те, поэтому Безумный Медведь не очень сильно натягивал ремни, которые тянулись от его груди к верхушке шеста.

Мальчики внимательно следили за нашими действиями.

Едва небосвод окрасился в золотые тона, Безумный Медведь заговорил нараспев.

— Великая Тайна, ты находишься внутри нас и вокруг нас. Ты поддерживаешь нас, когда мы нуждаемся в помощи, и не протягиваешь к нам своих рук, когда мы не заслуживаем того. Не успеваем мы произнести слово, а ты уже знаешь его. Тебе известны все наши мысли, Отец Небесный! О, Вакан-Танка, узри и услышь нас в эти тяжкие дни. Ты есть Вождь-Порождающий-Всякую-Силу, и сегодня мы, собравшиеся здесь, выказываем тебе наше почтение и приносим в жертву человеческую кровь, пролитую не насильно, но по доброму желанию...

Большая Раковина застучал в барабан. Он начинал петь, когда голос Безумного Медведя срывался. Тогда и я пел, помогая Медведю передвигаться по кругу. Он перемещался очень медленно, потому что

следовал за солнцем, не спуская с него глаз. Я думаю, что скоро он не видел уже ничего, кроме ярких пятен. Это очень трудное дело — танцевать, глядя на солнце.

— Отец наш, наш народ виноват, так как забыл о Твоей Тропе и сбился с пути. Но сегодня мы привели детей, чтобы они внимательнее взглянули на Светило и убедились, что воля Твоя передвигает Небесный Огонь, согревающий всё живое на Матери-Земле. Они обретут силу, разговаривая с Тобой в этот день, и уверенность в том, что Твой Путь нельзя изменить, как бы ни стремился к этому человек. Я следую за Солнцем и не могу отступить ни на шаг, я привязан к нему и к центру мироздания. Я обращаюсь к тебе, Великая Тайна. Охрани наше потомство, ибо ему отныне исполнять Твою волю. Я прошу за всех наших детей, охрани их от ошибок. Ты — Единственная Сила, к которой мы все обращены, Тобою устроен этот мир и заданы нам законы. Мы нарушили их, как неразумные младенцы, подняв руку на другие твои творения. Разве есть у нас право надеяться на лучшую долю, когда мы не заслужили её? Мы будем расплачиваться, покуда не обратим сердца к тебе и не вернёмся на Твою Тропу...

Он не позволил отцепить себя от ремней до захода солнца, хотя едва держался на ногах. Он весь дрожал. Я поддерживал его сзади, мальчики тоже. Но едва солнце скрылось, он воскликнул:

— Всё!

И упал, не дожидаясь, когда я отрежу ремни. Обычно кто-нибудь из помощников прыгал на плечи танцору, если у того не хватало собственных сил разорвать ремни. Но я позволил моему утомлённому другу лечь на землю, не освободившись от ремней. Он был сплошь покрыт застывшей кровью, и воспалённые грудные мышцы очень сильно вспухли, поэтому я не сразу сумел извлечь из них палочки, к которым крепились ремни. Я вспорол плоть ножом и вытащил палочки. Дальше я сделал всё, как полагалось в подобных случаях. Отрезанные кусочки кожи с груди Безумного Медведя я завернул в лоскуты бизоньей шкуры, чтобы оставить их вместе с окровавленными палочками в жертвенном свёртке. Большая Раковина и я спели заключительную песню.

Но Безумный Медведь ничего этого не слышал. После церемонии он лежал без памяти всю ночь. Ни я, ни Большая Раковина, ни мальчики не думали, что он вернётся к жизни. Его тело охладело, и сердце едва прослушивалось. Но утром он открыл глаза и с трудом поднялся на ноги.

— Нужно ехать к людям, — сказал он.

Перед тем как покинуть это место, он велел одному из мальчиков достать завёрнутый в тряпку старинный щит. Я помню время, когда Безумный Медведь ходил в военные набеги с тем щитом. Сейчас у нас совсем не осталось настоящих щитов. Иногда юноши делают круглые каркасы, обтягивают их оленьей кожей, разрисовывают их священными символами и пользуются этими поделками во время танцевальных выступлений, но на самом деле это не щиты. Изготовлением щитов всегда занимались особые люди, знающие толк в охранительной силе. Вот такой настоящий щит с изображением чёрного медведя мальчик привязал к шесту, на котором мы оставили висеть отрезанные кусочки мяса с груди танцора.

Мы не могли предложить в подарок Великой Тайне больше ничего, так как мы были бедны. Но Безумный Медведь сказал, что так и должно быть — люди ничем не могут владеть.

Мы уложили Безумного Медведя на волокуши и перевязали его грудь.

Вернувшись в резервацию, мы удивили тех, кто нас заметил, потому что мы не смыли с себя краску, и люди поняли, откуда мы возвращались — время для летних церемоний было самым подходящим. Кому-то наше поведение могло показаться неразумным, так как Танец Солнца был строго запрещён. Но трое наших мальчиков ехали на своих худых лошадках очень гордые, и мы, старики, чувствовали, что поступили правильно.

Но нам повстречалось не так много людей, как этого хотелось. В то время в наших резервациях уже началось сумасшествие, которые белые люди называли Пляской Духов, поэтому в посёлке проживало мало Лакотов. Большинство ушло в лагерь, где Лакоты терпеливо водили хороводы, которые с огромного расстояния были заметны по несметным облакам пыли. Отбросив все дела, они топали ногами, двигаясь по кругу. Они плясали днём и ночью, падая от изнеможения.

Дело было в том, что до нас дошли слухи о великом пророке из страны Змей. Он обещал, что вскоре вернуться старые времена, появятся бизоны, воскреснут умершие предки и сгинут ненавистные Васичи! Кто из Лакотов не хотел такого чуда? И пророк сказал, что для этого ничего не нужно было делать. Нужно было только танцевать и исполнять священные песни[1]. Он уверял, что скоро накатит волна свежей земли и сметёт всех Бледнолицых...

Минуло уже четырнадцать зим со времени последних сражений. Наша молодёжь слушала наши рассказы о прошлом, затаив дыхание.

Юноши горели желанием стать героями, как их отцы и деды. Они изнемогали от бездействия, и единственное, что заставляло биться их юные сердца, — это предания о подвигах ушедших лет. А пророчество далёкого мессии обещало им возвращение прошлого[2].

Я помню, как Безумный Медведь отговаривал людей от участия в Пляске. Он говорил:

— Вы думаете, что Вакан-Танка собирается вернуть вам такую жизнь, какая была у ваших отцов? Юноши, вы мечтаете о войне и славе, добытой в бою. Но вы не понимаете, что Небесный Отец отобрал у вас именно такую жизнь, потому что она не была праведной. Для Великого Духа мы все являемся его детьми, даже Бледнолицые. Для чего же Создатель захочет уничтожать огромное племя белых людей, если сам сотворил их и наделил их силой, которая разрушила наш образ жизни? Мы все вышли из Единого Чрева, и все уйдём обратно, поэтому нет среди нас никого, кто был бы важнее или лучше. Я не встречал ни одного Лакота, кто бы оспаривал это. Но об этом помнят лишь во время священных обрядов, когда каждое слово и движение наполняется священным значением. Однако едва церемония заканчивается, как люди возвращаются в привычное состояние и опять готовы броситься в бой, чтобы смертью врага утвердить себя. Но Вакан-Танка смотрит на нас непрерывно, поэтому каждый наш шаг должен быть наполнен молитвой...

Я оглядываюсь назад и понимаю, что Безумный Медведь прав. И мне тяжело соглашаться с тем, что вся моя долгая жизнь и жизнь моего народа полна ошибок. Не я один думал так. Всем было горько и обидно, и редкий человек готов был принять новый взгляд.

Я знаю многих зрелых мужчин, решивших, что пророчество о возвращении прошлой жизни было лишь поводом для начала войны. И они взяли за оружие. Особенно горячилась молодёжь. Каждый день кто-нибудь видел вооружённых всадников, скакавших в сторону Плохих Земель. Хвосты их лошадей были завязаны в узлы. Это означало, что Лакоты вышли на военную тропу.

Безумный Медведь лишь покачивал головой. Он говорил, что Пляска Духов вела к новой крови. Я тоже так думал. Так считали почти все старики. Мы знали, что боеспособные Лакоты слишком малочисленны, чтобы померяться силами с солдатами. Но времена изменились, и к голосам седовласых людей никто не прислушивался.

[1] «Положение индейцев можно обозначить следующим образом: в течение нескольких лет после их покорения наиболее опасные элементы из Сю и Шайенов находились под военным контролем. Многие из них были разоружены и лишились лошадей. Их боевые пони были проданы, а выручка возвращена им в виде домашнего скота, сельскохозяйственной утвари, фургонов и т. п. Индейцам не разрешалось переселяться из одной части США в другую. Не могли они также подыскивать себе работу как на территории резервации, так и за её пределами. Они вынуждены были предаваться безделью и пожирать плоды засухи. Неурожай, постигший Равнины в 1889—90 годах, усугубил упаднические настроения. Это породило чувство недовольства даже среди дружески настроенных индейцев, не говоря уже об элементах, яростно сопротивляющихся каждому шагу цивилизации» (из отчёта Военного Секретаря за 1891 год).

[2] «Шестнадцать лет прошло со времени нашей последней войны против Сю в 1876 году. В то время сегодняшние Сю были в большинстве своём ещё детьми и потому не ощутили на себе силу армии. Ничего удивительного, что этим молодым, ещё не имеющим боевого опыта воинам, нужен предлог для того, чтобы испытать храбрость на тропе войны. По обычаям этого народа, только этот путь ведёт к славе и избранному месту в так называемой стране вечной охоты» (бывший агент по делам индейцев Макджилликади; из письма от 15 января 1891 года). «До соглашения 1876 года бизон и олень были основной пищей Лакотов. Продукты питания, палатки, спальные принадлежности были прямыми производными от охоты и вместе с мехами являлись предметами обмена и торговли. Индейцам не составляло труда добывать то, что являлось необходимым условием для существования. За восемь лет, прошедших после договора, бизоны исчезли совсем, и Лакоты остались на солончаковых землях и правительственных пайках. Трудно переоценить степень того бездействия, которое охватило сей народ после внезапного исчезновения животных. Ни с того ни сего они вдруг должны были заняться земледелием, да ещё на земле, совершенно непригодной для этой цели» (из заявления комиссионера Моргана).

Уходящие за горизонт

Воздух становился студёнее изо дня в день. Деревья обнажились, придав окрестностям непоправимо унылый вид. Пожухлая трава поникла, припорошенная снежком. Вдоль берега ручья, огибавшего агентство, длинной вереницей выстроились перекошенные телеги, которым Лакоты не находили применения и ломали их на дрова. С десяток дощатых хижин, куда правительственные чиновники пытались заселить дикарей, безмолвствовали около дороги.

В последние дни декабря через агентство Сосновый Утёс, бряцая оружием, проскакали солдаты на мощных серых лошадях. Солдаты означали пули и смерть. Никогда ещё появление кавалеристов не приводило к иным последствиям. Уже много дней обстановка в резервации была напряжена до предела.

Безумный Медведь, услышав топот и храп лошадей, вышел, покашливая, из типи. Индейская деревушка снялась с места несколько дней назад, и теперь старик увидел в поднявшемся белом ветре, как хозяйки двух единственных стоявших поблизости палаток торопливо разбирали жилища и складывали пожитки на волокуши. Во многих местах жерди так и остались стоять, сложенные конусом и облепленные снегом. Женщины спешили и нервничали. Вокруг них вертелась пара взъерошенных собак. Два унылых старика пытались запрячь чахлую кобылку в громоздкую двуколку.

По воздуху, словно ленивые громовые раскаты, колыхались давно забытые тревожные отзвуки едва уловимых орудийных залпов. Кавалеристы быстро скрылись, держась северного направления. Где-то там, на берегу ручья под названием Раненое Колено, стояла лагерем община Большой Ноги, который не так давно увёл своих людей из агентства в Плохие Земли, испугавшись скопления солдат на территории резервации. Вчера Безумный Медведь узнал, что Большая Нога решил вернуться, но встретил кавалеристов близ Раненого Колена и сделал остановку, чтобы переговорить с белыми людьми...

Безумный Медведь поднял лицо к низкому клубящемуся небу и широко раскрыл глаза. Так он стоял несколько минут, не обращая внимания на обжигающие снежные колючки, впивавшиеся в его шею.

— О, Вакан-Танка... — зашептали его губы. — Нет никого могущественнее тебя... Скажи мне, что происходит...

Он увидел, как из облаков вынырнули всадники в тулупах, выкатились пушки, побежали растрёпанные фигурки индейцев. Они то появлялись, то скрывались в мохнатой поверхности туч. Вспыхивали жёлтые полосы выстрелов, рассыпались бусинками красные капли. Ветер налетал и слизывал картины боя, очищая небо для очередной сцены. Безумный Медведь не слышал ни звука вокруг себя, кроме свиста метели, но в сердце его оглушительно звенели человеческие крики. Жгучие слёзы захлестнули старика, и он понял, что это были слёзы тех, кто в ту минуту погибал в ледяном буране от солдатских пуль, потеряв всякую надежду на будущее. Это рыдала душа племени.

Едва видение побоища исчезло, старик вернулся в типи и вскоре вышел оттуда, облачённый в старинную военную рубаху, которую не надевал десятки лет. Он отвязал невысокую гнедую лошадку, опустившую голову к самой земле, и тяжело взобрался в седло.

— Сегодня, Отец мой, к тебе обратятся многие мои братья... Прости их за то, что они решили, будто ружья в их руках сильнее, чем Твоя воля...

Налетевший ветер подхватил его длинные седые волосы и окунул их в вращающиеся снежные хлопья.

Слегка погоняя понурого гнедого, Безумный Медведь поскакал вверх по дороге к агентству Сосновый Утёс. Слева от него различался изгиб Ручья Белой Глины, вдоль которого виднелись остовы индейских жилищ на месте стоянки Красной Рубахи. Перебравшись через сугробы, всадник выбрался на прямую дорогу, пересекающую агентство насквозь.

Доехав до епископальной церкви, Безумный Медведь широко развёл руки и выпрямился. Длинная бахрома на рукавах плескалась по ветру, громко шурша. Где-то хлопала незапертая дверь, и ей вторила испуганная собака. Из торгового склада позади церкви выбежали две фигуры в шубах и засемили через дорогу в сторону полицейского управления.

Безумный Медведь медленно ехал вдоль улицы и сильным голосом, словно принадлежавшим молодому человеку, возвещал:

— Слушайте меня, люди! Расходитесь по домам! Сейчас здесь могут полететь пули! Не вступайте в бой! Сдержите свой гнев! Тот, кто подарил вам жизнь, смотрит на вас! Будьте разумны, не устраивайте кровопролития!

Он кричал, поворачиваясь во все стороны и постоянно переходя с родной речи на английский язык. Его гривастая лошадка иногда

останавливалась, кружа на месте, и продолжала свой медленный шаг.

На вершине ближайшего холма с северной оконечности посёлка хорошо различались всадники. Головы многих из них были украшены перьями. Долгое время дикари гарцевали на месте, и перепуганные жители агентства чувствовали, как ужас всё больше и больше сковывал их сердца. Несколько раз донеслись хлопки выстрелов, но отряд не двинулся с плоского холма никуда, будто выжидая. Вскоре снегопад скрыл индейцев, и ожидание сделалось ещё томительнее.

Мутные тени метались под облаками, то делаясь похожими на птиц, то становясь подобными людям, то вовсе исчезая. Иногда они падали к самой земле и скользили над её поверхностью, взметая белые смерчи. Но охваченные страхом люди не различали их. Лишь одинокий всадник, весь усыпанный снегом, видел их хоровод вокруг себя. Он чувствовал, как они поддерживали его распростёртые уставшие старые руки. Он слышал, как они усиливали его немощный голос, даря ему юношескую твёрдость и звонкость.

— Люди! Люди! Не стреляйте! Опомнитесь, люди! Вакан-Танка взирает на вас...

Июль 1995 — февраль 1996,

март 2000

Военные игры

Народ, известный в литературе как *Сю* (*Sioux*) называл себя *Очети Шакоуин*, то есть Семь Костров Племенных Советов. Этот союз семи братских племён хорошо знаком любому читателю под именем *Дакота*. Семь Костров — Титонван, Янктон, Янктонай, Вахпекуте, Вахпетонван, Сиситонван, Мдевакантон.

Титоны — люди, жившие на Великих Равнинах, в свою очередь делились на семь племён: *Оглала*, *Сичангу*, *Итажипчо*, *Сихасапа*, *Миниконжу*, *Охенонпа*, *Хункпапа*. *Титонван* означает селение в прерии (*тинта* — прерия, *ван* — селение). Язык Дакотов делится на четыре диалекта: Санти, Янктон, Титон, Ассинибойн. Диалект Титонов, являющихся западной ветвью Дакотов, отличается более смягчённым звучанием, чем речь восточных Дакотов. Так, например, вместо «д» произносится «л», поэтому говорят *Лакота*, а не *Дакота*, что обозначает *содружество* и происходит от слова *кода* — друг (у Титонов — *кола*).

Оглалы (Рассеянные или Разгоняющие-Сами-Себя) жили на юго-западе и были наиболее многочисленными. Сичанги (Опалённые Бёдра) обитали к юго-востоку от Оглалов; сегодня они часто встречаются под именем Брюль (от французского *Brules*). Миниконжи (Сеющие Возле Воды) и Охенонпы (Два Кипячения или Два Котла) жили к северу от племени Сичангов. Хункпапы (Стоящие-При-Въезде-В-Деревню), Сихасапы (Чёрные Ноги) и Итажипчо (Не Имеющие Луков) — это наименьшие племена нации; они кочевали по северным районам территории Лакотов.

Каждое из племён Лакотов представляло собой автономную систему, способную действовать совершенно независимо от всей нации. Политическое устройство имело незначительные отличия в разных группах и в основном было представлено властью четырёх избранных вождей, так называемых Носителей Рубах. Основой социальной структуры Лакотов были семейные охотничьи угодья.

С 1700-х годов Лакоты, перебравшись из лесной области на равнины, охотились на мелкую дичь и бизонов. Проживая на одном месте, индейцы должны были обеспечить себе постоянное наличие живности на своей территории. Для этой цели земли были распределены между небольшими семейными охотничьими группами. Возглавлял их обычно патриарх, отец рода, который считался родовым

вождём и передавал это звание по наследству. Он учил сынов и зятьёв охотничьим и боевым приёмам. Такая клановая группа, ядро общества Лакотов, называлась *тийоспе*. Организованная семейная группа под руководством патриарха направляла свои усилия на обеспечение себя большей человеческой силой, столь нужной в охотничьем и военном деле. Отдельная пара — мужчина и женщина — не могла бы устоять перед преимуществами клана, когда речь шла о добывании мяса или собирании ягод и корнеплодов.

Маленький День, представительница Опалённых Бёдер, вспоминала деревню своего детства 1870-х годов, которая представляла типичную схему тийоспе. Например, в летнем лагере на окраине Чёрных Холмов каждое типи стояло на строго отведённом ему месте в лагерном круге, то есть согласно достигнутому семьёй положению. Порядок поддерживался четырьмя Носителями Рубах (*Уакичунша*). Они, как указывала Маленький День, были хранителями трубок, людьми очень уважаемыми. В их обязанности входило управление движением лагеря. В большом селении (где насчитывалось более тридцати палаток) её отец, важный человек, жил на северо-восточной оконечности стойбища. Типи, стоявшие ближе других к въезду в деревню с восточной стороны, назывались «рогами». В них жили наиболее заслуженные семьи. Маленький День не помнила имена всех семей, но она смогла перечислить тех, кто жил в юго-восточной стороне лагеря, и порядок, в котором стояли типи: Красный Лист (брат её отца), Падающий (дед по линии отца), Отморозивший Ноги (её дядя), Хозяин-Большой-Белой-Лошади (другой дядя). Затем стояла палатка отцовского кузена Как-Оно-Получается, за ним следовало жилище ещё одного родственника по имени Белая Корова. Единственным родственником, жившим на противоположном «роге», была бабка по материнской линии.

Пример этой семьи наглядно показывает стремление Лакотов к единению родственных связей.

Лакоты считали, что семья бесконечна. Человеку предоставлялся свободный выбор, жить ли ему в семье матери или семье отца, считалось, что он принадлежал к обоим семействам. Чаще всего мальчики относили себя к отцовской линии, а девочки — к материнской.

Тийоспе была наиболее мелкой единицей лакотского общества, способной существовать самостоятельно. И всё же, даже если у мужчины имелось несколько жён и много детей, такая социальная группа была мала, чтобы полностью прокормиться и эффективно

защититься от врагов.

Когда молодые люди сходились, чтобы создать семью, они некоторое время жили с кем-то из родителей, но это причиняло множество бытовых неудобств, связанных с различными табу. Так, например, жене не позволялось разговаривать со свёкром и даже смотреть на него, а мужу не разрешалось общаться с тещей. По этой причине молодые обычно старались поскорее поселиться в отдельном типе, которое ставилось поблизости от родительского.

Идеальным был брак, когда молодой человек приводил в дом невесту из другой родовой группы. Вождь группы Режущих Мясо сказал: «Как Миниконжу, мой отец Красный Орёл мог выбрать себе жену из Миниконжей, но лучше было бы, чтобы он женился на ком-нибудь из Сичангов или Оглавов. Моя мать, его жена по имени Сидящий Орёл, была из Сичангов».

Мужчина мог взять в жёны любое число женщин. Всё зависело лишь от его способности прокормить их. Бывало, что жена сама предлагала мужу взять ещё одну жену, помоложе, чтобы ей было легче управляться с хозяйством. Разумеется, потенциальными жёнами мужчины являлись все сёстры его жены.

Отношения между мужчиной и женщиной были особыми, и это касалось не только супружеской пары. Высочайшее уважение и любовь какого-то необъяснимого свойства существовала между братьями и сёстрами и поддерживалось всю жизнь. Например, женщина шила мокасины не для своего мужа, а для своего брата. Не для своих детей женщина мастерила люльки, а для детей сестры или брата. Мужчина, возвращаясь из похода, приносил трофеи и вручал их сестре. Именно сёстры принимали из руки воинов шесты с привязанными скальпами. Если у мужчины не было родной сестры, он вручал этот шест двоюродной сестре, а уж если и таковой не имелось, тогда — матери. Жена стояла на четвёртом месте после этих женщин.

В случае развода жена уходила в свою семью, муж — в свою. Женщина ставила палатку возле своих родителей или же возле типа своей сестры. Мужская половина родственников должна была заботиться о ней. Дети в таких семьях, достигнув пяти лет, сами решали, в какую семью уйти. Родственники всегда подбирали детей, даже если те лишились обоих родителей в результате какого-то несчастья. Беспризорных не встречалось.

Нередко среди Лакотов можно было встретить выходцев из других племён. Чаще всего это были люди, попавшие в плен в раннем детстве. Такие дети обычно усыновлялись. С женщинами поступали так же,

вводя их в круг семьи, если женщина готова была сделаться женой своего пленителя. Но если они категорически отказывались от такой участи, её старались вернуть родному племени. Мужчины очень редко принуждали женщину стать женой насильно, разумно полагая, что жена должна испытывать добрые чувства к мужу. Иначе было опасно вводить её в родовой круг.

Семья Лакотов не имела ни начала, ни конца. Членство постоянно менялось через рождение, смерть и разводы. Руководство переходило от древних патриархов к более молодым людям, но семья (как род) держалась и реально существовала. Человек мог потерять своих родителей и своих детей, но при этом не терял семьи.

Главенство чаще всего переходило по наследству, но между сыновьями, которые могли претендовать на его место, выбор шёл на основании их военных заслуг и великодушия. Глава отвечал за благополучие семьи. Поскольку община была самостоятельной экономической единицей, престиж вожака полностью зависел от его умения обеспечить своим людям безбедное существование. Хорошая репутация вожака привлекала к нему не только непосредственных членов семьи, но и далёких родственников и друзей, которые хотели бы покинуть своего менее удачливого вождя. Чем больше людей спланивалось вокруг такого лидера, получая от него в подарок лошадей и провизию, следуя за ним по жизни, тем большим влиянием он пользовался в племени, распространяя его не только на родственников.

Определение «хорошей семьи» включало в себя множество специфических факторов, среди которых были как прагматические взгляды на благополучие (богатство, выраженное в количестве лошадей, и изобилие полученной на охоте добычи), так и философский взгляд на добродетели (великодушие, мудрость, самоотверженность). Широко было распространено мнение, что настоящий вождь должен был состоять в нескольких воинских обществах и спонсировать многочисленные религиозные церемонии. Не менее важным считалось наличие у человека сверхъестественных сил, приобретённых через видения и сны. Родившийся в семье, которой были присущи все перечисленные качества, уже считался уважаемой личностью. Но уважение людей накладывало на такого человека огромную ответственность. Социальная система была парадоксальной. Примером тому служит потрясающая жизнь Красного Облака.

Слава о военных подвигах Красного Облака гремела повсюду. С его

умением руководить не сумел сравниться никто. Его дипломатические таланты оказались столь велики, что правительственные чиновники были вынуждены подписать мирный договор на его условиях. Но Красное Облако, несмотря на свою головокружительную карьеру, так и не смог (из-за своего скромного происхождения) заслужить того почтения, каким пользовались Лакоты, родившиеся в «важной» семье.

Да, социальная система была парадоксальна. Отношение Лакотов к социальному положению уходило корнями, с одной стороны, в идеализм, с другой — приводило к невероятному стремлению возвыситься себя. Юноши с огромными амбициями, стремясь возвыситься среди соплеменников и занять наиболее почётное место, были вынуждены прикладывать все силы, чтобы не просто произносить красивые слова, но на деле помогать бедным и слабым, обеспечивать племенную сходку провизией, чтобы старики обратили внимание на их щедрость и сказали о ней своё весомое слово.

Семья Лакотов была открыта для впитывания лучших примеров и по этой причине могла считаться идеальной. Впрочем, случалось, что некоторые мужчины, будучи не в силах дотянуться до требуемой планки, выказывали своё несогласие или открыто протестовали против установленной планки морали. Но для большинства мужчин идеалом оставался всё-таки традиционный образ жизни, в котором нужно было принять вызов, чтобы добиться успеха на военной тропе, на охоте, на церемониях.

Индейцы часто говаривали: «Для каждого человека есть своё место. Идя по жизни, ты прикладываешь силы, чтобы взобраться выше. Кое-кто может подняться на вершину, но некоторые не способны пройти этот путь. Старики, бывшие вожаками, сразу видят среди молодёжи того, кто сможет стать вождём, и оказывают им поддержку».

Воинские общества (можно называть их почётными братскими организациями) посвящали себя поддержанию благополучия племени и выискивали среди своих членов тех людей, которые обладали бы высокой репутацией и могли бы стать действительными проповедниками правильного образа жизни Лакотов. Количество таких обществ было различным в разных племенных группах, и значимость их менялась с течением времени. Так в то время как Носители Ворон были наиболее популярным обществом среди Оглалов, в племени Сичангов это общество было весьма немногочисленно, а в других племенах его вовсе не существовало. Но как бы велико или мало ни было то или иное воинское общество, оно обязательно оказывало поддержку соплеменникам через свои

пиршества и пляски.

Существовавшие общества можно поделить на два типа: воинские организации, известные как *Акичиты*, принимавшие в свои ряды всех подготовленных юношей, и гражданские организации, лучше всего представленные так называемым *Нача*, куда входили в основном люди старшего поколения и вожди.

Среди Лакотов было несколько признанных воинских обществ, которые своими действиями поддерживали порядок во время перекочёвок и общеплеменной охоты. Среди самых зарекомендовавших себя были общества Носители Ворон, Лисицы, Храбрые Сердца. Обычно вожди назначали одно из обществ на пост племенных Смотрителей (своего рода полиция) на целый сезон. Если случалось, что какое-то общество выдвигалось на этот пост несколько раз подряд, то оно признавалось наиболее уважаемым. Но те, которые давно не получали такого назначения, считались неудачниками, их престиж быстро падал, падала также репутация их вождей.

Что касается гражданских организаций, то самой важной считалась *Нача Омнича* (Большие Животы). Она представляла собой конгресс патриархов, включая действующих вождей, заслуженных охотников и воинов, отошедших от дел, и выдающихся шаманов. Рассказывают, что это название закрепилось за данным обществом из-за того, что его члены в силу своего возраста были гораздо менее подвижны, чем члены воинских братств, и потому их животы не были столь поджарыми. Другое название этой группы было Те-Которые-Носят-Бизоны-Головные-Уборы, позже превратившееся в Короткие Волосы.

Число гражданских и полицейских обществ было различным в разных племенах, но среди наиболее важных следует выделить: гражданские организации — *Нача Омнича* (Большие Животы), *Ска Йуха* (Владельцы Белых Лошадей), *Миуатани* (Высокие), *Ийюптала* (Совиные Перья); военные организации — *Тóкала* (Лисицы), *Сотка Йуха* (Владельцы Копий), *Ирука* (Барсуки), *Шанте Тинза* (Храбрые Сердца), *Канги Йуха* (Владельцы Воронов), *Вичинска* (Помеченные Белым).

Молодых людей в раннем возрасте приглашали вступить в воинское общество. Так, например, Медведь-Пустой-Рог, о котором не раз упоминал в своих книгах Мато Нажин, стал членом военной организации в шестнадцать лет. Чтобы вступить в воинское общество, нужно было принять участие хотя бы в одном военном походе. Особенно желанными были юноши из уважаемых семей и, конечно, те, кто уже сумел убить врага или «побывал на горе», то есть прошёл

суровый пост в горах, вымаливая у Великого Духа видение-откровение. Но человек, который совершил преступление (убил соплеменника или был пойман на прелюбодеянии) или прослыл жадным потому, что никогда не устраивал пиршеств, не допускался в общества, ни в военные, ни в гражданские. Никто никогда не приглашал туда и неудачливых охотников. Кто-то сказал про людей, никогда не состоявших в братствах: «Эти люди просто существуют».

Железная Раковина описывал вступление в общество Лисиц следующим образом:

«Мне было почти девятнадцать лет, когда я присоединился к Токалам. Они пригласили меня в день своих плясок. Все люди смотрели на их танцы, и я тоже собирался поглазеть, но я только что возвратился из дозора возле табуна и не был готов. Я приводил себя в порядок, когда в типи вошли два молодых Токала, два Хранителя Плётков, и сказали:

— Мы пришли к тебе с церемониальной пляски Токалов и хотим, чтобы ты присоединился к Токалам.

Я не отказался и поднялся. Одевшись в лучшие наряды, я отправился с ними, не задавая вопросов.

Хранители Плётков подвели меня к Токалам, сидевшим по обе стороны вожakov. Два Хранителя Трубок сидели по левую руку от вождей, и каждый держал длинную курительную трубку. У них на коленях лежали расшитые иглами дикобраза и украшенные бахромой длинные сумки для табака. Слева от них расположились Хранители Барабанов, за ними — четыре Хранителя Копий. В действительности их священные копья, завёрнутые в голубую фланель, были не столько копьями, сколько луками, а на одном конце лука находилось заострённое стальное лезвие. Четыре орлиных пера были привязаны к этому концу и ещё четыре висели вдоль лука на некотором расстоянии друг от друга. По всей тетиве болтались крохотные пушистые пёрышки. Два Хранителя Погремушек сидели рядом с Хранителями Копий. Все эти люди выкрасили лица в алый цвет, и у нескольких человек головы были выбриты таким образом, что осталась только прядь на затылке, сплетённая в косичку.

Первым заговорил один из Хранителей Трубки:

— Сегодня мы делаем тебя Токалом. Мы хотим, чтобы ты всегда был с нами, когда мы пляшем. Найди себе место».

Но официально Железная Раковина не был принят в общество до тех пор, пока не состоялся следующий праздник. И в тот день его отец пришёл с ним, чтобы разделить ответственность. Он попросил

глашатая из общества Лисиц объявить в деревне:

— Мой сын становится Токала. Я хочу объявить всем людям, что отныне он — Токала. Но сперва сообщи им его новое имя. Теперь он будет Меняющимся. Объяви также, что по этому поводу я отдаю одну лошадь.

Все трое стояли посреди танцевальной палатки. Глашатай воззвал ко всем собравшимся Токалам и всем столпившимся зрителям:

— Меняющийся становится отныне Токалом!

Затем он вызвал бедняка, чтобы дать ему лошадь как знак восхваления отцом своего сына. Появился старик и символически потёр лицо счастливого родителя:

— Спасибо.

Теперь Железной Раковине было разрешено покрывать лицо красной краской, украшать гребнем свои волосы и выполнять возложенные на Токалов полицейские обязанности. Ему предписывалось присутствовать на всех праздниках и плясках общества. Отныне у него не могло быть оправданий для отсутствия на праздниках Токалов. Если бы он пропустил какую-нибудь церемонию своего общества, то товарищи должны были избить его. Нарушение других правил могло повлечь за собой разрушение его жилища и имущества. Эта миссия обыкновенно возлагалась на Хранителей Плётков.

Обычно в день праздника глашатай общества объявлял:

— Лисицы, я созываю вас потому, что Голова Призрака ждёт с угощениями!

Торжество могло состояться в любое время, как ночью, так и в полдень, это зависело целиком от хозяина. В культуре, где не знали часов и минут, время было весьма эластичным. Люди обычно оперировали такими расплывчатыми категориями, как утро, день, вечер.

Принято считать, что многие мальчики жаждали принять участие в военном походе. На деле же редко кто участвовал в войне, не достигнув одиннадцати лет. Чаще всего мальчики дожидались своего пятнадцатилетия, чтобы достаточно окрепнуть для войны.

В обществе Лакотов любому человеку мужского пола, за исключением *уинкте*, полагалось принять участие хотя бы в одном военном походе. Но те, у кого развивались явные наклонности к жизни шамана, обычно удовлетворялись тем, что получали от отца или брата лук со стрелами и пользовались им только на охоте.

Словом *уинкте* Лакоты называли трансвеститов. Эти странные

мужчины не вызывали ни у кого отвращения и презрения, но их безусловно боялись. Уинкте — мужчина, который не мог тягаться в подвигах с другими мужчинами и потому находил свою форму существования в женском образе жизни. Они жили в отдельных типи на краю деревни и занимались рукоделием. Считалось, что любой уинкте намного более искусен в вышивании, чем настоящая женщина, поэтому их изделия ценились очень высоко.

Железная Раковина вспоминал: «Мой отец рассказывал мне, как вести себя до тех пор, пока я не женюсь. Среди прочего он предупреждал, чтобы я не связывался с уинкте. Уинкте это мужчина, который узнал через свои видения, что проживёт очень долго, если станет жить по-женски. Обычно такие видения приходили в юношестве. Позже он облачался в женское платье и возлагал на себя женскую работу. Эти мужчины — прекрасные шаманы и называют друг друга сёстрами. У каждого есть своя собственная палатка, которую ему ставят родители после того, как с уинкте вступил в связь кто-нибудь из мужчин. Отец предупреждал меня, что мужчина, посещающий жилище уинкте и обращающийся с ним, как с женщиной, навлекает на себя несчастье. Когда уинкте умирает и умирает его сожитель, то его душа поселяется с душами убийц и мучается там».

Так как уинкте получал знак во сне, то он считался не просто человеком, а Ваканом, то есть носителем Тайны. Именно поэтому никто не испытывал к трансвеститам отвращения, не выказывал брезгливости. Наоборот, они пользовались особым уважением. Существовало поверье, что ребёнок, которому даст имя уинкте, вырастет без болезней. Мужчины нередко приносили трансвеститам подарки и обеспечивали их мясом, надеясь, что в будущем уинкте согласится дать их сыновьям счастливое имя. Что касается девочек, то они никогда не получали имён от уинкте.

Величайшим стимулом в развитии воинских устремлений подростка были общественные пляски, когда мальчики видели, как сёстры и жёны героев танцевали с принесёнными их братьями и мужьями скальпами. В семнадцать лет многие юноши уже имели на своём счету уведённую у врага лошадь или прикосновение к противнику в бою. В двадцать лет молодому человеку уже полагалось возглавить военный отряд. К тридцати годам период активных военных действий подходил к концу. В этом возрасте многие воины уже имели множество заслуг, множество лошадей, нередко владели двумя палатками, в каждой из которых жила жена со своими детьми.

Лакоты, как и большинство равнинных индейцев, превратили войну в опасную игру, главным смыслом которой было не убийство врага, а проявление личного мужества. Ворваться в гущу вражеского отряда и нанести несколько ударов специальной тростью по вооружённому противнику — это было высшее достижение. Тем самым воин показывал свою ловкость и презрение к смерти, от которой отстоял в схватке меньше чем на волосок. Снятый скальп поверженного соперника ценился куда меньше прикосновения к живому врагу в бою. Именно поэтому высоко ценились лошади, не просто угнанные из вражеского табуна, но те, которые были привязаны возле входа в жилища. Чтобы украсть такого коня, требовалось пройти в глубину стойбища и тем самым подвергнуть себя смертельной опасности.

Однако война подразумевала не только подвиги-прикосновения и кражу лошадей. Разумеется, приходилось и убивать. Нередко организовывались специальные рейды *за кровью врагов*, чтобы отомстить за убитого родственника или друга.

Ниже приводится история о военном походе, рассказанная Железной Раковиной. Она представляет интерес обилием деталей, которые ярко проявляют характер Лакотов и их пристрастие к состязаниям и стремление лишний раз утвердить своё положение среди соплеменников, чего бы это ни касалось — охоты или войны.

«Однажды на войне, которую Лакоты вели против Шошонов, погиб Священный Круг, сын Простреленного Бедра. Тело Священного Круга оставили лежать на месте боя, ибо многие Лакоты считали почётным для воина лежать на земле врага. Железная Раковина, брат погибшего, задумал отомстить за гибель Священного Круга. Он устроил угощение членам общества Сотка Йуха (Владельцы Копий), к которому принадлежал погибший, и сказал во время пиршества о том, что его сердце надрывалось от горя и жгучего желания отомстить Шошонам. Воин по имени Гонит Его признавался большинством Лакотов наиболее смелым и решительным из всех Владельцев Копий. Не желая потерять заслуженную репутацию, Гонит Его первым вызвался пойти в поход.

Прошло несколько дней, и Гонит Его организовал угощение членам своего общества и объявил о своём намерении отправиться в поход, дабы пролить кровь Шошонов. Товарищи ответили ему одобрительными возгласами и признали его вожаком отряда. Утром люди начали готовиться к походу. Они складывали в сумки свои ноговицы, костяные нагрудники, меховые ленты для вплетения в косы,

мешочки с вяленным мясом. В специальных сумках из сыромятины лежали головные уборы. К поясам были привязаны мешочки с жиром дикобраза, в котором была разведена сухая краска. Воины взяли с собой также священные трубки, спрятав их в длинные сумки, украшенные бисером. Каждый нёс с собой деревянную плоску и вырезанную из бизоньего рога ложку. Вооружились они луками со стрелами и боевыми дубинами. Некоторые взяли с собой копья и щиты.

По мере своей готовности люди садились на своих коней и собирались около палатки Гонит Его. К полудню отряд насчитывал почти тридцать человек. Гонит Его не провёл никакой церемонии, и воины покинули селение в полной тишине. Лишь тихий плач женщин был прощальной песней уходящим мужчинам.

Военный отряд двигался осторожно. Каждый всадник ехал на хорошей лошади, но специального скакового коня вёл на поводу, чтобы воспользоваться его силами в нужный момент.

Когда пришло время, разведчики подыскивали подходящее для стоянки место. Напоив лошадей, индейцы оставили их пастись. На этот раз они не выставили дозорных, так как находились до сих пор на своей территории, однако в ночное время то один, то другой человек всё же поднимался проверить, всё ли в порядке. Они спали чутко, приученные воспринимать любой подозрительный звук как сигнал к пробуждению.

На рассвете они позавтракали пеммиканом и собрались ехать дальше. До полудня отряд двигался без остановок, затем люди сделали привал и напоили лошадей. Тут один человек, горевший желанием совершить прикосновение к врагу, ушёл за холм и отсутствовал некоторое время. Когда он появился вновь, он был одет в свой военный наряд и горланил песню своего братства. Он приблизился к юноше, который бывал в бою лишь один раз и дотронулся до него. Все долго смеялись, ибо знали, что это была лишь беззлобная шутка бывалого воина над молодым бойцом.

Пока все ели, этот воин ходил вокруг и громко пел:

— Я отправлюсь в бой на коне. Мой конь будет лучше, чем кони врагов! Я докажу это в сражении!

Затем он опять скрылся за холмом и переоделся. Все были очень довольны.

По завершении обеда отряд продолжил свой путь. Вскоре они заметили небольшое стадо бизонов. Убедившись в том, что поблизости нет вражеского охотничьего отряда, вождь выбрал

охотника, которого считал одним из лучших из своих последователей, и сказал:

— Надо убить бизона. Тебе лучше бы взять только одну стрелу.

Этимися словами он хотел подчеркнуть, что выбранный им охотник должен был свалить бизона одной стрелой. В противном случае он будет посрамлён перед своими товарищами, и тогда возможность убить бизона одной стрелой перейдёт к другому охотнику.

Охотник выехал по направлению к стаду на своём боевом коне. Внимательно изучив обстановку, он наметил цель и пустил коня к бизонам, зажав поводья зубами. Его конь был обучен подъезжать близко к животным и не бояться их, что заметно облегчало охоту. Он направил стрелу в сердце жирной коровы и сразил её наповал. Одной стрелой он обеспечил весь отряд сытной пищей и тем самым подтвердил свою высокую репутацию.

Остальные быстро спустились к нему с криками радости и хвалебными словами.

Стояла жаркая погода. Некоторые воины сплели себе венки из полыни, другие подвязали волосы кусками бизоньей кожи. Кто-то предложил приготовить суп. Вождь одобрил эту мысль, и они сразу вытащили из бизона желудок. Когда были вырезаны самые вкусные части бизона — печень, почки и язык, Лакоты направились к реке и наполнили бизоний желудок водой. Другие заготовили шесты, к которым желудок был прикреплён в подвешенном положении. Тем временем некоторые занимались тем, что раскаляли камни на огне. Когда камни разогрелись в достаточной мере, их принесли на раздвоенных ветвях к желудку и побросали в него. Потребовалось около десяти камней, чтобы вода в желудке закипела. После этого туда стали кидать ломтики нежного мяса.

Когда суп приготовился, вождю предложили центральную часть языка, на вилкообразой палке. И лишь после того, как Гонит Его был церемониально угощён, за еду принялись остальные. Мясо было порезано длинными ломтями. Лакоты клали в рот один конец куска, держа другой конец в руке, и отрезали его ножом возле самых губ. Покончив с мясом, они наполнили свои деревянные плошки супом.

После этого сытного обеда отряд ехал совсем недолго и остановился для сна незадолго до сумерек. Теперь они находились на вражеской территории. Ночью продолжили путь.

На второй день, двигаясь по чужой земле, Гонит Его выслал далеко вперёд разведчиков. Они отправились на холм, где долго лежали, прикрыв головы кусками кожи, чтобы скрыть свои слишком чёрные

волосы на фоне светлого неба. Они должны были определять, нет ли поблизости врагов. Успех всего похода в значительной степени зависел от того, насколько точными были сообщения разведчиков.

Если разведчики возвращались спокойным шагом, это означало, что ничто не привлекло их внимания. Тем не менее Гонит Его наполнял трубку, предлагал её сперва Четырём Ветрам, затем Земле и Небу, после чего протягивал трубку разведчикам. Они курили, подтверждая тем самым правоту своих донесений. Точно так же Гонит Его должен будет курить трубку с обществом Больших Животов, перед которыми всякий вождь военного отряда всегда держал отчёт о всех событиях прошедшего похода.

На рассвете третьего дня разведчики вернулись быстрым шагом и после соответствующей церемонии сообщили, что заметили стоябище средних размеров на слиянии двух ручьёв.

Теперь воины облачились в свою лучшую одежду. Некоторые надели рубашки, некоторые — ноговицы, третьи — расшитые иглами дикобраза нарукавные повязки. В то же время некоторые остались только в мокапинах и набедренных повязках. Каждый человек достал свой *вотаве* (амулет) и раскрасил себя и свою лошадь в соответствии со своим священным видением. Те, у кого были военные головные уборы, достали их из сумок и надели на себя. Хранители Копий достали шкурки выдр и шлейфы из перьев и прицепили всё это к священным копьям.

Когда все были, наконец, одеты, Гонит Его вновь выслал разведчиков, чтобы получить более подробные сведения о противнике. Согласно предварительному плану, они намеревались проникнуть в становище на заре, угнать лошадей и отступить. Когда за ними начнётся погоня, они развернутся и дадут бой. Когда Лакоты приготовились к действию, они засвистели в костяные свистки, сделанные из орлиной кости, призывая тем самым Вакан-Танку в помощники.

— Если я буду удачлив в этот раз, я пожертвую тебе накидку, которая дорога мне больше остальных! — пел какой-то воин, подняв правую руку и повернувшись лицом сначала на запад, затем на все остальные направления.

Ночью отряд покинул место своей стоянки и двинулся к большой горе, верх которой был плоским, как плато. Два младших члена отряда остались охранять запасных лошадей. Обычно для охраны лошадей выделялись мальчики лет двенадцати, но этот отряд состоял только из подготовленных бойцов. Поэтому из-за отсутствия мальчиков

должны были остаться либо два самых младших, либо воины с самыми слабыми конями. Таково правило.

Гора с плоской верхушкой располагалась примерно в миле от лагеря. Доехав до горы, Лакоты остановились и принялись ждать. Ближе к рассвету каждый воин взял в руки свой амулет и обратился через него к Четырём Ветрам, Земле и Небу, затем потёр амулетом нос и губы своей лошади, прикоснулся им ко лбу лошади, потёр вокруг её глаз, после чего провёл амулетом вдоль всей спины скакуна до самого хвоста. Это должно было придать четырёхногому другу особое чутьё, зрение и силу. Завершив ритуал, воины немного поводили своих лошадей, чтобы они спустили мочу и в дальнейшем не отвлекались на эту естественную нужду.

На заре Лакоты увидели, что Шошоны вывели свои табуны пастись за пределы стойбища. Лишь несколько коней осталось в деревне. Табун добежал до реки, напился и отправился на плоскогорье. Как только последняя лошадь табуна вышла из воды, Лакоты стремительно приблизились и окружили их, уводя за собой. Табун насчитывал почти сто голов. Позади задержались два Лакота, чтобы проверить, как поведёт себя враг. Как только они заметили воинов Шошонов, они немедленно помчались к своим с тревожным известием.

Поначалу Шошонов было гораздо больше, чем Лакотов, но они заметно отставали от отряда, который Гонит Его вывел уже на возвышенность. Гонит Его устроил всё таким образом, чтобы между Лакотами и врагами постоянно находился большой табун. Когда Шошоны стреляли, стрелы не долетали до цели. Мало-помалу Шошоны стали уставать, так как первоначально ехали слишком быстро.

Когда их осталось столько же, сколько Лакотов, Гонит Его велел своим людям развернуться и начать бой. Шошоны растерялись. Манёвр Лакотов оказался совершенно непредсказуемым.

Лакоты на скакивали и отъезжали два раза, свешиваясь со своих лошадей и используя их в качестве щитов. На третий раз Шошоны отступили и поехали обратно. Гонит Его застрелил ближайшего врага. Он ударил его копьём, сбросив с коня, и заработал первое прикосновение в бою. После этого он шлёпнул по коню убитого врага и обозначил этим, что стал его новым владельцем. Другие поступали так же.

Лакоты убили двадцать врагов.

Когда безумная скачка завершилась, вождь сказал, что пришло время ехать домой. Они убили Шошонов, захватили лошадей

и не понесли потерь. Больше ничего не требовалось.

На следующий день они распределили захваченный табун между собой. Пока Лакоты ехали, они неторопливо втирали алую краску в снятые скальпы врагов и привязывали их к длинным палкам.

Почти доехав до своего селения, они остановились на ночлег и выслали вперёд разведчиков, чтобы определить точное месторасположение своих палаток. На рассвете они сняли с себя одежды, покрыли лица чёрной краской, разрисовали тела яркими цветами и помчались с громкими криками в свой лагерь, подняв над головами палки с привязанными к ним скальпами. Священный Круг был отомщён».

После таких походов воины имели обыкновение собираться вокруг костра и перечисляли свои подвиги, призывая в свидетели своих товарищей. Им было важно не пропустить ни одного своего поступка, будь то прикосновение к живому противнику, удар по трупу врага, снятие скальпа или захват лошади.

Когда пришли белые люди, индейцы перенесли на них свои правила ведения войны. Европейцев же вовсе не интересовали прикосновения к врагу; их интересовала смерть врага. Сражаясь против туземцев, солдаты открывали огонь на поражение — никакого бахвальства, только убийство дикарей. «Чем больше мы убьём краснокожих в этом году, тем меньше нам придётся убивать в следующем» — фраза весьма распространённая в американской армии.

Первым вождём, который осознал бессмысленность традиционного индейского боя, был Неистовая Лошадь. Выступая перед своими воинами, он всеми силами старался объяснить им, почему против белых людей нельзя воевать старым способом. «Если мы выступаем против Васичей, то нашей целью должны быть не прикосновения к синим мундирам, а убийство солдат», — повторял он снова и снова. Первый раз, когда ему удалось убедить соплеменников сражаться по-новому, пришёлся на осаду форта Филип-Кирни во время так называемой войны Красного Облака в 1866 году. Неистовая Лошадь заманил отряд Феттермэна в засаду, и Лакоты убили всех солдат. В общей сложности погиб восемьдесят один человек. Второй крупной победой Неистойой Лошади было сражение на реке Маленький Большой Рог, которую индейцы называли Сочная Трава.

Вокруг битвы на Маленьком Большом Роге (25 июня 1876) ходит много легенд.

Солдат, напавших на огромное стойбище Лакотов и Шайенов,

возглавлял Джордж Кастер. Он прославился своей безрассудной отвагой ещё в Гражданскую войну и стал почти национальным героем. Индейцы прозвали его Длинные Жёлтые Волосы за его шикарные золотистые кудри.

Весной 1876 года армия начала широкомасштабные военные действия против всех равнинных племён, которые находились за пределами резерваций. Летом Кастер отправился со своей Седьмой Кавалерией на поиски Лакотов. Ему было предписано определить местонахождение индейцев и ждать прихода основных сил генерала Терри. Однако Джордж Кастер был слишком амбициозен и решил действовать самостоятельно. Получив сообщение разведчиков о том, что впереди раскинулся громадный индейский лагерь, Кастер разделил свой отряд на четыре группы. Майор Рино должен был идти прямо к деревне, капитан Бентин атаковать индейцев слева, сам же Кастер намеревался напасть на стойбище справа, обоз Мак-Доула с боеприпасами двигался неторопливо позади, ибо фургоны не поспевали за кавалеристами.

Племена на Маленьком Большом Роге стояли шестью большими лагерями. Крайними на севере расположились Шайены. От них на юг протянулись жилища Дакотов: Итажипчо, Миниконжу, Оглала, Сихасапа, Хункпапа. Индейцы настаивают на том, что в огромном стойбище были ещё две небольшие группы — Ассинибойны и Сичанги. Если эта информация верна, то их типи не располагались традиционно по кругу, так как их было слишком мало, а просто стояли по соседству, как и несколько палаток Арапахов.

Первый удар принял на себя майор Рино, выйдя на лагерь Хункпапов. Рядовой Моррис из эскадрона М рассказывал: «Масса индейцев, по крайней мере тысячи две, внезапно появилась перед нами... Джон Мэйр на своей обезумевшей лошади промчался дальше по долине сквозь индейцев, и они преследовали его две-три мили. Он сумел ускакать от них, получив пулевое ранение в шею. Лошадь Раттена тоже понеслась вперёд, но он умудрился развернуть её прежде, чем достиг индейцев. Его ранили в плечо».

Стоящий Медведь: «Оглядевшись, я заметил, как по противоположному берегу реки от спускается по склону отряд конных солдат. Переплыв реку, они пустились рысью... Кругом слышались крики, все в лагере куда-то бежали. Через некоторое время мой брат пригнал лошадей. Дядя сказал мне: „Собирайся скорее, мы выступаем“. Я поймал моего серого жеребца, схватил шестизарядный револьвер и повесил через плечо лук со стрелами».

Майор Рино дал команду спешиться. Все залегли, кроме самого Рино и капитана Френча, которые вдвоём шагали вдоль линии. Через пятнадцать минут кавалеристы вновь вернулись в сёдла и начали отступление.

Две Луны рассказывал: «Я видел, как солдаты отступали и бросались в реку, словно убегающие бизоны. У них не было времени искать брод. Лакоты преследовали их до вершины холма, где им навстречу двигались солдаты в повозках». Это подоспели Бентин и Мак-Доул.

Сидящий Бык: «С солдатами приключилась беда. Они были такие изнурённые, а лошади доставляли им столько хлопот, что они никак не могли хорошо прицелиться».

Рядовой Моррис: «Я лежал животом поперёк седла, не сумев сесть верхом. Индейцы приближались. Двое подлетели ко мне так близко, что я был уверен, что они меня заарканят».

Рядовой Джеймс Уилбер остался невредим во время отступления, но получил ранение на второй день. Он вспоминал, что во время той бешеной скачки к нему приблизился индеец и пытался стащить его с седла. Индеец был ранен в плечо и «всякий раз, как он хватал меня рукой, из его раны хлестала кровь и заливала мои рубашку и штаны. Он был настоящим дьяволом и висел на мне, покуда мы не домчались до реки».

К этому времени на другом конце стойбища появился Кастер. Навстречу ему выехали три Шайена: Короткохвостый Конь, Телёнок и Чалый Медведь. Как и Рино, Кастер велел солдатам спешиться. Через минуту он велел солдатам опять сесть в седло. Солдаты сделали попытку двинуться вперёд, но индейцев собралось уже так много, что атаки не получилось. Появление Кастера заставило основные силы Лакотов покинуть майора Рино, и это спасло его солдатам жизнь.

Храбрый Волк: «Когда я добрался до лагеря Шайенов, бой уже шёл. Солдаты спустились к реке, но никто не перебирался на наш берег. Я подъехал и увидел, что они начали отступать по узкой ложбине. Они были в боевом строю и бились отчаянно, но вокруг них кружило столько людей, что солдаты не могли выстоять. Они продолжали держаться строем, но всё время падали с лошадей, дрались и падали. Я думаю, все их лошади погибли, пока они поднялись на вершину холма. Никто не въехал туда верхом, и пешком добрались всего несколько. Это был жаркий бой, всё время жаркий. Я много раз сражался, но никогда не видел таких храбрых людей».

Вороний Вождь: «Они старались сдержать своих лошадей, но мы

наседали, и они отпустили лошадей. Тогда мы окружили солдат, погнали их кучей к лагерю и убили всех. Они были постоянно в боевом порядке и бились смело, пока последний человек не пал».

Подробностей о смерти самого Кастера никто так и не сообщил. Поклонники этого офицера предпочитают думать, что он держался в строю до последней минуты и был сражён пулей в сердце. Другие настаивают на том, что он застрелился. На его теле было обнаружено два пулевых отверстия — в области сердца и в левом виске. Некоторые настаивают на том, что он был ранет также в правую кисть. Большинство тех, кто видел его труп, упоминают об отсечённом мизинце, но все утверждают, что Кастер не был оскальпирован. Но есть несколько свидетельств, что тело Кастера было сильно изуродовано. Впрочем, эти сообщения официально не были обнародованы в то время и сохранились в частных письмах.

Битва на Маленьком Большом Роге была последней победой индейцев. В 1877 году последние военные вожди сложили оружие. Эпоха войн на Великих Равнинах закончилась. Индейцы осели в резервациях.

Но голод, болезни, нищета, бессмысленность существования на ограниченной территории очень скоро довели вольнолюбивых людей до отчаяния. Комиссионер Морган писал по этому поводу: «Свободу охоты пришлось променять на бездействие в лагере, безграничное пространство — на узкие рамки агентства, изобилие дичи — на ограниченные и постоянно сокращающиеся поставки правительственных пайков. При таких обстоятельствах человеку, в силу его природы, свойственно возмущаться и протестовать».

В конце 1880-х годов по равнинам распространилась Пляска Духов, которую позже стали называть новой индейской религией. Её родоначальником был Вовока, индеец из племени Пайюта. Он утверждал, что произойдёт нечто вроде великого землетрясения. Все достижения белых людей (дома, товары и т.д.) останутся, но сами белые исчезнут. Индейцы же уцелеют и смогут пользоваться землёй и всеми богатствами, в том числе и теми, которые останутся после ненавистных Бледнолицых. Кроме того, воскреснут все умершие индейцы и соединятся в одной дружной семье. Но те индейцы, которые не верили в пророчество, должны были сгинуть вместе с Бледнолицыми. Вовока сказал также, что свою веру в пророчество индейцы должны были проявить в так называемой Пляске Духов.

Первые слухи о новом мессии достигли Лакотов зимой 1888—89 года. Первая делегация, направленная Лакотами к Вовоке,

вернулась в резервацию весной 1890 года. После подробного рассказа паломников о беседе с Вовокой Пляска тут же была начата и распространилась с такой скоростью, что за пару месяцев эту религию приняло подавляющее большинство племени.

Джеймс Маклафлин, агент по делам индейцев в резервации Стоящая Скала, сообщал в своём отчёте, что Лакоты были чрезвычайно взволнованы известием о скором исчезновении белых. «По предсказанию шаманов это должно произойти весной, с появлением первой травы. Индейцев учат, что Великий Дух наслал на них более сильную расу, дабы наказать за грехи и что теперь грехи будут искуплены. Их поредевшие ряды будут восстановлены, ибо на землю вернутся все Лакоты, которые когда-либо жили, и эти духи уже находятся в пути, чтобы снова заселить землю».

Как и другие племена, Лакоты полагали, что в момент катаклизма произойдёт землетрясение. Согласно одной из версий, оползнию будет сопутствовать потоп, в результате чего белые захлебнутся водой и грязью. Когда подойдёт срок, Лакотам следует собраться в определённых местах и подготовиться к отказу от всех земных вещей, скинув с себя одежду. В отличие от других племён, Лакоты не желали оставлять себе вещи белого человека. Для пляски они старались сшить традиционные рубахи из кожи, что в те годы было очень непросто сделать, ибо охота была под запретом. За неимением кожи, они соглашались на рубашки из ткани, но кроили их на старинный манер и украшали их традиционным образом.

Эти рубахи были самой примечательной деталью Пляски Духов. Их надевали во время танцев (как верхнюю одежду), но многие носили их постоянно, надевая под повседневный костюм. Среди Лакотов утвердилось мнение, что эти рубахи были неуязвимы для пуль.

Ниже приводятся выдержки из отчёта агента Фостера о беседе с индейцем по имени Кувапи, который проповедовал доктрину Пляски Духов, приехав из резервации Розовый Бутон в агентство Янктон. В ноябре 1890 года Фостер послал отряд полиции арестовать Кувапи. Отрядом командовал Вильям Селвин, чистокровный Лакот, получивший хорошее образование в Филадельфии.

Селвин: Что заставило тебя поверить в нового мессию?

Кувапи: Я съел немного бизоньего мяса, которое новый мессия послал через Низкого Быка в агентство Розовый Бутон.

Селвин: Рассказывал ли Низкий Бык, что, находясь у сына Великого Духа, он видел стадо живых бизонов?

Кувапи: Низкий Бык говорил, что бизоны и прочая дичь вернутся

к индейцам одновременно со всеобщим воскрешением во благо индейцев.

Селвин: Ты сказал «всеобщее воскрешение во благо индейцев». Когда оно должно произойти?

Кувапи: Отец послал нам известие, что он сделает это весной, когда трава вырастет до колен.

Селвин: Ты сказал «Отец». Кто это?

Кувапи: Новый мессия.

Селвин: Ты сказал, что Отец не собирался посылать бизонов до тех пор, пока не произойдёт воскрешение.

Кувапи: Отец хочет сделать всё сразу. В том числе и уничтожить белую расу.

Селвин: Ты сказал об уничтожении белой расы. Ты имеешь в виду, что всё человечество, кроме индейцев, погибнет?

Кувапи: Да.

Селвин: Как и кто будет истреблять белых людей?

Кувапи: Отец хочет наслать страшный циклон или ураган, в котором погибнут все белые.

Селвин: Что заставило тебя поверить в то, что на земле сейчас новый мессия?

Кувапи: Танцоры во время пляски теряют сознание. Очнувшись, они приносят вести из неведомого мира и кое-какие вещи типа бизоньего хвоста, мяса...

Селвин: Что они делают, находясь в бессознательном состоянии?

Кувапи: Они посещают богатые охотничьи угодья, становища со множеством народа и видят огромное количество странных людей.

Селвин: Что говорят им эти странные люди?

Кувапи: Когда обморочный приходит в становище, его встречают умершие родственники и приглашают на несколько пиров.

Селвин: Когда умершие вернутся, у вас сразу прибавится очень много старших по возрасту родственников, не так ли?

Кувапи: Обморочные говорят, что на том свете нет ни одного старика или старухи, все они помолодели.

Селвин: Говорили ли обморочные, есть ли на том свете белые?

Кувапи. Нет, их там нет.

Селвин: Сколько людей в агентстве Розовый Бутон, на твой взгляд, верят в нового мессию?

Кувапи: Почти все.

Власти, опасаясь, что Пляска Духов могла перерасти в восстание, поспешили призвать армию для контроля над ситуацией. Стоящий

Медведь вспоминал в своей книге, что весть о приближении солдат настолько испугала индейцев в агентстве, что они снялись всем лагерем и уехали задолго до рассвета. Особенно обеспокоило Лакотов появление Седьмой Кавалерии, которое они восприняли как явное стремление Синих Курток отомстить за поражение на Маленьком Большом Роге.

И всё же Лакоты не проявили агрессивности. Комиссионер по делам индейцев вспоминал позже: «Не было сигнальных огней, никаких демонстраций военных настроений, ни тени насилия не проявили индейцы по отношению к белым поселенцам. Среди самих индейцев не было организованности и сплочённости. Многие из них проявляли дружелюбие и даже не принимали участия в Пляске Духов. Но всё-таки они скрылись... из страха перед солдатами. Военные же постепенно смыкали кольцо вокруг них».

И вот неподалёку от ручья, который назывался Раненое Колено, Седьмая Кавалерия под командованием Форсайта встретила группу Большой Ноги. Сам вождь Большая Нога был почти неподвижен, измученный голодом и болезнью. Все его люди, измождённые и отчаявшиеся, направлялись в резервацию. Никакой речи о военном столкновении не могло быть. Ослабшего вождя перенесли в санитарную повозку. Индейцев пересчитали. Мужчин было 120, женщин и детей — 230.

29 декабря 1890 года сотрудник газеты «World Herald» Генри Тиблс добрался до стоянки Большой Ноги, возле которой расположились солдаты. «Полковник Форсайт разместил солдат по квадрату вокруг индейского лагеря, не замышляя ничего дурного на юге, возле глубокого ущелья с почти вертикальными стенами, находился лейтенант Тэйлор и его скауты-Шайены. Чуть северо-западнее, на пологом холме, стояли четыре гаубицы, которыми командовал капитан Илсли... Внутри, за линией солдат, я видел индейцев, сидевших полукругом перед полковником Форсайтом, который разговаривал с ними через переводчика. Я видел мужчин и женщин, бродивших по лагерю, среди них несколько белых людей. Там находился священник Крафт в своей тёмной одежде. Капитан Вэллас, как я разглядел, был далеко от своей роты, чем-то торгуя или обмениваясь с индейцами. Почти целый час я сидел в седле, созерцая это. На небе не было ни облачка».

Генри Тиблс сделал пометки в рабочем блокноте и поехал обратно. Отъехав на достаточное расстояние, он слышал выстрелы...

Началась бойня. Никто толком не смог понять, как всё случилось.

Что заставило солдат открыть огонь? Был ли отдан соответствующий приказ? Или у кого-то просто сдали нервы и за первым случайным выстрелом последовали другие?

Лакотов расстреливали в упор. Многие из спешившихся кавалеристов, находившихся среди индейцев, были скошены пулями своих товарищей, так как внезапность начавшейся стрельбы не позволила им уйти в сторону. С началом бойни погода испортилась, набежали хмурые облака, задул снежный ветер.

Пронырливая Медведица: «Мы пытались бежать, а они стреляли в нас, как в стадо бизонов. Я знаю, что бывают добрые белые люди, но солдаты, должно быть, были самыми ужасными людьми, ибо они расстреливали женщин и детей».

Когда это безумие кончилось, Большая Нога и больше половины его людей были убиты или тяжело ранены. В общей сложности погибло около 300 индейцев.

На этом история воинов-Лакотов должна была закончиться. Возле кладбища, где были захоронены жертвы расстрела, появилась простенькая католическая церквушка, получившая название церковь Святого Сердца. Однако кровавое событие 1890 года на Раненом Колене оказалось не точкой, а многоточием.

Правительство США проводило жёсткую политику по искоренению традиционных туземных культур, понимая, что с исчезновением духовной стороны исчезнут и сами индейцы. Человек без корней перестаёт иметь своё лицо. Индейское лицо белой Америке не нравилось, оно пугало, напоминало об огромной природной силе, заложенной в мировоззрениях аборигенов, угрожало прорывом природной энергии, не желающей жить в тесных рамках «цивилизации».

С 1881 года правительство США запретило индейцам проводить Танец Солнца в каком-либо виде. В 1930 году индейцам было позволено возобновить эту церемонию, но без самоистязаний.

«Принято считать, что после запрещения правительством в 1881 году проводить Танец Солнца, эта церемония больше не происходила до того момента, пока в 1928 году в резервациях Сосновый Утёс и Розовый Бутон не случился большой праздник. Но это не так. Танец Солнца устраивался в Сосновом Утёсе ежегодно и, конечно, с прокалыванием тела. Но церемонии проходили тайно, в удалённых местах, и людей там собиралось мало. Принимались самые тщательные меры предосторожности, чтобы эти места не были обнаружены. Танец Солнца — наша религия, наша высшая форма

молитвы Богу. Поэтому мы и проводили церемонию каждый год, чаще всего в конце июля, но случалось и другое время. Случалось, мы приглашали туда и наших друзей-Бледнолицых; они прекрасно понимали, что всё происходившее было противозаконным... Наконец, в 1952 году меня вызвали в контору агентства и сказали, что мне разрешат проводить Танец Солнца с прокалыванием на территории резервации. Но мне выдвинули некоторые условия. Во-первых, они желали знать, имелось ли у меня лекарство для лечения ран. Во-вторых, они заявили, что вся ответственность ляжет на меня, если у кого-то случится нагноение и тому подобные неприятности. Я согласился. И в 1952 году я получил документ, разрешавший мне протыкать людей во время церемонии. С тех пор я прокалывал восемь человек ежегодно» (из воспоминаний Обманувшего Ворону).

По крохам индейцы отвоёвывали своё «я», бились за право возратить ему громкое, уважительное звучание. Вторая половина двадцатого века ознаменовалась заметной активизацией коренных американцев, возникло ДАИ (Движение Американских Индейцев[1]), одним из основателем которого был Дэнис Бэнкс. В конце шестидесятых к ДАИ присоединился Рассел Минс, известный по всему миру как исполнитель ряда индейских ролей в голливудских кинофильмах («Последний из Могикан», «Прирождённые убийцы» и многие другие).

В 1970 году Минс принёс общенациональную известность ДАИ, организовав шумное столкновение с костюмированными пилигримами в Плимуте во время Дня Благодарения, национального праздника США. Это событие получило широкое освещение по телевидению и сделало Минса национальным героем в глазах либералов. «Мы не хотим гражданских прав белого человека, — говорил Минс. — Мы добиваемся наших собственных суверенных прав... Нашими действиями мы надеемся задеть за живое каждого человека. Мы поняли, что только нарушив покой в мире белого человека, мы будем услышаны».

В феврале 1972 года он возглавил манифестацию из почти полутора тысяч индейцев и направился в Гордон, чтобы заявить протест против убийства Раймонда Жёлтого Грома, индейца из резервации Лакотов. В том же году состоялся знаменитый Поход Национальных Договоров, и Минс был одним из его руководителей. Многие участники похода оделись в традиционные костюмы, украсили голову уборами из перьев и раскрасили лица на боевой манер. «Те из нас, кто покрыл свои лица краской, дали клятву умереть за идею, в которую мы верим, —

объяснял Рассел репортёрам. — Мы, индейцы, никогда не боялись умереть, потому что знаем, чего хотим». Племенной совет резервации, состоявший из консервативно настроенных индейцев, назвал участников этой акции ренегатами и маоистами. Глава совета Дик Уилсон, тесно сотрудничавший с ФБР, добился судебного предписания, которое запрещало Расселу Минсу и другим членам ДАИ выступать с речами и проводить собрания в резервации. Но вскоре после этого от рук расистов погиб индеец по имени Уэсли-Бык-С-Плохим-Сердцем, и Минс возглавил демонстрацию протеста. Противостояние между индейцами-традиционалистами и властями усиливалось, обе стороны пылали ненавистью. После очередной встречи с Диком Уилсоном Рассел Минс был жестоко избит. «В следующий раз мы снимем с тебя скальп! — предупредили его. — Хороший индеец — только мёртвый индеец».

27 февраля 1973 года Минс и около двухсот его сторонников, вооружённые охотничьими ружьями, пистолетами и несколькими автоматическими винтовками, пришли в посёлок Раненое Колено и заявили, что они утверждают традиционное племенное правление, независимое от марионеточного правительства Соснового Утёса.

Это произошло почти век спустя после трагических событий на берегу Раненого Колена, когда была расстреляна группа Большой Ноги. И вот Лакоты снова пошли в бой. «Хороший день для смерти!» — выкрикивали некоторые из них. Заняв круговую оборону в церкви Святого Сердца, они готовы были умереть, лишь бы поднять дух своего племени и привлечь внимание общественности к бедам Лакотов. Восставшие потребовали расследования Сенатом злоупотреблений со стороны Бюро по делам индейцев, а также пересмотра 371 договора, заключённых с племенем и нарушенных правительством США. «У правительства есть два пути, — сказал журналистам Минс, — либо атаковать нас, как это было в 1890 году, либо рассмотреть наши требования. Мы клянёмся нашими жизнями, что это будет поворотный пункт в истории нашего народа. Правительство должно либо убить нас, либо пойти навстречу нашим требованиям. Так или иначе, но это будет поворот».

Леонард Вороний Пёс, шаман Оглалов, сказал: «Мы — народ природы, счастливый народ. Белые люди пытаются всё изменить, вот почему мы обязаны находиться сейчас здесь. Я не боюсь смерти. Если я умру здесь, на Раненом Колене, то я отправлюсь туда, где сейчас Неистовая Лошадь и Сидящий Бык».

Сотрудники ФБР и полиции взяли восставших в плотное кольцо.

Начался мощный обстрел деревушки из всех видов автоматического оружия. Подкатили броневые машины. Иногда индейцы выезжали навстречу этим грохочущим броневикам на мотоциклах и ударяли по ним палками, зарабатывая подвиг-прикосновение.

Со всех концов страны к деревушке на Раненом Колене потянулись журналисты. Администрация Соснового Утёса и её глава Дик Уилсон с пеной у рта доказывали, что повстанцы — это просто бандитская шайка, агенты коммунистов и «клоуны-идиоты», которых следовало судить по всей строгости закона. Но его речи не выглядели убедительными. Весть о восстании Лакотов разнеслась по всему миру. К осаждённым индейцам пытались пробраться молодые люди вовсе не индейской крови, чтобы бок о бок с ними защищать то, чего так сильно не хватает современному цивилизованному человеку — право иметь своё собственное лицо.

8 мая 1973 года, через семьдесят дней плотной осады, во время которой не раз начинались и завершались ничем переговоры с представителями правительства, Лакоты сложили оружие, посчитав свою задачу выполненной. Они думали, что мир услышал их.

«События в Раненом Колене произошли потому, — сказал Рассел Минс много лет спустя, — что индейцы хотели остаться индейцами, а им не оставили для этого никакой возможности. Поэтому мы и заявили о себе во весь голос. Вот что важно понять: индейцы вновь должны стать свободным народом... Быть индейцем — это значит жить с землёй и на земле, а это возможно для нас только если мы снова станем свободными... Единственный способ быть свободным, это осознать свою ценность как отдельно взятой личности».

17 декабря 2007 группа индейских активистов во главе с Расселом Минсом провозгласила независимую республику Лакота. При провозглашении этой республики было объявлено о расторжении договоров между племенем Лакота и федеральным правительством США, о чём было направлено уведомление в Госдепартамент США. От лица республики Лакота были выдвинуты претензии на часть территории США, которая считается родиной Лакотов.

Как мы видим, борьба Лакотов не прекращается по сей день. Индейцы убеждены, что рано или поздно им удастся вернуть свои земли. «Мы жили в этой стране не одну тысячу лет, — говорят краснокожие воины, — мы не торопимся. Мы можем подождать ещё сто лет. За нами — истина. За нами — Великая Тайна. Мы готовы умереть, чтобы наш дух мог существовать на этой земле».

[1] American Indian Movement (AIM). Удивительным образом аббревиатура AIM (в переводе с английского означает «цель») получила самостоятельное звучание.